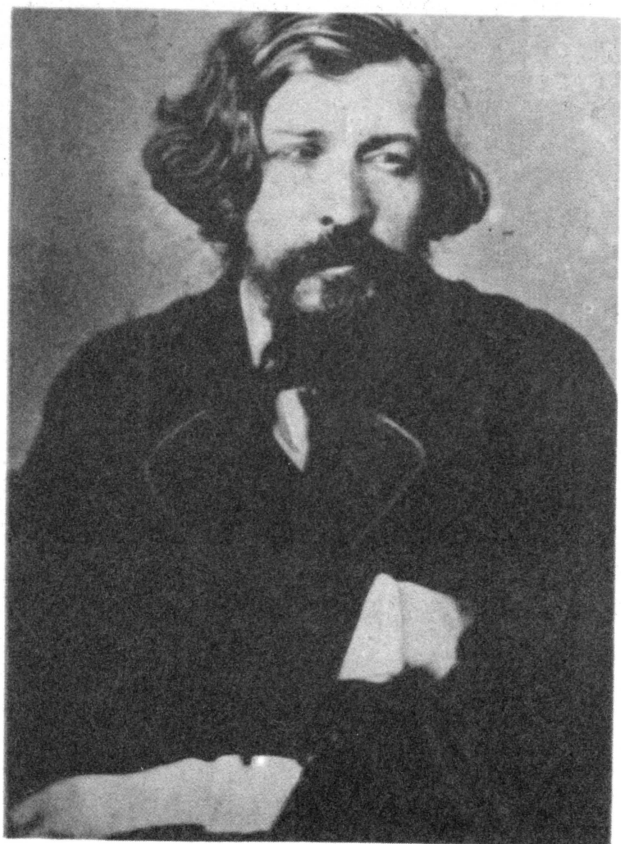

уральский

следопыт

№7 **** 1978

По указанию жандармскому...

На следующий день после гражданской казни, 20 мая 1864 года, Н. Г. Чернышевского отправили в Сибирь, в Нерчинские рудники, на семь лет каторжных работ.

Год проходил за годом. Приближался срок освобождения, но...

Его могли освободить еще в 1868 году по указу, когда царь сокращал сроки отбывания каторги всем политическим заключенным, осужденным до 1 января 1866 года. Его могли освободить в 1870 году согласно положению, по которому каждые 10 месяцев каторги исчислялись за один год. Его, наконец, должны были освободить в 1871 году после семи календарных лет каторги. Проходил срок за сроком, а Чернышевский продолжал оставаться каторжанином. Царь и не думал освобождать борца за народное дело.

Читайте стр. 11.

в номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. Сенчев ДОМ ПОЛИТОВЫХ	2
А. Чечулин ШЕСТНАДЦАТЬ СТУКНУЛО В ПОЛУЧКУ... Стихи	6
Б. Чельшев КАК РАБОТАЛ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ	8
Б. Емельянов ПО УКАЗАНИЮ ЖАНДАРМСКОМУ	11
В. Снегирев ПУТЬ НА СЕВЕР	12
Р. Зверева ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА	17
Г. Машкин ПОЛОВОДЬЕ	18
В. Суров НА РЕКЕ — ТЕПЛОХОД...	35
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	42
А. Войскунский НЕВИДИМЫЕ КОЛЛЕДЖИ	44
Л. Квин ВЕЗЕТ ЖЕ ЛЮДЯМ!	48
А. Козырев ДОРОГА ЖЕЛЕЗНАЯ...	63
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	64
П. Мариковский ЛОВЦЫ ПЕСЕН	66
Б. Рябинин КТО ЗАЩИТИТ ЗАЩИТНИКА	68
А. Матвеев ЯЗЫК ЗЕМЛИ. Продолжение	74
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 30/III 1978 г.
НС 11103
Подписано к печати 17/V 1978 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,9
Тираж 275 000.
Заказ 599
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
Е. СТЕРЛИГОВОЙ
Оформление 2-й стр. об-
ложки — А. КОПЫСОВА

© «Уральский следопыт», 1978 г.

№7 * 1978

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

**Николай
СЕНЧЕВ**

Рисунки
Е. Стерлиговой

...И грезился старушке сон. За широким, задернутым гладкой скатертью столом возвышались по ранжиру ее сыновья и дочери — Политовы. И там, в углу, куда упирался стол, восседал, конечно же, сам голова — Иван Федорович. И таилось в его взгляде нечто значительное, словно вопрошал он: «Все ли в нашем доме, любушка Софья Ивановна, в порядке?»

Дом Политовых сбит так, чтобы солнце, с какого бы бока ни светило, гляделось в окошки. В Горном Шите все старые дома выстроены с таким смыслом, с расчетом на то, чтобы, если сумерничать, так при огне закатного солнца, не расходуя в лампе керосина; и в утренние часы не залежишься — луч бьет в глаза, тревожит, будит.

Новые жилища, поднятые в последние десятилетия, и лицом, и профилем смотрят на восток и юг. Но здесь интерес другой — естественная тяга к свету, теплу, без мысли о каком-то керосине и вообще без всякого намека на экономию.

Первый луч августовского светила разбудил Софью Ивановну. Она оделась. Черная кофта-самовязка, поплиновая юбка, глубокие тапочки, опущенные вокруг шиколоток. Но вспомнив, что с вечера заветрило и Таньку с Манькой, молодых проказливых коз, придется на сей раз выставить на заречный лужок, потому что в огороде, на привязи, им, чертовкам, неymeтcя и целят они сорваться с полевой межи поближе к капустке и свекольным вихрам, — вспомнив все это, подумала: на лужок идти далече, ветер, северный, надобно менять наряд. На полатах распотрошила узел, извлекла сатиновые шаровары, в сенках разыскала хромовые, слегка загрубевшие в подъемах сапоги... И в такой одежде, на удивление всем прямая и быстрая, эта семидесятичетырехлетняя старушка заспешила по улице.

Сельчане народ такой, что им желательно бы знать о своих соседях все до тонкости. Жители Горного Шита — не исключение, наоборот, их крестьянское любопытство обостряется близостью к большому шумному городу. Жизнь в таком положении у сельчан бойчее, насыщен-

нее, интерес друг к другу, естественно, удваивается.

Так вот: молодежь удивляется силе Софьи Ивановны Политовой, задору, старики — странному упорству, нежеланию покинуть этот старый, покосившийся дом и перебраться к детям. Благо, дети ее — умные, добрые люди, только и живут мыслями о матери, ждут ее, зовут. Не хочется стеснять детей? Так только слово скажите, и ей, уважаемой Софье Ивановне, как вдове фронтовика, мигом дадут благоустроенную квартиру... Но Софье Ивановне такие слова смешно слушать и неловко...

Анатолий Воровин, сосед Софьи Ивановны, как-то заглянул в ее дом. Прошелся по двору и увидел: старушка тащит с огорода огромный навильник картофельной ботвы. Увидел, испугался: «Ты что, бабка, стальная? Бросай вилы!»

Софья Ивановна бросила. Не на землю, а вверх, на сеновал, на двухметровую высоту, по-мужски, ладонь о ладонь отряхнув руки, присела на завалинку, выжидательно кашлянула.

— Пришел я подправить ворота, думал, что сама кликнешь. А ты, бабка, гордая, не зовешь.

Софья Ивановна ответила скоро, без запинки:

— Ты, Толя, о моей избе не берись. Развалится — похоронюсь под нею. Но подновлять не дам. Конечно, капремонт ей нужен...

Старуха умеет выражаться по-современному, чему в селе никто не удивляется.

— ...Капремонт, я говорю, ей нужен, — еще раз тягостно повторила Софья Ивановна и неожиданно заключила: — Слетятся мои птахи и соколы и гнездо свое после этого капремонта вдруг не узнают?

Призадумалась Софья Ивановна... Она знала своих детей, чувствовала их души и сознавала, что дело не только в доме, иная «пуповина» связывала их с родной уральской зем-

ПОЛИТОВЫХ

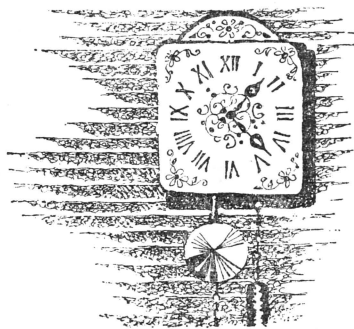

лей. Дом — это понимала Софья Ивановна — всего лишь точка пересечения разнонаправленных мыслей, желаний, устремлений ее детей. И в этой точке пересечения обнаруживается то общее, что связывает братьев и сестер между собой и матерью, между собой и горнощитским людом.

— В общем, родительский дом — это родительский дом, его и на кривых оглоблях не объедешь, — завершила свой разговор старушка.

Уходил сосед от Политовой в некоторой растерянности: хотел помочь бабушке от чистого сердца, а она вон как повернула, и не поймешь — что к чему.

Тем временем Софья Ивановна, растроганная и расстроенная, ходила по горенке, перебирала стопки фотографий, не знамо как попавших ей в руки. Фотографии были и старые, и новые. Но в них была одна особенность: и те, и другие прямо соотносились с домашней обстановкой, бытом, характером политовского дома. Вот два снимка старшего сына Андрея. На первом стоит оголец — смиренный и тихий, наверно, напуганный значком довоенного фотоаппарата. На огольце — картуз с торопливо вложенным цветком за пуговку и ситцевая, в пшено, рубашонка. Цветочек, помнится, вложила за пуговку картуза старшая сестра Александра. «Чтоб красивше был, братка», — убеждала она Андрюшку. Рубашку Софья Ивановна перешила из отцовской косоворотки. Косоворотка почти сгорела от пота, но оставался клоч, из которого выходила рубашонка для сына. Перешивала вот на этой машинке, на «Зингере», стоящей сейчас в правом углу горницы. Но дело не в том. Софье Ивановне запала в память другая деталь. Перед сном Андрей аккуратно и бережно вздевал рубашку на тонкий гвоздок, вбитый по светлую сторону загородки, разделяющей политовский дом на горницу и кухню. Гвоздок сохранился и по сей день, может быть, тронула его ржа, но этого не видно, потому что и гвоздь, и загородка густо закрашены в зеленый цвет. В прошлом году Андрей, навещавшийся в отпуск, черной морской китель повесил на это место. Софья Ивановна, смущаясь, подсовывала ему широкие металлические плечики, но сын, зага-

дночно улыбнувшись, повесил китель именно на этот гвоздик. Да, вот этот мицманский китель, в котором он снят на последней фотографии. На груди — медали, знаки отличия, на лице — прекрасная политовская улыбка.

Вот Тамара — дочь младшая, Геннадий — из сыновей последний, Александра — самая старшая. Медленно перебирает Софья Ивановна семейные фотографии. И это незабываемое, грустное на взгляд со стороны занятие являло для старушки радостное чудо: дом оживал, наполнялся голосами разных людей.

Старинные горнощитские фамилии Богатыревых и Политовых соединились в тысяча девятьсот двадцать третьем году. В роду Богатыревых правил тогда Иван Максимович — первый в округе кузнец, человек доброго сердца и строгих нравов. Два года он держал дочь Софью и зятя Ивана у себя в доме, пока не зародилась опаска: легко им привыкнуть к готовому, потерять всякую самостоятельность. Поэтому кузнец рассудил так: вот вам корова, вот прямая дорога, что найдете — то ваше. Искать ничего не пришлось. Сняли квартиру тут же, в селе. Когда родилась Саша, а потом Галя, стали подумывать о собственном доме. Софья склоняла Ивана присмотреть хату да и купить. Но Иван, вечно спокойный, вдруг запритоптывал ногой, говоря: «Нам не надо дом из чужих рук, нам нужен свой, своими руками поставленный». Осенью Иван Федорович ушел на заработки. Софья Ивановна — тоже. Он долбил на

карьере шебенку, она на белоногом худушем мерине подвозила муку в пекарню. Медяк к медяку — так собирались деньги на дом.

Сосны рубили в Мокрой Лани. Сосняк здесь стоял светлый, длинноствольный, под яркими абажурами зеленых крон. Софья Ивановна и сейчас помнит: первым занес топор сват Семен Алексеевич Бабин. Тонко выщелкнула щепа. Другую сосну валяли пилой. Два дюжих молодца — Андрей и Иван Богатыревы — мерились силушкой, рвали из рук друг друга гибкое и звонкое полотно.

Дом... Было бы неправдой сказать, что он ставился трудом одних Политовых. В дом вкладывались сила, умение, опыт родственных людей и многих односельчан. Не тогда ли настраивалась та незримая двусторонняя связь, которая соединяет нынешних Политовых с нынешним Горным Щитом?

1929 год — важная дата в истории Горного Щита, в истории семьи Политовых — важная вдвойне. В тот год в селе был создан колхоз. В это же время Политовы подняли свой дом на мох — скатали его. Под вечер «увязывали» последний венец, когда пришел сосед Андрей Балухов и позвал на сход, на котором мужикам предстояло решить — идти в колхоз или остаться в стороне. Перед Иваном Федоровичем, выросшим полусиротой, в бедности, выбора не было. В колхоз он вступил без раздумий...

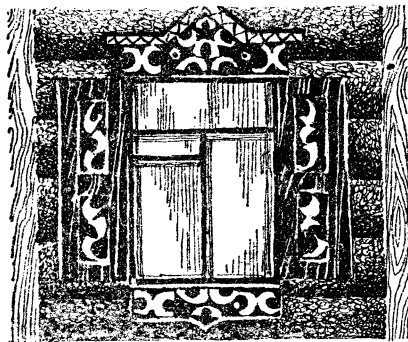
Приметы той жизни, по-особенному новой, несомненно героической и трудовой, в сознании Политовых совпали (и не могли не совпасть) с приметами родного очага. Старшая из детей, Александра Ивановна Овнищева, вспоминает те давние осенние вечера, когда в новую избу Политовых собирались со всего порядка люди. Мужики трясли кисеты, бабы, подобрав юбки, доставали из карманов семечки. Иван Федорович, таинственно улыбаясь, извлекал из ополосованного в железную клетку сундучка детекторный радиоприемник. Наушники ходили из рук в руки. Но чаще делали так: Алексей Илларионович Пятков, сухонький и вежливый старичок, слушал один и тут же доносил вести о первых успехах колхозного строительства, называл имена ударников первой пятилетки. Взрослые слушали внимательно, изредка прерывая Пяткова возгласами: «Надо же!» или — «Вот это да!». Дети свертывались у взрослых на коленях или убегали на печку, от которой мостком к глухой стене перекинулись полати. Полати были отгорожены от горницы сучковатой перегородкой. Один сучок выкросился, и образовался аккуратный, с луковичку, глазок. В этот глазок Александра, Галя, Андрей по очереди наблюдали за компанией, по субботам собиравшейся у Политовых.

Приходил Софьян отец, Иван Богатырев, и свекор — Федор Политов. Обязательно забегал сосед Андрей Балукон, ровесник Ивана Федоровича. Часто заглядывал шури — Егор Любоницын. Не проходила мимо Анна Воровина. Рассаживались вокруг стола. На столе — десятилитровая лампа и ведевший самовар, такой же яркий, как и лампа. Было в этом чаепитии что-то ритуальное. Сначала заводили песню. Мягким баритоном Иван Федорович запевал старинную «Славное море, священный Байкал...» Это была разминка. И когда, укрепив голос, хозяин затягивал «То не ветер ветку клонит», где-то на середине ее подхватывала Софья Ивановна, а к концу супружеское двуголосие уступало место стройному хору. Мужики и бабы пели самозабвенно, со слеза-

ми. Венчалось субботнее чаепитие песней, в которую тонко вливались голоса детей, — «Там вдали, за рекой...» Она и сейчас, эта песня, любимая у Политовых.

Иван Федорович был хозяином... Без отца сесть за стол — такого закона не было. Семейная власть отца покоилась не на страхе — на уважении. Поэтому она не утратила свою силу до сей поры, хотя прах Ивана Федоровича, сраженного фашистской пулей, уже тридцать шесть лет покоится в братской могиле подо Ржевом.

Уходил он на войну вместе с Семеном Чернавским, Егором Глазыриным и Михаилом Богатыревым. Перед дорогой сели в последний раз за стол. Вокруг чашки лежали наизготовке деревянные ложки, вырезанные и искусно разрисованные Ива-

ном Федоровичем. Чтобы дети не путали ложки и не шумели из-за этого, на каждой ложке — метка. Такой ложкой Иван Федорович в последний раз ел за мирным застольем.

Два месяца спустя пришло от него письмо. «Учеба продолжается, сдаю все отлично, говорят, что из меня выйдет хороший снайпер, — писал он семье, и далее: — Получил посылку. Чувствуется тепло и любовь от сердца, чувствуется полное дыхание ваше, все мои мысли — к вам, в родной дом...»

Что же было в посылке, так взволновавшей уральского солдата? Софья Ивановна вспоминает: «Пару шерстяных носок положила я тогда, кое-что из харчей... С макушек Андрея, Нины и Тамары состригла по вихорку, завернула в тряпицу. Еще был длинный список: от кого поклон и сердечное уважение. Список был очень длинный, потому что кланялись ему все односельчане...»

Когда Ивана Федоровича Политова в 1936 году избрали председателем Горнощитского сельского Совета, он первым делом организовал строительство новой школы. Старая

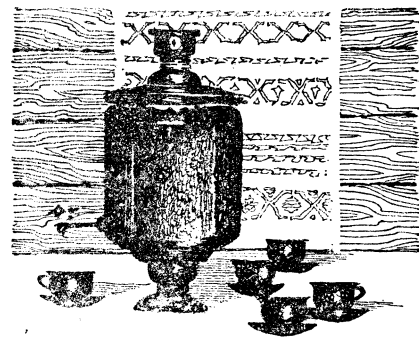
располагалась в еще крепком поповском доме, но уже не могла вместить подрастающих горнощитских детей. Строили школу всем селом. Из Арамиля, бывшего тогда райцентром, приезжал представитель, посмотрел, как мужики и бабы, словно муравьи, работают упорно. Посмотрел, что председатель везде первый и в работе все «яблочки» на ладонях стер, и понял: школа — дело решенное, надо хлопотать об инвентаре.

В дни строительства Политов возвращался с первыми звездами, но дом не спал, ждал его. Ждала его и томилась банька, которая и сейчас стоит целехонькая, пахнущая старым дымом и слежалыми вениками. Пока Иван Федорович в пару трепал березовый пук, в горнице ждали его, рассевшись вокруг стола по ранжиру: Александра, Галина, Андрей, Нина и совсем еще маленькая Тамара...

Они ждали отца с тем замиранием сердца, когда предстоит открыть что-то необыкновенное. В общем так оно и было. Иван Федорович действительно был своего рода волшебником, открывающим для них мир. Если он брал на руки махонькую Тамару, то нацеливал ее взгляд на какую-либо вещь и подавал эту вещь в необычной раскраске. Заскрипит телега на дороге — смотри, скажет Иван Федорович, едет музыка. Грянет дождь — небушко плачет, так заметит отец.

Был он, наверное, педагогом от корня и, как педагог, считал, что дом для детей должен стать не просто убежищем от дождя и снега, не просто крышей, под которой можно спокойно похлебать щи, а нечто большим, неизмеримо важным, а каким важным — это он и в словах выразить не мог.

В этих мыслях с ним была полностью согласна «любушка Софья Ивановна», и поэтому каждое их решение о судьбе вещей из домашнего обихода было мудрым. Помнится, развалилась зыбка, в которой вынычались Александра, Галина и Андрей. Зыбка, сплетенная когда-то дедом Иваном из ивовых прутьев, — не люлька теперь, а так себе, лукошко под гусыню, и место ей теперь либо

в печке, либо в мусорной куче. Но у Политовых эта рухлядь неожиданно нашла почетное место — в переднем углу. И сейчас, думая об этом, Александра Ивановна Овинцева (по-девичьи — Политова), уже немолодая, прожившая, считай, жизнь женщина, плачет...

Их, Политовых, по крови, семь человек. Не все остались в живых. Назовем их, здравствующих, по порядку, укажем место жительства и профессию.

Александра Ивановна Овинцева, рождения 1925 года, всю жизнь работала воспитателем в детском доме, сейчас на пенсии, но продолжает трудиться бухгалтером в Горнощитском сельском Совете. Живет в Горном Щите.

Андрей Иванович Политов, рождения 1937 года, по профессии военный моряк.

Тамара Ивановна Молоткова, рождения 1937 года, заведующая отделом социального обеспечения райисполкома. Живет на Чукотке, в порту Эквикинот.

Геннадий Иванович Политов, рождения 1939 года, по профессии экскаваторщик, шофер, геодезист... Живет на Чукотке.

Есть, на первый взгляд, странная деталь в биографии сыновей и дочерей Политовых. Воспитанные в почтении к дому, разъехались они в разные концы Союза. Неужели непрочной оказалась их связь с родным селом, уральским краем?

Дом... Не превратится ли он в свою противоположность, если не будет той тихой, надежной пристанью, откуда уходят корабли в смелое плавание и куда возвращаются после бурь и штормов? Разве не чувство дома (в общем понимании — чувство Родины) ведет человека к подвигам, заставляет его дерзнуть, идти к своим высотам?

Когда подводная лодка оказалась в аварийном положении, вся надежда была на первый отсек, где механизмами погружения и всплытия заведовал мичман Политов. Корабль вернулся в порт... Андрей Иванович

не знал тогда, что два матроса, опущенные командованием в отпуск на родину, поехали в первую очередь к матери своего мичмана — Софье Ивановне Политовой. Они ходили по политовскому дому, жадно рассматривали его, словно читали в нем характер, привычки своего доблестного мичмана. С тех пор повелось: едут моряки через Свердловск, останавливаются, спешат в Горный Щит, к политовскому дому.

Когда приехал в отпуск сам Андрей Иванович, он первым делом пошел в школу — в ту школу, где в комнате боевой славы лежат сейчас фронтовые письма его отца. От имени моряков мичман переговорил с преподавателями и учениками, и те с радостью согласились стать подшефными балтийских подводников.

Политовы слетаются в дом часто. Геннадий и Тамара — с Чукотки, Андрей — с берегов Балтики, Александра каждый день приходит в родительский дом из своего дома, выстроенного через порядок.

Их тянет в дом. Какая сила? Вспоминается недавно прочитанная бумага-документ, удостоверявшая, что «предъявительница сего Пермской губернии Соликамского уезда Ростецкой волости крестьянская жена Парасковья Ерофеева Жильцова уволена в Верхотурский уезд для собственной надобности на один месяц, если же она по истечении срока не явится обратно, то с ней поступлено будет, как с бродягой».

Человека обзывали вернуться в дом под страхом суда. Значит, мало что связывало его с родным очагом. И был ли он для него родным? Мало, видно, было хорошего в жизни Парасковьи Жильцовой, потому что не от добра появился документ, закрепляющий ее за домом.

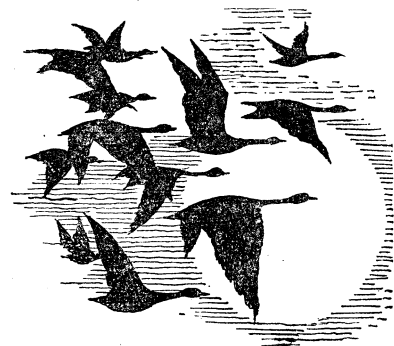
Иная «крепость» держит Политовых у родительского дома. В иное время они родились и выросли, иные отношения складывались между ними. Доброта, глубокое родственное чувство, уважение к землякам-уральцам — вот те нити, которые связывают их с домом № 13 по улице Титова в Горном Щите.

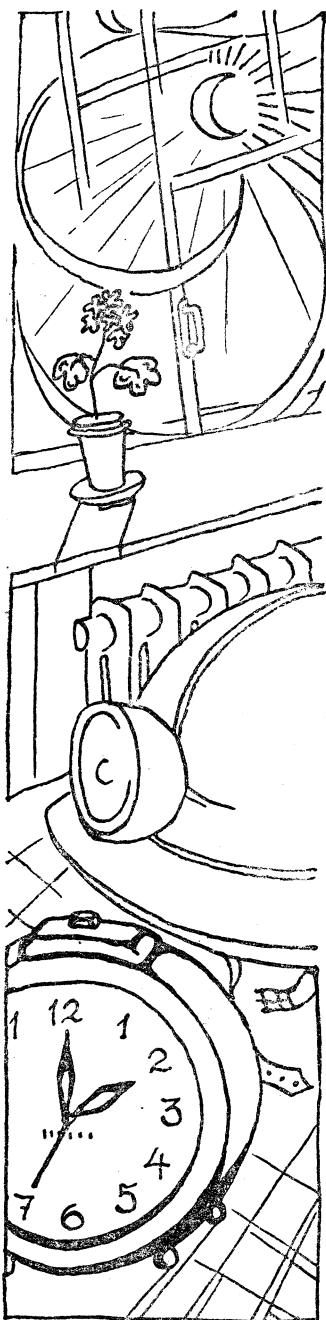
...Собираются Политовы, как уже сказано, часто. И начинаются интересные превращения. Словно отступает время на десятки лет назад. Рослый и сильный Геннадий Иванович становится просто Гешкой, который послушно и с большой охотой выполняет поручения Андрея. Тамара Ивановна, так и не научившаяся в детстве быстро шить, осторожно выдвигает «Зингер» и, оглядываясь, чтоб не увидела мама, пробует строчку. Что-то важное происходит в душах этих взрослых, немало повидавших на своем веку людей. Иначе не приходили бы потом в дом такие письма, как, например, пишет Та-

мара Ивановна: «Побывала дома и такое состояние, будто выкупалась в горной речке». Геннадий Иванович свое настроение выразил еще ярче: «Если что случится со мной, мое место дома — в Горном Щите...»

Софья Ивановна спешила по улице и вокруг нее, на привязи, вращались две блудни — козочки Танька и Манька. Попадались навстречу люди и каждый по-своему приветствовал ее. Директор школы, оказавшийся на перекрестке, махнул старушке рукой. Софья Ивановна радостно закивала, потом отвесила поклон копошившемуся в палисаднике старичку. Спешила она на заречный лужок и в памяти перебирала все увиденное, услышанное за утро. И между малых и больших мыслей билась мысль о сне. Софья Ивановна «ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай» не верит, но этот сон ее взволновал, и она рискнула предугадать — сон к приезду детей.

Дети, конечно, приехали. К октябрьским праздникам...

Шестнадцать стукнуло в получку...

**Алексей
ЧЕЧУЛИН**

Рисунки
М. Тарабукиной

Первая получка

Шестнадцать
стукнуло в получку.
Кассир был ростом кирасир.
Чтоб разглядеть меня получше,
Нагнулся страусом кассир.
И расписался я за тридцать,
И сжал рублевки в кулаке.
Вот сколько стоили

жар-птицы
На новом
мамино
платке!

Новичок

Шахта!
Ах ты!
Глубина!
Шатко под ногами.
К сердцу сладкая волна
Поднялась кругами.

И летит стальная клеть
К черту
на кулички.
Миллионы
зим и лет
Чую с непривычки.

Миллионы за спиной!
В разум не вмещается!
А бригада надо мной
Явно потешается.

Что, мол,
взять-то с новичка —
Оглушен веками!
Все тут ахали, пока
Не попривыкали.

А старшой сказал хитро:
— Все у нас шикарное.
Даже транспорт,
как метро,
Только вертикальное.

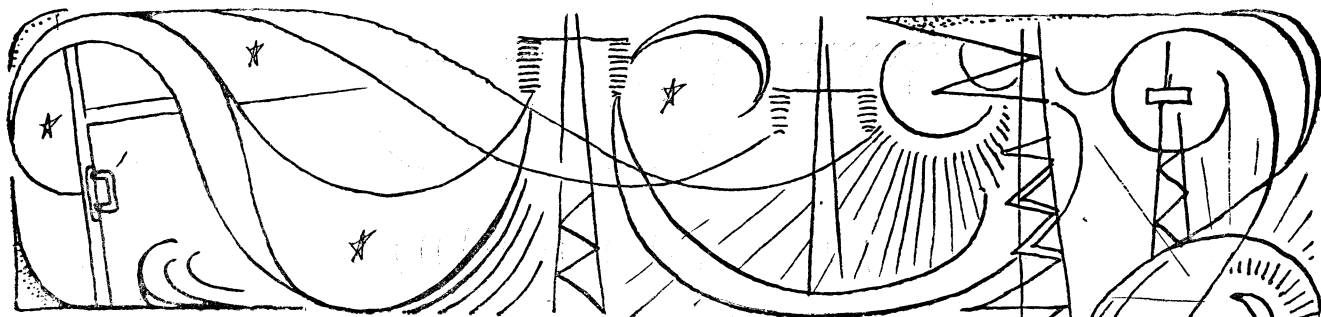
Грохочет в таежине драга,
Все выше отвалов гряда.
От глины желтея, как брага,
Уносит обманку вода.

Ты брось в эту воду железку —
Вернешь золотою со дна.
И ворон,
Охочий до блеска,
От зависти
спятит
с ума.

Алексей Иванович Чечулин — молодой поэт. Родился в Асбесте, в семье потомственных горняков, добытчиков горного льна. Сам с пятнадцати лет начал трудиться. Был рабочим-геодезистом, помощником машиниста экскаватора, электроконтактником. После службы в Советской Армии закончил университет. Работал собкором газеты «Уральский рабочий», снова вернулся в Асбест.

А. Чечулин — участник Шестого Всесоюзного совещания молодых писателей. В Москве готовится к изданию книга его стихов.

Костры

Ботва уже собрана в кучи
И отдана жарким кострам.
Дымы горьковато пахучие
Качаются по деревням.

Над всею округой полынно:
Предзимние торжества.
Таков уж порядок старинный —
Горит в огородах ботва!

Хозяева сходятся тихо
У крепких тесовых ворот
В надежде: минует их лихо,
А счастье не обойдет.

И мне с этой думою легче,
Хоть дом мой отсюда далек.
Вот так и мои у крылечка
Проводят осенний денек.

Стихи о спецовке

Горняков обычная одежда,
На которой сто одна застежка.
Без нее в забое не резон.
Я носил такой комбинезон.

Был он мне,
мальцу,
еще велик.

— Постирай,— советовал завскладом.
Постирал и так к нему привык,
Что спецовки лучшей и не надо.

И когда я вешал на гвоздок
Робу, побуревшую от пятен,
То рубашки

белый холодок
Телу был особенно приятен.

Соревнование

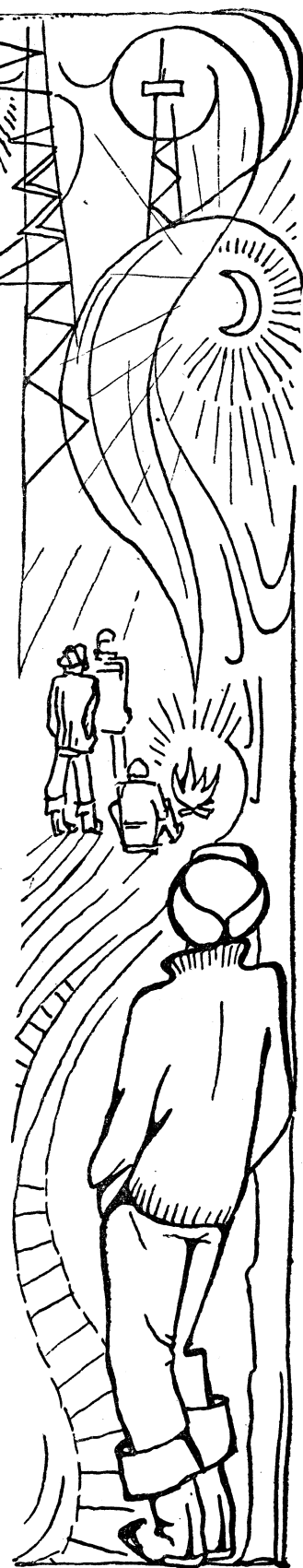
Я в землекопах числился по штату
И, отвечая должности такой,
С восьми утра хватался за лопату,
Которую прозвали штыковой.

Зима была, давалась глина тяжко,
И утешало душу только то,
Что повар, востроглазая Наташка,
Хоть на минуту сядет к нам за стол...

Все непослушней ломик и лопата.
За смену два вершка и ноги — врозь.
По два вершка за смену лишь на брата,
Хоть братьев здесь не мало набралось.

Но принимая вечером работу,
Прораб в пример вновь ставил Днепрогэс,
Когда он малолеткою до поту
Боролся за технический прогресс.

Чтоб доказать ему, постановили:
Работать так, чтоб до последних сил...
И вовремя меня остановили,
А то бы до Америки дорыл!

КАК РАБОТАЛ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

**БОРИС
ЧЕЛЫШЕВ**

Природа создала этого человека, кажется, только для умственного труда. Но судьба лишила его условий к такому труду. И все же в неравной схватке победил он — Николай Чернышевский. Всей жизнью он доказал вековечную истину: сила воли, целеустремленность, вера в великую идею побеждают даже самые из самых неблагоприятные обстоятельства.

За свою неуютную, перевитую страданиями жизнь он сделал столько много, что не под силу было бы сделать и когорте ученых, журналистов, писателей...

По природе он был замкнутым, склонным к уединению. Он мало встречался с друзьями, не поднимал бокала на шумной пирушке, не раздражался пламенными речами и не впадал перед всеми и каждым в говорливую откровенность.

...Невысокого роста блондин в золоченых очках торопливо идет по Невскому проспекту. Он близорук, и для того, чтобы прочесть афишу на рекламной тумбе, вынужден подходить вплотную к листу и водить головой по направлению строк.

Вот он входит в дом, смущенно раскланивается с гостями жены и тут же исчезает в своем кабинете. Теперь он по-настоящему дома — с книгами, рукописями, словарями.

Гости садятся играть в карты — пускай играют, сам-то он не знает, как и карты в руках держать! Собрались на танцы? — танцуйте на здоровье, он не умеет. Собираются в

театр? — а ему зачем, от этого удовольствия он навсегда отказался, и вовсе не потому, что не любит театр, просто — некогда. Впоследствии он разъяснит сыну Михаилу: если, мол, схожу в театр, потянет еще и еще, а это отвлечет от занятий.

Есть два типа писателей. Одному для работы необходимы уединение, полное спокойствие и мертвая тишина в доме. Другому этого вовсе и не надо, он может работать в любой обстановке. Он целиком отключается от внешнего мира.

А как Чернышевский? Авдотья Яковлевна Панаева, жена Некрасова, как-то проронила: «Чернышевский под шум веселого говора танцующих и звуки фортепьян работал у себя в кабинете».

Тогда он работал в «Современнике». А потом, когда захлопнулись за его спиной тяжелые ворота Петропавловской крепости, наступила действительно гробовая тишина...

Там, в каземате Петропавловской крепости, он сделал столько, сколько не сделал бы иной ученый в своем уютном кабинете: переводил «Исповедь» Руссо, отрывки из мемуаров Беранже, Сен-Симона, тома «Истории Англии», «Всеобщей истории», «Истории Соединенных Штатов», «Истории Крымской войны». Это только переводы. А сколько выписок, заметок, материалов к одной только биографии Руссо! В крепости он написал и роман «Что делать?».

В тюрьме на Александровском заводе заключенные в камере по соседству, зная, что Чернышевский много работает, старались не шуметь, не петь. Он стеснялся такого внимания с их стороны и часто просил, убеждал: он, мол, и так может работать, ему даже лучше, когда шумят и поют.

Ни родные, ни знакомые не знали, в каких условиях стал он жить и после отбытия каторги — в виллойской ссылке. Как писал свои статьи, повести, романы. Он сообщает жене чуть не в каждом письме: «Денег у меня много; всяких нужных для комфорта вещей тоже...», «всего, что нужно, у меня изобильный запас», «имею в большом избытке все, что нужно для удобства», «я живу даже не без роскоши».

Все это лишь для того, чтобы

успокоить жену. Когда же к нему заходили в камеру чиновники, помощник исправника, выдавшие всякие виды, то ужасались: два окна с решетками упирались в частокол, кусочка неба не видно; никакой обстановки; сырость. Николай Гаврилович даже в теплые дни сидел в валенках и в пальто — боялся простудиться.

Без работы он не мог прожить и часа. Это — его сущность. Политзаключенный П. Ф. Николаев так и сказал об этом: «Писать для Николая Гавриловича значило то же, что для рыбы плавать, для птицы летать, писать для него — значило жить».

«Я пишу все романы и романы. Десятки их написаны мною. Пишу и рву. Беречь рукописи не нужно: остается в памяти все, что раз было написано. И как услышу от тебя, что могу печатать, буду посылать листов по двадцать печатного счета в месяц. Но когда это будет?», — так писал он Пыпину из Виллойска в Петербург. Тогда он еще мечтал. Мечтал и жил надеждой: именно так и будет!

Да только ли романы писал он? Послания его к сыновьям — целые многостраничные трактаты. Тут рассуждения о различных направлениях в математике и о социальных науках, об астрономии и об овладении иностранными языками. Перемежаются эти письма-трактаты очерками нравов, живыми зарисовками. Его письма — те же очерки, статьи, которые ему, увы, запрещено публиковать!

Он пишет и рвет. Снова пишет и опять рвет написанное. Голову переполняют замыслы и сюжеты. Даже когда намечает писать небольшую вещь, она разрастается постепенно в его сознании до грандиозно-эпических размеров, как, например, роман «Пролог». Собрался, рассказывает в письме, работать также над воспоминаниями из своей юности, начал составлять перечень лиц, которых опишет, — вышло до пятисот! Напиши он этот роман, получилась бы интереснейшая история о быте и нравах целого поколения самых различных людей. Ведь у него были живы в памяти рассказы бабушки, слышанные в детстве. И как они занимательны, своеобразны. Вот хотя бы этот.

Один из родственников бабушки

попал в плен к мусульманам. «Ему, как и следовало ждать по нашим понятиям о «корсацких» обычаях, подрезали пятки, чтоб он не убежал; подрезывание пяток состояло, по нашим сведениям, в том, что делали на пятках глубокие прорезы и всовывали туда порядочные комки мелко изрезанного конского волоса или свиной щетины, потом заживляли разрезы. После этого человеку надобно было ходить, не ступая на пятки, — если ступать на пятки, то от волоса или щетины делается нестерпимо больно. Стало быть, пленник может ходить на недалекие расстояния, медленно, и годен к работе, но к бегству не способен. Однако ж и с подрезанными пятками наш родственник решился бежать и ушел ночью. Всю ночь шел, как стало светать, лег в траву; так шел по ночам и лежал по дням еще несколько суток, с первого же дня часто слыша, как скачут по степи и перекликаются отправившиеся в погоню за ним...»

Длинна полярная ночь и короток день. Коротко и лето с комарами, непогодью, неяркой природой. Чернышевский уходил в лес по грибы, собирал, что нашаривал по своей близорукости. Иногда решал погугать стражника, следовавшего за ним по пятам: делал вид, что решил бежать, торопливо углублялся в лес. Сзади крик:

— Николай Гаврилович! Куда же вы?

Испуганный страж, обливаясь потом, несся за ним через кусты.

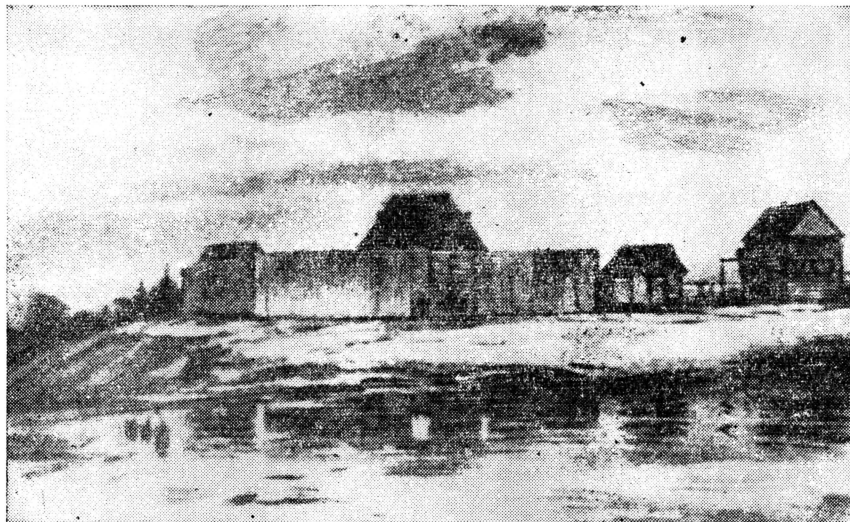
Чтобы скоротать время, копал канаву: спускал в речку Вилюю небольшое озерцо. Потом снова плелся в свою неудобную камеру с грязным полом, отсыревшими стенами. Так проходил день, нескончаемо долго текла ночь. Шли месяцы, годы...

И каждый день, каждый час не спускали с него зоркого ока его стражи. Вилюйский исправник аккуратно посылал в Якутск характеристики такого типа: миролюбив, скромный, тих, любит уединение, копают грядки, канавы; много читает, склонен в письмоводительству...

Всю ночь напролет не гаснет огонек свечи в окне. Низко склонившись к листу бумаги, человек пишет и пишет. Он — живет. Под утро устало подходит к печурке и лист за листом сжигает написанное за ночь. Остаются серый вздрагивающий пепел. Из месяца в месяц, из года в год...

В конце концов Чернышевский убедился: что бы он ни написал, ни одна строчка в журнал не попадет. Страшны оказались не казематы — он сжился с ними, не одиночество — ему не привыкать, не отсутствие условий для труда — работать он мог в любой обстановке. Страшна была бессмысленность труда. То, что делал, тут же и уничтожал. Есть от чего впасть в отчаяние.

Правда, когда отбывал каторгу

Вилюйский острог. Место заключения Н. Г. Чернышевского

в тюрьме на Александровском заводе, у него были слушатели — политические заключенные. Раз в неделю, бывало и чаще, выбирался он из своей камеры-конурки в их общий каземат. Садился, открывал тетрадь, читал им, что успевал написать за неделю. Случалось, написанного не было. Он передавал содержание того, о чем хотел писать. Рассказывал плавно, подробно. Со стороны можно подумат: читает написанное. Он прочитал им, а отчасти пересказал, «Пролог», писал пьесы, которые они ставили на самодеятельной сцене.

Николай Гаврилович с юношеских лет мечтал быть писателем-беллетристом. Он и стал бы им, если бы не тюрьмы, каторга и ссылка. Его повести, романы были б своеобразны. Он не писал бы таких романов, как его современники — Тургенев, Гончаров, Достоевский. У него была своя собственная манера письма и свой, присущий только ему вид беллетристики. «Я издавна готовился быть, между прочим, и писателем беллетристическим, — писал он в показании следственной комиссии. — Но я имею убеждение, что люди моего характера должны заниматься беллетристкой только уже в немолодых годах, — рано им не получить успеха... Руссо ждал до старости, Годвин тоже. Роман — вещь, назначенная для массы публики, дело самое серьезное, самое стариковское из литературных занятий. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которые внушаются массе. Итак, я готовил себе материалы для стариковского периода моей жизни».

В высказываниях Чернышевского есть реальный смысл, своя правда. Позже, в апреле 1877 года, он писал сыновьям из Вилюйска:

«Вам известно, я надеюсь, что собственно как писатель, стилист, —

я писатель до крайности плохой. Из сотни плохих писателей разве один так плох, как я».

Конечно же, он преуменьшал свои способности. Впрочем, дальше он писал:

«Достоинство моей литературной жизни — совсем иное; оно в том, что я сильный мыслитель».

Писателю-художнику, утверждал Чернышевский, нужно прежде всего знать жизнь во всей ее полноте. А познать жизнь можно из книг и непосредственным наблюдением над самой жизнью. Можно и тем и другим вместе. Ему же ближе был первый путь — через книги.

Книга во многом заменяла Николаю Гавриловичу общение с окружающим миром. «Я самоучка, — с гордостью любил повторять он. Книги были «вратами его учености», семинария не дала ему ничего. А в университет профессора уговаривали заниматься «чистой наукой», и он на какое-то время окунулся в дремучую историю.

Правда, судьба не скупилась и как бы в дополнение к книгам посылала ему интересных, оригинальных людей. Вот хотя бы Павел Александрович Бахметев. Он явился к нему прямо на квартиру. В руках — дорожный саквояж. Бахметев рассказывал, что продал свое имение, отпустил крестьян и теперь навсегда покидает Россию. Он решил уехать на Маркизские острова, основать там земледельческую коммуны, в которой все бы трудилось и жили по-братски. По пути он заедет к Герцену в Лондон, передаст ему часть денег для дела революционной пропаганды.

Мог ли знать Бахметев, что пройдет не так уж много времени, и черты его благородного облика, жизни, поступка будут увековечены в образе Рахметова!

Чернышевский относился к таким людям, которые могут одновременно выполнять две-три работы. Так трудиться он привык еще в студенческие годы: составлял словарь летописи, тут же правил корректуры, готовился к магистерским экзаменам, писал статьи для журналов. Это было вызвано не только потребностью его натуры, но и обычной бедностью. Он говорил: у кого есть состояние, тот может делать то, что ему нравится, а у кого нет, тот печатается не для славы, а по житейской необходимости. Причем тут же заметил: такая работа вовсе не унижает человека.

Привычка к строгой и разумной организации своего труда оставалась у Чернышевского и в дальнейшем. Вот, к примеру, его рабочий режим в тюрьме Александровского завода. Вставал около 12 часов дня; пил чай, вскоре обедал и в это же время читал; немного прохаживался по дворику, потом садился писать и так сидел всю ночь. С рассветом ложился в постель. Процесс работы над статьей или беллетристическим произведением был у Чернышевского также своеобразен. Он писал без черновиков, прямо на белом, без зачеркиваний, без больших вставок. Это объясняется тем, что он еще до того, как сесть писать, всесторонне и глубоко продумывал основные мысли своей работы. Все удерживалось прекрасной памятью.

Из холодной сибирской ссылки в знойную Астрахань он приехал полный сил и желания работать.

Чернышевский сердился, когда родные сочувствовали ему, считали его, возвратившегося из Сибири, немощным стариком.

Теперь, наконец, стараниями друзей он находит работу. Но какую? Приходится переводить книжки второстепенных иностранных ученых, да хотя бы книжки-то стоящие! А как хочется писать свое, то, что будет интересно, полезно русскому читателю! Пишет Захарьину из Астрахани о том, что через некоторое время пришлет повесть из английской жизни. Обещает, что в ней и намек на Россию не будет, и политики он не затронет — цензура пропустит! А если, мол, неудобно выставлять его, Чернышевского, имя, пусть припишут эту повесть какому-нибудь второстепенному английскому писателю, он и на это согласен!

Но издатели боятся печатать его повесть: пусть уж переводит — это безобиднее. И он снова склоняется над пустяковыми книжками, переводит страницу за страницей.

В жизни и в труде он оставался таким же непреклонным революционером-демократом. Раз ему можно только переводить, что же, доставляйте такие книги, содержащие которых, как он писал Пышину, «не противоречило бы моим понятиям об истине». Эта «истина» была для него

дороже всего. За нее он боролся, сидел в каземате Петропавловской крепости, шел на каторгу, мерз, голодал. За эту революционную истину он отдал год за годом всю свою жизнь!

В мае 1846 года, когда Чернышевский готовился к переезду из Саратова в Петербург, один из знакомых наказал ему:

— Приезжайте к нам оттуда профессором, великим мужем!

И вот через двадцать с лишним лет не профессором, а действительно великим мужем — вождем «народных заступников», кумиром молодежи и грозой самодержцев он вернулся в Саратов.

Он ехал в родной город, окрыленный надеждой работать, трудиться на благо народа. Он думал создать энциклопедический словарь для самых широких масс, хотел помочь Панаевой издать ее воспоминания. Он мечтал, как возьмет в свои руки «Русскую мысль» и сделает ее передовым журналом; как и прежде, влекла его не узкая кабинетная работа, а широкая пропаганда знаний, революционных идей.

Планы огромны, дни — уже счтены.

Николай Гаврилович пишет, переводит. Даже смертельно больной за два дня до кончины он диктовал перевод. Диктовал... в бреду! Вызванный врач стоял и слушал потерявшего сознание человека: такого выдывать ему еще не приходилось! Приступ проходил, и он продолжал работу: перевел шестнадцать страниц печатного текста — за несколько часов до смерти...

В книге М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» есть такое.

Девушка-гимназистка писала Александру II:

«Всепресветлейший, державный государь император Александр Николаевич! Простите мою дерзость, что я осмеливаюсь писать к Вам и просить Вас. Вся моя просьба заключается в следующем: окажите правосудие Николаю Львовичу Чернышевскому, содержимому в крепости и обвиняемому в участии в восстании, прикажите освободить его.

Он, поручаюсь Вам в том своей годовою, совершенно невинен: подобный ему высоко нравственный человек не откажется от своих действий... Если же необходимо кого-нибудь сослать, сошлите меня, а оставьте человека, который своим умом может принести огромную пользу обществу. Государь! Будьте отцом Ваших подданных. Осчастливьте одну из них и потом, если нужно, отнимите у нее жизнь, но так как я не дорожу жизнью, и лишение ее не будет для меня особенным наказанием, то предлагаю Вам посадить меня в такую конурку, где я едва могла пошевелиться,

морите меня голодом, лишите меня, наконец, моего единственного утешения — книг, делайте со мной все, что хотите, только спасите, спасите Чернышевского...»

Подпись: гимназистка 2-го класса С.-Петербургской Васильевской женской гимназии Любовь Коведяева.

Император прочитал, начертал резолюцию: «Просьба эта не заслуживает внимания, но желательно знать, в каких она была отношениях с Чернышевским».

III отделение удовлетворило желание царя. Агент сообщал: Любови Коведяевой 17-й год, она недурна собой, высокого роста, брюнетка; личных отношений к Чернышевскому не имела — даже не знает его имени, назвав его «Николаем Львовичем». Агент предположил, что она «начиталась произведений Чернышевского», в особенности роман «Что делать?»...

А вот это произошло через сорок лет после того, как девушка-гимназистка написала наивное и трогательное письмо царю.

В конце января 1904 года в Женеве, в маленьком кафе сидели четверо русских. Один из них, когда зашел разговор о романе «Что делать?», сказал:

— Диву даешься, как люди могли увлекаться и восхищаться подобной вещью? Трудно представить себе что-либо более бездарное, примитивное и в то же самое время претенциозное...

Один из четверых, услышав это, стремительно взметнулся:

— Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? Как в голову может придти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и талантливого представителя социализма до Маркса? Под его влиянием сотни людей делали революционером. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепыхал. Когда вы читали «Что делать?» Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам пробовал его читать, кажется, в четырнадцать лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а неделю. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь...

Человек, так яростно выступивший в защиту Чернышевского, был Владимир Ильич Ленин.

По указанию жандармскому...

Ст. 2-ю стр. обложки.

**Борис
ЕМЕЛЬЯНОВ**

В Петербурге и Москве, Женеве и Лондоне революционеры строили планы освобождения Чернышевского. Жандармы все чаще стали наталкиваться на факты подготовки его побега. К 1870 году в жандармских канцеляриях появилось несколько дел о «намерении злоумышленников освободить от каторжных работ политического преступника Чернышевского».

Наиболее обширное из дел возникло в результате следствия по делу о покушении 4 апреля 1866 года Д. В. Каракозова на Александра II. После окончания следствия председатель следственной комиссии М. Н. Муравьев 10 августа 1866 года писал омскому жандармскому штаб-офицеру Рыкачеву:

«Произведенным высочайше учрежденною под моим председательством следственной комиссией исследованием по делу о покушении на жизнь государя императора 4 апреля, между прочим, обнаружено, что некоторые из злоумышленников имели намерение освободить из каторжной работы государственного преступника Чернышевского, для чего один из них под чужим именем и с фальшивыми паспортами должен был отправиться в Сибирь, войти там в сношения с некоторыми личностями, большею частью из сосланных поляков, и при содействии их исполнить свой замысел...».

А несколько ранее, 26 мая 1866 года, шеф жандармов граф Шувалов направил подобное письмо в Иркутск генерал-губернатору Восточной Сибири с приказом усилить надзор за Чернышевским и принять меры на случай возможных попыток его освобождения.

Такие меры были приняты. 23 сентября 1866 года предписанием коменданта Нерчинской каторги «государственный преступник» Чернышевский был переведен дальше от китайской границы и зачислен в списки политкаторжан по Александровскому заводу. Чернышевского поместили в одиночную камеру, войти в которую можно было только через караульное помещение. Рядом с дверью неотлучно находился караульный казак.

Особые меры предосторожности были приняты, когда по окончании каторжных работ Чернышевскому было разрешено жить на «вольной квартире». В доме дьячка, где ему предстояло теперь жить, подселили казака, а для проверки утром и вечером в дом заходил надзиратель из тюрьмы.

Тринадцать месяцев прожил Чернышевский на «вольной квартире» под неусыпным надзором жандармов.

15 июля 1868 года они, обеспокоенные побегом также жившего на «вольной квартире» А. А. Красовского, переводят Чернышевского в тюрьму, о чем на второй же день комендант Нерчинской каторги полковник Кноблох доносит генерал-губернатору Восточной Сибири. В этом же донесении Кноблох предлагает разослать по Забайкальской и Амурской областям особые приметы Чернышевского, которые помогли бы жандармам в случае его побега.

Рассылка примет Чернышевского не была одобрена. Но в канцелярии генерал-губернатора не забыли об этом. Два года спустя все тот же Кноблох получает из Иркутска от начальника «Временного управления для надзора за политическими преступниками» полковника Купенкова следующее приказание.

«Секретно
получено 16 июня
Милостивый государь,
Адольф Егорович.

Во исполнение словесного приказа г. генерал-губернатора о снятии с более важных государственных и политических преступников фотографических карточек я заключил условие с Иркутским фотографом Августом Гофманом, по которому он обязался, между прочим, в течение настоящего лета побывать в Александровском заводе Нерчинского округа и по указанию Вашему снять до 10-ти фотографий с вверенных Вам преступников, уничтожив негативы по окончании печатания. Каждая фотография должна быть отпечатана в количестве четырех дюжин, из коих $3\frac{1}{2}$ Вы не оставьте препроводить ко мне, а по полдюжины оставьте при делах Комендантского Управления для содействия к розыскам, если бы преступники эти совершили побег. Г. Гофману должно остаться неизвестным с кого именно он будет снимать фотографии, для чего я имею честь Вас покорнейше просить на карточках выставить только номер, а для сведения моего препроводить список, из которого бы можно видеть как подробные натуральные приметы преступников, так равно имена и фамилии последних.

Для удостоверения личности г. Гофмана ему дано будет от меня особое письмо, с которым он по прибытии на завод не замедлит к Вам

представиться. Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Михаил Купенков.

№ 9
2 июня 1870 года
Его Высокоблагородию
А. Е. Кноблоху».

На обороте этого письма, которое сохранилось в архиве, видимо, рукой Кноблоха составлено два списка заключенных, которых необходимо было сфотографировать.

Первая запись сделана карандашом и включает следующие 20 фамилий, которые этим же карандашом зачеркнуты:

1. Чернышевский, 2. Ишутин, 3. Странден, 4. Волков Н., 5. Васильев Н., 6. Ильешевич, 7. Соколовский, 8. Цитович, 9. Мысловский, 10. Коленда, Юрасов, Арцымович, Батуров, Ермолов И., Загибалов, Кузовов, Шагалов, Водзинский, Арцымович, Ермолов.

Второй список написан той же рукой, но чернилами и содержит десять фамилий:

№ 1-а Чернышевский
№ 2-б Ишутин
№ 3-в Странден
№ 4-г Волков Н.
№ 5-д Васильев Н.
№ 6-е Ермолов
№ 7-ж Арцымович
№ 8-з Цитович
№ 9-и Мысловский
№ 10-к Ильешевич
Фамилия Чернышевского в обоих списках стоит первой.

Вглядитесь в этот теперь широко известный фотопортрет Чернышевского.

Он спокоен и строг, он чувствует силу и правоту дела, которому посвятил свою жизнь. Как не вспомнить, глядя на эту фотографию, его слова из письма к жене, написанного 5 октября 1862 года в Петропавловской крепости: «Наша с тобой жизнь принадлежит истории: пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь».

ПУТЬ НА СЕВЕР

**Владимир
СНЕГИРЕВ**

Фото автора

При газете «Комсомольская правда» есть молодежная научно-спортивная экспедиция. На ее счету немало интересных маршрутов в Арктике. В 1976 году молодые энтузиасты впервые в мире лыжной связали дрейфующую полярную станцию с материком. За осуществление лыжного перехода с острова Врангеля на «Северный полюс-23» коллектив полярной научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды» постановлением ЦК ВЛКСМ занесен в Летопись комсомольской славы. Участникам перехода присвоено звание мастеров спорта СССР, а четверо из них удостоены знака ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть».

Автор этого очерка, журналист Владимир Снегирев, участвовал во многих маршрутах экспедиции.

Как тихо в избушке. Только потрескивает печка да чайник шипит. Кажется, ничего живого здесь нет, кроме огня, который яростно пожирает уголь. Я готов поддерживать огонь круглые сутки. Он согревает и придает уверенность. Он рождает привычные звуки и делает тишину менее оглушающей.

Я выпил крепкого чаю, накинул куртку и вышел из избы. В нескольких шагах от порога начинался океанский лед. Дальше на север земли не было — только лед. Позади в белом тумане угадывались врангелевские горы, а на восток и запад лежала насквозь провьюженная ровная тундра. Солнце уже садилось, уступая короткой в этих широтах апрельской ночи. Закат окрасил поземку в красивый, но неживой розовый цвет. Я еще постоял несколько минут, до боли в глазах всматриваясь в океанские льды, однако ничего, ровным счетом ничего не увидел. Да и на что было надеяться?..

Снова вернулся в избу. Занесенные снегом по самые форточки окна почти не пропускали свет. Зажег керосиновую лампу. Ее дрожащее пламя отбросило от моей фигуры колеблющуюся тень. Запер на крючок дверь.

Впервые за много лет у меня оказалось время, которое абсолютно некуда было

деть. Судьбе стало угодно посмеяться надо мной. Что поделаешь — наберись терпения и жди. Вспоминай, если хочешь, — как и зачем попал на этот метельный остров, как и почему оказался один. Вспоминай...

Когда это было? Прошлой осенью или в самом начале зимы? Дима пришел в редакцию, в нашу комнату на шестом этаже, где на двери рядом с табличкой «Отдел спорта» начертано еще «Polar expedition». Так вот, он пришел и стал внимательно разглядывать карту Арктического бассейна над моим столом. Как будто видел ее в первый раз. Я удивился: что же будет дальше?

— Слушай, — сказал он, — ты знаешь координаты дрейфующей станции «Северный полюс-23»?

— Знаю, — неуверенно ответил я. — Она плавает сейчас где-то севернее острова Врангеля.

— Правильно, — Дима заглянул в свою огромную и невероятно потрепанную записную книжку, хранившую бесчисленное количество его планов, фамилий нужных ему людей и их телефонов. — Правильно. «СП-23» сейчас топчется в 300 километрах к северу от Врангеля, — он назвал точные координаты и выразительно посмотрел на меня.

— Очень удобно, — пробормотал я и красным карандашом нарисовал на карте кружочек.

Дима молчал. За годы нашей дружбы мы научились без слов понимать друг друга, особенно если дело касалось Севера, ставшего частью нашей жизни. Мы смотрели на карту, думая об одном и том же, и не спешили в слух делиться своими соображениями. Во-первых, идея должна созреть, а, во-вторых, каждый из нас прекрасно сознавал, как трудно будет осуществить ее.

Мы спустились в буфет и выпили кофе, поговорив о каких-то пустяках. Потом разошлись — с тем, чтобы, встретившись завтра, надолго засесть за карту, обсуждая реальность задуманного. Началась долгая консультация с разными людьми. Нам предстояло выяснять десятки принципиальных вопросов, начиная от способов доставки к месту старта и кончая ледовой обстановкой в огромном районе Ледовитого океана. Еще через месяц-другой замысел лыжного перехода по маршруту остров Врангеля — «СП-23» был одобрен редколлегией газеты.

Шесть лет отделяло нас от первой экспедиции — на Таймыр. Как много изменилось с тех пор! Тогда, в 1970 году, почти не было опыта, не было добротного снаряжения, надежной радиоаппаратуры... Да и многого другого не было. А теперь!.. За плечами — лыжный маршрут по дрейфующим льдам коварного арктического пролива Лонга, 500-кило-

метровый переход на Новосибирских островах, ряд летних путешествий по Таймыру и Северной Земле. Снаряжение — от примуса до палатки — самое современное. Радиоаппаратура? Это вообще чудо из чудес! Годы были потрачены на создание экспедиционных радиостанций — портативных, мощных!

Но самое главное завоевание заключалось в другом. У нас сложился спаянный коллектив. Люди, объединенные общей страстью, за много лет сдружились и свято верили друг в друга. Все эти годы в группе происходил своеобразный естественный отбор: каждый, прошедший проверку временем и делом, мог стать членом нашего коллектива. Не все выдерживали этот суровый экзамен, состав менялся, но ядро вот уже много лет оставалось неизменным.

В конце 1971 года членом экспедиции стал Володя Леденев. Он пришел к нам в «Комсомолку» и сказал:

— Хочу участвовать в походе на полюс.

Мы без особого энтузиазма оглядели его фигуру — Леденев совсем не богатырский сложения.

Мы тогда готовились к переходу по дрейфующим льдам пролива Лонга, и проблем, конечно, было невпроворот. Дима решил проверить новичка на каком-то практическом деле, связанном с подготовкой снаряжения. К нашему удивлению, Леденев блестяще справился с заданием. А на первой же тренировке он — высокий и щупловатый — удивил всех и прекрасной физической подготовкой. Уже через пару месяцев Дима и представить себе не мог группу без Леденева.

Итак, решение принято: старт на острове Врангеля — финиш на дрейфующей станции «Северный полюс-23». Еще недавно идея такого перехода показалась бы безрассудной. Никто из полярников всерьез не стал бы ее обсуждать. Еще недавно — да. Но теперь авторитет нашей экспедиции, ее опыт и прежние победы позволили строить самые смелые планы.

...Яркий весенний день 1976 года. В одном из кабинетов редакции идет совещание. Среди участников — дважды Герой Советского Союза И. Д. Папанин, председатель полярной комиссии Московского филиала Географического общества СССР И. А. Ман, заведующий лабораторией Института медико-биологических проблем М. А. Новиков... Половину стены занимает большая схема — на ней остров Врангеля, станция «СП-23» и прилегающий к ним сектор арктического бассейна. Условными знаками помечена система радиообеспечения, вероятное на-

правление дрейфа льдов, маршрут и график движения группы.

Начальник экспедиции Дмитрий Шпаро берет указку и, чуть волнуясь, начинает рассказывать:

— Предполагаемый переход впервые в истории освоения Арктики свяжет по льду Большую землю с дрейфующей научной станцией. Мы намерены выполнить программу медико-биологических исследований, испытать некоторые предметы из носимого аварийного запаса летчиков и космонавтов.

Шпаро поворачивается лицом к карте. Он рассказывает о маршруте ровно, без единой запинки. Мысленно Дима уже тысячи раз прошел этот путь по льдам.

— Расстояние от земли до станции около 300 километров. Время проведения перехода: 13 апреля — 8 мая.

— Можно подробнее о плане, — просит Ман.

— Да, конечно, Иван Александрович... По прибытии в поселок Мыс Шмидта два человека будут переброшены на «СП-23», где организуют базовую радиостанцию. Еще одна станция разместится на острове Врангеля. Таким образом будет создан радиомост: остров Врангеля — «СП-23». Радисты устанавливают связь между собой, прямую связь с Москвой, а во время перехода связь с ледовой группой и круглосуточное слежение в эфире на нашей аварийной частоте — 762 килогерца.

Перед стартом маршрутной группы будет проведена специальная ледовая разведка. С помощью вертолета мы высадимся на северном побережье острова Врангеля и отсюда на лыжах отправимся в путь.

— Да, да, обязательно сделайте ледовую разведку, — говорит Папанин. Он отставляет стакан с чаем и встает из своего кресла.

Все же удивительный человек — Иван Дмитриевич. Как бодро и энергично он выглядит несмотря на свой преклонный возраст. Как молод душой!

— Хочу посоветовать тебе, Митя, остерегаться серого льда. Такой он коварный. Сейчас держит, а еще шаг ступишь, и нет тебя — с головой ушел в воду.

Папанин вспомнил несколько почетных случаев из героического дрейфа «СП-1».

— А я, знаете, безоговорочно верю в их успех, — с вызовом сказал он присутствующим, кивнув на Дмитрия. — Скинуть бы мне годков пятьдесят, обязательно пошел бы с ними.

Михаил Алексеевич Новиков выступает, как всегда, энергично и убедительно:

— Предстоящий переход, на мой взгляд, интересен и значителен тем, что, установив живой «мост» между Большой землей и дрейфующей станцией, люди разрушат своеобразный

Комсорг экспедиции
Владимир Леденев

психологический барьер перед пешими переходами в Центральной Арктике.

Еще несколько вопросов по поводу радиосвязи, питания, снаряжения, обеспечения безопасности. С особым пристрастием Диму допрашивают о навигационной оснастке экспедиции. Это понятно, ведь проложить точный курс в условиях, когда группа и «СП» постоянно дрейфуют, перемещаются относительно друг друга,— дело филигранно тонкое. Оно под стать стыковке космических кораблей.

...Утром я проснулся от холода. Ветер, судя по всему, задул крепче. По местному времени было шесть часов. Я вылез из спального мешка и затопил печь. Сварил кашу и чай. Чтобы разогреться, вышел на улицу, напилил побольше снежных кирпичей и занес их в избушку: воды теперь хватит надолго.

Все живое казалось далеким и нереальным. Я просто физически ощущал одиночество и тяготился им. Хотя жить-то здесь было сносно. Угля достаточно. Продукты при экономном расходовании можно растянуть на неделю. Все это так. Да только ведь не ждут дела на материке — вот что угнетало меня. Городской человек весь в плену у дел, обещаний и обязательств. Получалось так, будто я бежал вместе со всеми по какой-то бесконечно длинной дистанции, а потом — бац! — вдруг остановился, хотя все остальные продолжали бежать дальше.

Печь топились беспрерывно, но ветер тут же выдувал тепло. Я в валенках, в трех свитерах и все равно не жарко. По старой привычке, приобретенной еще на Северной Земле, согреваюсь работой. Заготовил впрок угля. Нарубил дров... Я верю: человеку способно сопротивляться любому самому сильному морозу, пока у него есть силы двигаться, работать.

Как ни странно это звучит, но даже для моих друзей, которые сейчас во льдах, полярная стужа — совсем не враг номер один. На всех маршрутах нашей экспедиции не было ни одного случая серьезного обморожения. Правильно, конечно, говорят старые полярники, что привыкнуть к холоду нельзя. Но успешно бороться с морозом можно. Главное — бороться без паники. Как любит повторять Хмелевский, «постоянная мобилизация в борьбе с холодом — вот ключ к теплу».

Кстати, о Хмелевском. Мы знакомы с Юрой уже много лет, а он все равно личность для меня загадочная. Впрочем, загадочная — это не совсем то слово. Просто, я никак не могу привыкнуть к некоторым чертам его характера. Больше всего меня поражает его способность, ничем не выдав себя, терпеть любую боль. Он настоящий стоик — безжалостный к себе и внимательный к другим, — сколько раз я имел возможность убедиться в этом... Другого такого человека я не знаю. Никогда не встречал.

Вот представьте себе ситуацию. Хмелевский, выполняя свои обязанности главного штурмана, «берет солнышко». Иначе говоря, с помощью теодолита определяет высоту солнца. Потом, используя специальные таблицы, путем мудреных вычислений узнает координаты. Сделать вычисления ему — блестящему математику, кандидату наук — не сложно. Каких-то полтора часа, и готово. Куда труднее работа с теодолитом. Дело это чрезвычайно тонкое. Держать прибор надо голыми руками. В перчатках и тем более в варежках должной точности не добиться. Теодолит же — это, грубо говоря, кусок металла. А металл на морозе, как известно, примерзает к пальцам. Кожа от этого лопается, из трещин сочится кровь, пальцы потом все время саднят болью.

Хмелевскому каждый день надо работать с теодолитом. От его определений во многом зависит успех экспедиции, жизнь ее участников.

— Вся моя волевая установка основана на концепции терпения, — объяснил мне как-то Юра.

— А не слишком ли это пассивно? — усомнился я. — Получается: бог терпел и нам велел.

— Не путай, — укоризненно заметил Юра, — ведь мы говорим тобой о совершенно конкретных вещах — об отношении к тяготам. В данном случае — к тяготам, свойственным полярному путешествию...

— К примеру, таким, как работа с теодолитом?..

— Верно. Теодолит мне действительно иногда приходится терпеть, когда руки уже не чувствуют прибор. Ткани обморожены. Но я давно сказал себе: ты должен работать ровно столько, сколько нужно. Ино-

го-то ведь выхода нет, — помолчав, добавляет: — Хуже всего в походе я переношу, знаешь что? Сон. У меня закладывает нос и бывает трудно дышать. Насморк не так безобиден. Ты же помнишь — из-за него Наполеон проиграл битву при Ватерлоо...

...Днем я долго гулял вокруг дома. Потом километра на полтора углубился в тундру. Снег был твердый, хорошо утрамбованный ветром. Местами, правда, встречались передувы — ноги тогда увязали по щиколотку. Решил так: если завтра вездехода не будет, попробую пешком добраться до поселка. Думаю, что дня за два дойду.

Я стал собирать рюкзак. Вдруг за окном что-то прошуршало, стукнуло. Вездеход? Я вскочил, открыл форточку, выглянул наружу.

И явственно услышал гул моторов. Сначала я даже не поверил этому, подумал, что у меня слуховые галлюцинации. Но звук становился все гуще, все сильнее. Похоже, это был самолет. И может быть, он летит сюда, за мной? Я накиннул пуховку, схватил сигнальный патрон и выбежал из дома. Звук был ровный и мощный. Самолет шел с востока и, кажется, приближался сюда. Сейчас, подумал я, зажгу патрон, дым будет хорошо виден летчику, и самолет приземлится возле избушки. Наконец-то! Я вбежал в дом, чтобы взять на всякий случай еще один сигнальный патрон. А когда опять оказался на улице, никакого гула уже не было. Пропал. Растаял в белесом небе. Обескураженный, я минут десять потоптался на снегу, тщетно прислушиваясь к тишине. Самолет, наверное, прошел далеко отсюда и на большой высоте. Скорее всего это Юра Шмаков выполнял рейс с материка на север. Точно, он или его напарник Юра Клепиков — их экипажи, меняясь поочередно, гоняли «ИЛ-14» с грузами на «СП».

Со Шмаковым мы заочно знакомы давно. В 1974 году во время тренировочного похода по Новосибирским островам в программе экспедиции был запланирован сброс груза на парашютах в ледовый лагерь. Ребята с помощью радиомаяка вывели на себя самолет. Груз в специальных мягких контейнерах опустился невдалеке от их палатки. Репетиция удалась, и немалая заслуга в этом принадлежала командиру корабля Юрию Шмакову.

На мысе Шмидта несколько дней назад мы, наконец, смогли очно познакомиться с полярным летчиком, позвать ему руку. Впрочем, все по порядку...

Через несколько дней после сошествия в «Комсомольской правде» транспортный самолет доставил груп-

пу и экспедиционный груз в поселок Мыс Шмидта. В 72-м здесь начался переход через пролив Лонга. То был поистине первопроходческий маршрут. Никто не верил, что пролив можно пересечь пешком. Льды здесь в постоянном движении — они дрейфуют, сталкиваясь и расходясь, образуя огромные пространства торосов и целые реки открытой воды. Полярные капитаны недобрым словом поминают пролив Лонга. Летчики — тоже: где вода, там туман, обледенение.

На самолете Шмакова попутным рейсом были перебросены на «СП» базовые радисты Герман Щелчков и Федор Склокин. Вместе с ними, чтобы на обратном пути произвести ледовую разведку, полетели Хмелевский и я.

Шли на большой высоте, но было хорошо видно, как сильно изрезан, исковеркан сжатиями лед, как труден будет маршрут. Летчик, посматривая вниз, переводил взгляд на Хмелевского и недоверчиво качал головой. Юра же был, кажется, даже доволен.

— Представляет определенный спортивный интерес, — только и сказал он, показав на лед.

Часа через два внизу показалась станция. Самолет, вздымая снежную пыль, приледнился возле домиков. Все население «Северного полюса» вышло на разгрузочные работы. Мы тоже взялись помогать; так и произошло первое знакомство с полярниками. Потом Герману и Феде выделят здесь отдельную палатку, потом они поставят возле нее мачты своих антенн и наладят круглосуточное слежение за эфиром — много всего будет потом... А пока ребята стояли на льдине и с любопытством осматривались. На месяц эта льдина должна была стать их домом.

Герман Щелчков — один из лучших советских коротковолновиков — впервые оказался в столь высоких широтах. Чтобы он сразу почувствовал себя увереннее, я пригласил Германа прогуляться по окрестностям.

— Только ракетницу возьмите, — скорее не порекомендовал, а приказал начальник «СП» Арнольд Будрецкий.

Уговаривать нас не пришлось: о проделках белых медведей полярники уже успели рассказать много разного.

Мы отошли от станции около километра и оказались в царстве грандиозных ледяных глыб, навороченных как попало. Это были следы недавних сжатий.

— Вот это да! — то и дело восклицал Герман, с восторгом озираясь вокруг.

Пейзаж действительно был необыкновенный. Сила, вывернувшая наизнанку льды, нагромоздившая их как попало, казалась не по-земному

исполинской. Низенькие домики станции были отсюда почти незаметными. Бескрайние просторы Арктики будто поглотили их.

Вскоре мы распрощались со своими товарищами. Самолет взял курс обратно на материк. Теперь «ИЛ» летел без загрузки. Чтобы мы могли хорошенько рассмотреть льды, Шмаков выключил автопилот и около часа вел корабль впритирку к торосам. Я заметил, что пальцы у Шмакова побелели от напряжения, но сам он, держась за штурвал, выглядел подчеркнуто спокойно и даже умудрялся разговаривать с нами. Как будто по Калининскому проспекту мы ехали, а не мчались с бешеной скоростью над полярными льдами.

За его спиной примостился Хмелевский с тетрадкой, в которую он заносил ледовую обстановку. Юра был очень внимателен и собран. Уж кто-кто, а он-то прекрасно понимал, сколь важны будут его наблюдения и записи, как часто придется потом на льду доставать и перелистывать эту тетрадку в поисках наиболее удобного пути к «Северному полюсу». Впрочем, напрасно я употребил слово «удобный». Судя по тому, что мы видели сейчас, «удобных» километров здесь не предвидится.

Обширные поля недавнего तोшения сменялись одно за другим. Вывороченные, исковерканные льдины сверху выглядели красиво: солнце играло на их синих гранях. Но ведь по этим «джунглям» предстоит идти на лыжах. Как? И возможно ли это? Иногда гряды торосов были словно крепостные стены, аккуратно сложенные из плит. Их высота достигала нескольких метров. Мы видели каналы чистой воды шириной от 5 до 150 метров, а на подходе к Врангелю встретили целое море. Впрочем, нет, не море. Увиденное нами скорее напоминало многокилометровое ледяное болото: все здесь было — и чистая вода, и ледяная каша, и серый лед — тонкий, словно картон, и битые ледяные поля, которые на глазах сталкивались и расходились в разные стороны... Похоже, мы пролетали над замеченной врангелевской польней, не замерзающей даже в самые сильные морозы.

О существовании этого гиблого места нас предупреждали еще в Москве, советуя начать маршрут не с берега, а лишь за польней.

— К месту старта, в 100 километрах севернее острова Врангеля, вас доставит вертолет, — говорил один известный полярник, хорошо знавший эти места. — Врангелевскую польню одолеть и не пытаться. Слишком рискованно. Да нет, — просто невозможно. Старт с острова я считаю обреченным на провал, — подчеркнул полярник, недвусмысленно давая понять, что Дима должен

Научный руководитель и штурман экспедиции Юрий Хмелевский

воспользоваться его и только его советом.

Вспомнив сейчас о том разговоре, я вынужден был согласиться с ветераном Севера: ледовые катаклизмы в этом районе действительно делали пеший путь почти невозможным. Но недаром я говорю «почти». У наших ребят есть надувные лодки. Есть опыт, приобретенный в проливе Лонга. Есть, наконец, прекрасная и твердая цель: с берега (именно с берега, с Большой земли) достичь дрейфующую полярную обсерваторию. В этом смысл перехода как научного эксперимента и как спортивного достижения. Других вариантов быть не может!

Карандаш в Юриной руке быстро бежит по тетрадке: полосу торосов, польня, участок ровного льда, трещина, опять торосы... Перед самым островом самолет резко взмывает вверх: чтобы перевалить через врангелевские горы, надо набрать высоту. Хмелевский закрывает тетрадь и оборачивается ко мне:

— Ну как?

— Да-а, здесь будет потруднее, чем в проливе Лонга.

Юра улыбается. Будто я сказал нечто приятное.

На следующее утро вертолет «Ми-8» перебросил экспедицию на остров Врангеля. Сначала он совершил посадку у небольшого поселка на южном берегу острова — здесь остались двое парней из базовой группы — Гера Иванов и Миша Деев, а также исследователь-психолог Юрий Изосимов. Затем вертолет пошел на север и у облюбованной еще во время ледовой авиаразведки охотничьей избушки приземлился снова. Мы выгрузились. Летчики пообещали снять меня отсюда через пару дней и, не выключая моторов, улетели на материк.

Только потом я узнаю, почему приключилась задержка и я просидел в своей избе незапланированных три дня: сначала не было погоды, а затем сломался вертолет.

Финиш экспедиции на станции «Северный полюс-23»

Ветер стих. Солнце опускалось к горизонту, щедро облив тундру розовой краской. Тишина казалась просто звенящей и утомляла. Я невольно вспомнил о том, как хорошо было у нас еще два дня назад. Уютно. Людно. Потрескивала, дышала теплом печь. Шипел чайник. Дима за делом песню мурлыкал: «Подоймой глубина, пять километров до дна, пять километров и двадцать пять акул...» Брякал умывальник. Дверь стукнет, и вместе с морозным паром врывается в избушку из сени запах воровани. Хорошо! И все чувствовали это «хорошо», все наслаждались этим «хорошо», каждому, видно, хотелось до отказа заполнить себя этими минутами.

Александр Тенякшев за печью возился с радиостанцией — притих, ушел в себя. Он в смысле льдов самый неопытный — волновался, конечно, сейчас, настраивал себя. Леденев проводил последнюю «инвентаризацию», окончательно прикидывая, что взять с собой, а без чего можно обойтись. Рюкзаки — огромны. С виду они просто неподъемны, эти 50-килограммовые рюкзаки. Человеку со стороны они бы внушили ужас. Счет у Леденева уже идет на

мелочи, на граммы: что взять, а что оставить?

Володя покрутил ручку и сквозь треск дальних весенних гроз мы услышали знакомый голос диктора программы «Маяк»: «...на Украине — кратковременные дожди, в Грузии — 18—20 градусов, в Москве — 8—10 градусов тепла...» И это тоже приятно было услышать нам — на самом далеком от Москвы острове, в домике среди снегов и стужи. Приятно, что где-то цвели сады, что не на всей земле царили холод и снег.

Саша в последний раз перед стартом связался по радиации с «СП-23», с Германом Щелчковым. Связь была отличная — мы в комнате прекрасно слышали все, о чем они там говорили.

— Какая погода на «СП»? — спросил Саша.

— Видимость 20 километров, — торжественно начал Герман. — Ветер северо-западный, три метра в секунду. Температура — минус 26 градусов.

На этом сеанс связи был закончен. Ребята не спеша пообедали. Вышли на улицу. С вещами. Я сделал последние фотографии. Глянул на часы: 16,00 по местному. Парни

залезли под свои рюкзаки, выстроились гуськом. В небо взлетела ракета...

Впервые лыжня уходила с берега в открытый океан. Впервые в мире не самолет, не ледокол, не подводная лодка, а самые обыкновенные люди с лыжами на ногах должны были связать нашу Большую землю с частицей советской территории, затерянной среди льдов. Со станцией «Северный полюс». Арктика видела много экспедиций. Собачьи упряжки, вездеходы, мотонарты, дирижабли, ледоколы... И вот теперь впервые в мире — на лыжах по плавучим льдам.

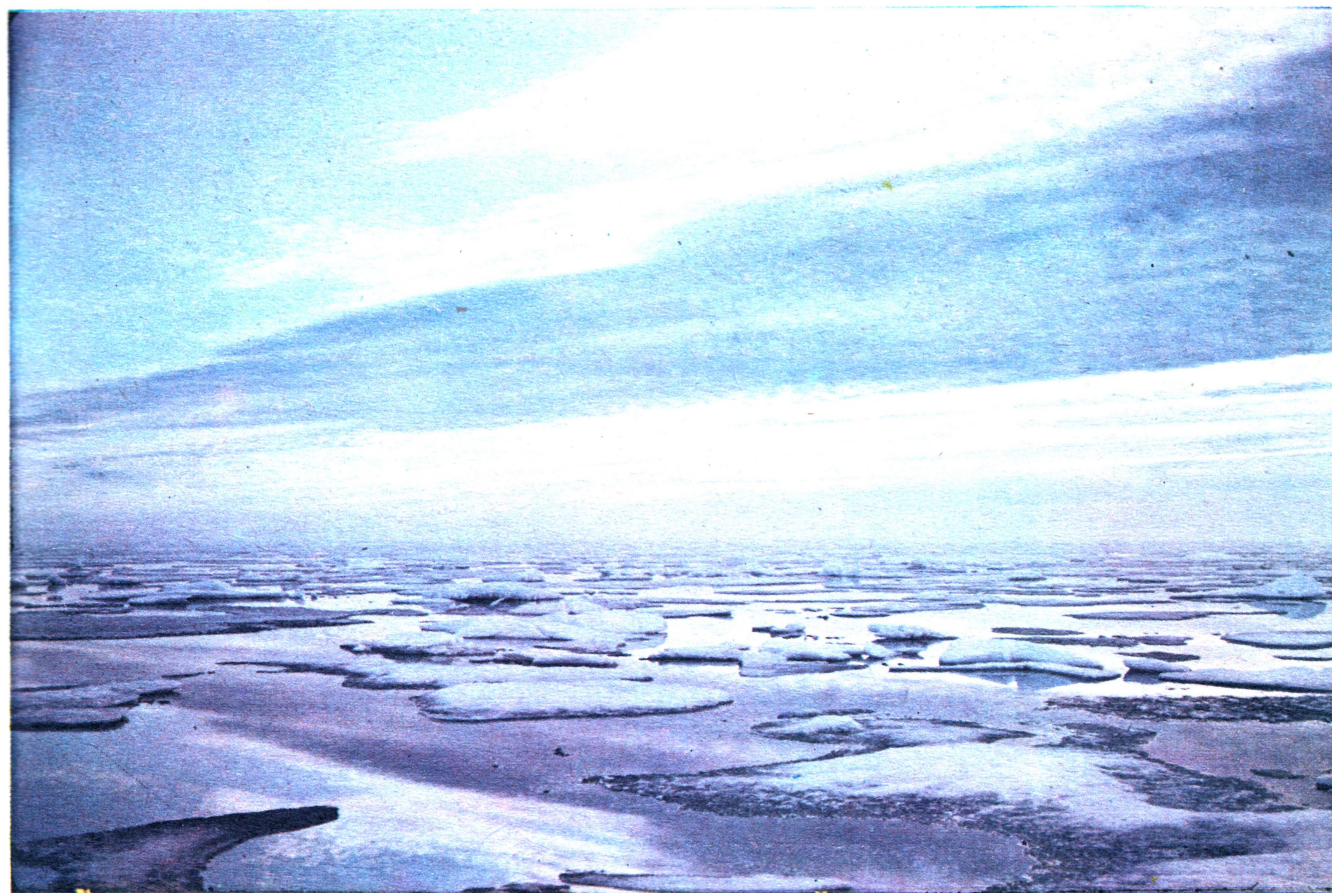

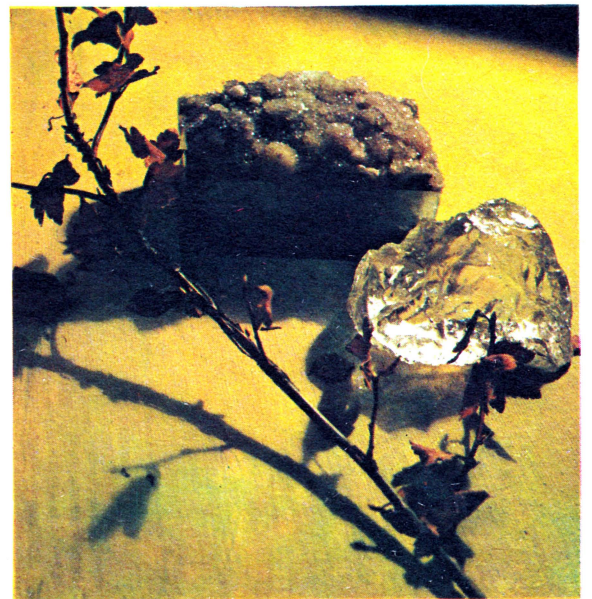
ПУТЬ НА СЕВЕР

См. стр. 12.

Начальник экспедиции Д. Шпаро.

Покажи свою

Фото А. Лыскова
Цветное фото
В. Холостых

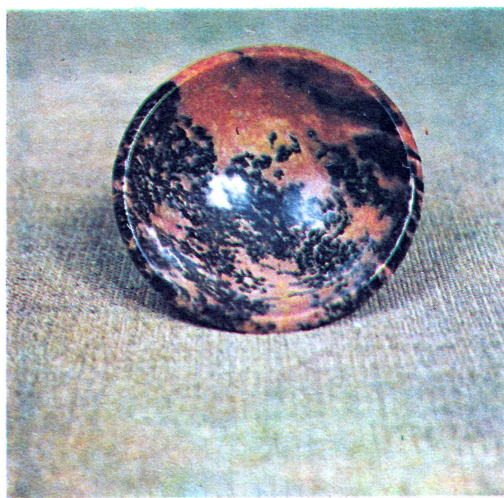
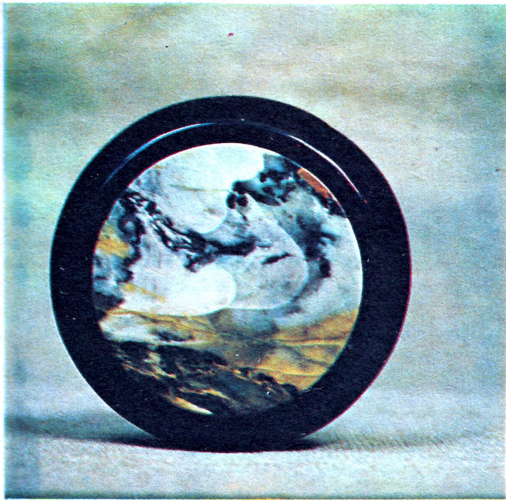
Виктор Васильевич Саргин ведет камнерезный кружок в свердловской школе № 95. Изделия ребят этой школы три года подряд показываются на областных выставках детского творчества, получали они и дипломы ВДНХ. Панно и пейзажи из яшмы, сувениры, вазочки...

Хрустальная шкатулка — одна из последних работ. Ее сделал Володя Горшков. Очень удачно подобран камень: льдистый кварц, местами прозрачный, местами с темной тенью, а

на крышку пошла хрустальная щетка. На свету шкатулка светится матово и мягко, а горные хрусталики искрятся, как снег. Она — словно из сказки: наверное, поручи Снежная Королева Каю сделать для себя ледяной ларчик — он вот таким и получился бы...

— Виктор Васильевич, всегда приходится подсказывать ребятам форму, выбор камня?

— Они ведь только учатся камнерезному делу. Подсказывать, конечно, при-

красоту, камень...

ходится. Если хотите посмотреть самостоятельную работу — вот, пожалуйста. Этот лоток из дымчато-голубоватого кварца мы назвали «Льдинка». Сделал его Толя Антипов. Смотрите, какая интересная форма, иной взрослый мастер так не почувствует камень. Просто идеальная!

— А как понять: «идеальная форма» для камня?

— Секрет красоты этой вещи вот в чем. Сама природа дала камню форму валуна. И мальчик сохранил здесь эту естественность, до-

бавив изящества, культуры, что ли... То есть, это форма — исконная, природная, которая лишь слегка облагорожена.

— Ваши мальчишки тоже постигают «тайну» камнерезного искусства?

— Как и бажовские мастера: открыть и показать силу, красоту камня.

— Ребята работают у вас на станках и вообще все знают, что камень — материал для обработки трудный. А может быть, все-таки есть мягкие породы, которые поддадутся

ручной обработке без станков, без планшайб? Можно заняться камнем не в мастерской, а в обыкновенных домашних условиях?

— Можно. Поддается обработке вручную мрамор. У него низкая твердость. Ударным способом, на какой-нибудь плоскости, на нем можно делать орнаменты, выбивать шрифты. Инструменты все равно нужны — пальцем камень не обработаешь; но это самые простые инструменты. Резец, надфили, наждаки. Можно взять для поделок

селенит, гипсы разных пород, офиокальцит. Для полировки пойдет обыкновенная суконная тряпочка, алмазная паста, окись хрома (паста ГОИ), которой правят бритвы и надраивают солдатские пряжки.

— Читатели спрашивают нас об этом. Камнями увлекаются многие и, как вы поняли, любители не хотят мириться с тем, что обработка камня без техники недоступна.

— Я больше того скажу. Если у ваших энтузиастов есть голова и руки, то они вполне могут придумать и простейшие станки. Взять можно мотор от стиральной машины, от пылесоса или другого бытового прибора, который рассчитан на 220 вольт — он прекрасно станет работать. Стоит только продумать конструкцию станочка.

— Азбучные методы обработки едины для всех пород — разрезать, отшлифовать, отполировать. А вот поиски той же формы для изделия?.. Здесь, наверно, камни часто «диктуют» свое?

— Ну, вот два примера. Офиокальцит и яшма. Офиокальцит, хоть и мягок и податлив, а много с ним не придумаешь. У него рисунок всегда в одной плоскости, так что режешь его только вдоль или поперек. Сами природные свойства камня диктуют форму: лоточек, пепельница, подставка. А возьмите яшму. Кольца, разводы, полусферы, резкие переходы цвета — «фантазия» у этого камня удивительно богатая, и изделий из него, разумеется, можно делать намного больше.

— Ваши ребята предпочитают мягкие или твердые породы?

— Твердые обрабатывать, хоть и интересно, но долго и трудно. А мальчишки народ нетерпеливый... Конечно, они предпочитают мягкие — результат виден быстрее. Это же дети... Как их за это осуждать?..

На снимках: в школьной мастерской; работы из камня учащихся свердловской школы № 95.

Интервью вела
Н. ШИРОКОВА

Рисунки
Люды
Соловьевой

ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА...

**Римма
ЗВЕРЕВА**

Родилась в тайге эвенкийская девочка. Родители ее были оленеводами.

В люльку девочку уложили, оленьей шубой прикрыли, и кочевать дальше стали. Работа такая. Оленей пасти надо. В люльке девочка лежала, на тайгу смотрела. Знают эвенки, у маленьких память есть, что в люльке видят — всю жизнь помнят. Днем девочке солнце светило, ночью звезды улыбались. Олени к люльке подходили, ласковыми губами щекотали, дыханьем согревали. Старый олень люльку на спине носил. Хорошо шел, ни за одну лиственницу не задел, ни за один камень не запнулся. Знал олень — маленькая девочка в люльке спит.

Подросла девочка, из люльки в седло перебралась. Раньше она только небо да вершины лиственниц могла рассмотреть, а теперь всю землю видеть можно. Старый пес к ней подходит, за шубейку тянет, в тайгу зовет. Старый ворон к становищу прилетает, о таежных новостях рассказывает. Другими считают эвенки черных воронов, в охоте помощниками. Эвенкийские дети язык воронов знать должны.

Лиственницы тоже друзьями стали. Столько раз они мягкими ветками по щекам гладили, в стужу теплом костра согревали.

Хорошо в тайге! Много интересного девочка видит. Вкусная ягода сама в рот просится. Медвежонок по поляне бежит, лапой машет. Не боится он эвенкийскую девочку.

Пурга девочке колыбельную поет. Растет она, как маленькая лиственница на склоне сопки. Глаза ее — два таежных озера ночью. Смешинки в них — как солнечные зайчики. Руки ее — как проворные соболи снуют. Любому делу с одного раза учатся. Надо ли дикую матку поймать, надо ли вкусного молока у нее надоить... Маленькую иглу в руки возьмет, руки

сами за мамой все движения повторяют. Ноги ее — два быстрых оленя, все тропинки знают. Память ее приметывает тайги хранит, повадки зверей записывает.

Эту эвенкийскую девочку Людмилой назвали. Родителей в тайге Соловьевыми считали. Так их в колхозной книге давно записали.

И пришло время девочке в школу идти. На оленях ее повезли. В интернате жить оставили. Трудно после вольной тайги в четырех стенах за партой сидеть, буквы писать. Тайга ее к себе зовет, олени во сне приходят.

Как же помирить тайгу со школой? Взяла девочка карандаш и рисовать на бумаге тайгу начала, каждую травку вспомнила, каждую сопку не забыла.

Вспомнила, как весною старая лиственница иголки выпускает и сопки нежной зеленью покрываются. Таежные маки расцветают. Эвенкийские девочки в тайгу идут. Венки из маков плетут. Бабочки им крыльями машут. Радуга счастье обещает.

Много рисует Люда Соловьева. Любят ребята ее рисунки. Где вы думаете эта школа расположена? Много часов надо лететь на самолете до Тынды. Там сейчас Байкало-Амурскую магистраль строят. Потом надо еще на вертолете триста километров лететь. Только тогда в тайге маленькое село увидишь. Школа стоит. В школе много эвенкийских ребят. Это — школа Люды Соловьевой.

Эвенкийские дети в тайге живут, хотя о ней всем рассказать, чтобы берегли ее нынешние люди для тех, кто в будущем по Байкало-Амурской дороге ездить будет.

ПОЛОВОДЬЕ

Геннадий
МАШКИН

Рисунки
Н. Мооса

Утро

Ранним утром Антон услышал странный шум. Будто прислонился к телеграфному столбу. Он раскрыл глаза и догадался: шум идет от Иркоя.

— Наводнение! — Антон проснулся окончательно.

В щели чердака пробивался матовый свет утра. Пахло гнилушками, конским навозом и вешней водой.

Антон отбросил колючее одеяло, снял с гвоздика синие шаровары и отцовскую куртку-рубашку защитного цвета. Оделся в минуту, натянул на босу ногу кеды и пошел к выходу. Зажмурился, ожидая солнечной яркости. Но из проема в лицо пахло сыростью, как из колодца: барак был омыт белым туманом. Смутно проглядывала Заливановка. Конный двор весь серебрился. Хребты мусора на свалке позади конного грозно выступали из тумана. Трава под старым забором никла от росы, и сочно зеленели грядки на огороде под окнами барака. А со стороны речной дуги, окаймляющей Заливановку, несся такой шум, точно за ночь на Иркое, напротив конного, появился скалистый порог.

— Неужели все спят? — пробормотал Антон, озираясь.

В ответ раздалось тихое ржание: нет, спали на конном не все. Ласка стояла под журавлем у колодезного сруба и тыкалась мордой в бадью. Ботало билось о край ведра и звенело.

— Ласка! — позвал Антон. — Как дела?

Ласка скосила на него темный глаз и заржала.

— Сейчас напою! — Антон спрыгнул с крыши на мягкую землю и подошел к единственной лошади конного. Сначала ощупал вислый живот Ласки. Где-то глубоко под черным пятном на белой шерсти билось сердце жеребенка. «Интересно, в кого он будет? — подумал Антон. — В Монгола или в Ласку, в отца или в мать?»

Он почесал кобылу за ухом, взял бадью и сильным рывком толкнул ее в колодец. Сустав журавля заскрипел на весь двор. Антон перебирал руками жердь, будто лез под небо. Бадья с размаху ударилась о воду, кувыркнулась, отяжелела и уравнивала коромысло журавля. Антон потянул жердь назад. Веселая это была работа — доставать воду. Не в институт — устроился бы конюхом.

Он оглянулся — не видит ли кто, что он поит лошадь прямо из бадьи. Но барак спал. Была суббота, и соседи не торопились вставать. Все шло нормально. Ласка не сегодня-завтра ожере-

вится. «А наводнение? — вспомнил Антон. — Если прихлынет сюда Иркою, не видать жеребенка!»

Ласка оторвала ноздри от воды и задумалась, вроде поняла. С мягких лиловых губ падали чистые капли колодезной воды. Антон напился сам — аж зубы заломило, выплеснул остатки воды на лопухи и сказал:

— Пойду на речку схожу, посмотрю, как прибывает...

Он свистнул Бельчика, разминавшегося на лугу, и двинулся на шум реки.

Пока шел по кочковатым окрестностям конного, намочил в траве только кеды. А ближе к Иркою стали попадаться кусты смородины, черемухи, ольхи, дикой яблони и боярки. От одной ветки увернулся — другую зацепил. Посыпалась вода, как переспелая голубица. К верхней излучине Иркоя Антон подходил изрядно вымокший. Рубашка липла к телу, и холодный ток пробегал по мышцам. Шаровары облепили ноги, и стала отчетливее их кривизна. А если к этому добавить косинку правого глаза, пухлые губы да оттопыренные уши!.. Восьмиклашку напоминал он сейчас, а не выпускника, которому надо поступать в институт.

Да, ему трудно было сравниться с другими заливановскими парнями, особенно с Ёшкой Сивобородовым. Гоху не зря считают здесь вожаком. У Гохи лицо мужественное, как у борца, походка сдержанная, словно у охотника, и чуб с дегтярным отливом. И дружки выглядят не хуже — одни прозвища что стоят: Сохатый, Эфиоп, Масте-рюга... Антон же заработал странную кличку — Мысля! Разве таким подступишься к Зинке, бойкой соседке по бараку? Она Гохе в глаза смотрит и рада всякой его выходке.

Задумавшись, Антон споткнулся о Бельчика и чуть не залетел в воду. Ухватился за ветку черемухи и оторопел: перед ним плескалось море. Вчера еще здесь была зеленая ложбинка, а сегодня траву и кусты скрыло тяжелой водой. Основное русло шумело и ревело за зеленым островком. Здесь образовалась протока. Вода прорвалась рядом с перемышкой, но пошла не в старое русло, а в незаметный рукавчик. Пока отрезала лишь зеленую горбовинку, на которой возвышалась коряга и метался суслик. Но рукав расширился на глазах. Антон представил, как отвалится от перемышки еще несколько пластов суглинка, и струя устремится в старое русло. Река зайдет с тыла в Заливановку, снесет маленький мостик и отрежет поселок от деревянного моста через Иркою. Конному достанется особо. Старая, изъеденная грибом конюшня может рухнуть, а за нею барак... Но пока перемышка держится.

Тут до ушей Антона долетел писк суслика. Парень, не раздумывая, шагнул в воду и ухнул до пояса. И сразу потащило вниз по течению. Чертыхнувшись, Антон еле выполз на четвереньках.

— Купаешься?— раздался знакомый шипучий голос Кольки Заусенца.

— Оступился...— Антон краем глаза глянул на зеленый взлобок и с тоской понял, что суслик обречен.

— А я пришел бревна ловить.— И Заусенец выдернул из-за спины веревочную скрутку с крепким якорем-кошкой на конце.— Запросто штабель натаскаю, а отец перевезет в поселок.

Кольку Иванова прозвали Заусенцем не зря. Если нож тупой, не режет, Колька говорит: из-за заусенца. По перилам в школе прокатился— штаны располосовал: заусенец виноват... Невезучий Колька.

А тут несчастье — мать умерла.

Недавно построенный дом высылся на краю Заливановки, как деревянный терем, да радости в нем не было: сам Иванов пил и гонялся за сыном — колошматил за то, что Заусенец бросил школу. Колька надеялся, что скоро в армию заберут, но медики нашли у него плоскостопие. Пришлось садиться за рычаги отцовского бульдозера, напересменок. Но у отца бульдозер работал, как часики, а у сына все какая-нибудь мелочевка мешала. «Заусенец на поршнях»,— объяснял Колька причину частых остановок машины...

Сейчас Колька деловито распутывал веревку с якорем-кошкой. По протоке несло три бревна. Течение ворочало их, переводило от одного берега к другому, наталкивало бревно на бревно, сминая, стесывая кору.

— Не унесешь!— Добытчик метнул якорь в переднее бревно.— Такое добро, да мимо нас!

Кошка вцепилась стальными зубьями в сосновую кору. Заусенец потащил бревно к берегу. И тут второе огромное бревно ударило со всего хода по заарканенному. Заусенца рвануло, он свалился в воду. Его подхватило и понесло течение.

— А-а-а!..

Антон кинулся за дружкой. Догнал Кольку, опередил его, поймался за куст одной рукой, другую подал ему. Тот успел схватиться. Но подтянуть Кольку к берегу оказалось не так-то просто. Заусенец держал веревку, натянувшуюся струной.

— Брось веревку!

— Тяни!

— Брось, говорю!

— Мой якорь!— выплевывал воду Заусенец.— Веревка!

Куст под левой рукой стал подаваться, ноги подкашивались, и жилы на правой руке заныли. А дружок все не отпускал веревку.

— Обоих унесет!— крикнул Антон.— Бросай!

Заусенец всхлипнул и отпустил веревку. Антон выволок его на траву и упал рядом. Взъяренный Бельчик унесся по берегу за бревнами.

— Эх... такой... якорь!..— ныл Заусенец.— Сам ковал... И веревка — альпинистская... Отец убьет... И-ы-ых!..

— Чего не веселы, молодцы?— остановил причитания снисходительно-веселый голос.

Антон и Заусенец вскочили. К ним приблизился Георгий Сивобородов, проще Гоха. Предводитель заливановских парней шагал в окружении верных дружков: Кости Сохатого, Мишки Эфиопа и Витьки Мастерюги. На дружков любого было смотреть, но Гоха отличался от всех в Заливановке своим положением: возил председателя Горюшкинского райисполкома. А дружки перебивались кто как — случайным приработком. «Отслужим в армии, тогда за ум возьмемся».

Надо уголь привезти: пожалуйста, к вашим услугам и машина, и шофер, и грузчики. Решило товарищество пенсионеров огородить часть лугов над Иркоем под садоводство, Гоха тут же с парнями нанялся забор мастерить. Да еще в надежде на выкуп загнали в загородь жеребчика, сбежавшего от гуртовщиков, которые гнали скот на мясокомбинат.

И сейчас парни не зря, конечно, собрались вместе в такую рань,— задумали очередную коммерцию. Настроение — боевое, шуточки направо-налево:

— В моржи записались, ребятишки? Заусенец первым, Мысля — опосля?

Антон и Колька жалко улыбнулись. Они выглядели чучелами рядом с парнями в непромокаемых куртках и резиновых сапогах с отогнутыми голяшками.

— Якорь упустил вместе с веревкой,— мотнул мокрым козырьком Заусенец.— Чем бревна теперь ловить?

— Завтра они сами к тебе поплывут,— сказал Гоха, щуря по обыкновению один глаз.— Такой вал подойдет к утру — всю Заливаниху снабдит дровами. Только успевай... Давайте с нами, молодцы,— неожиданно предложил он.

Антон помедлил с ответом.

— А вдруг Ирккой сильно разольется?

— Будешь контактировать с нами, не пропадешь!— Гоха одернул куртку, взблеснувшую медными клепками и застежками.— Общий сбор завтра в шесть часов ноль-ноль минут на свалке — с бульдозером, канатами, баграми — у кого что найдется...

Парни зашагали вдоль берега, разгоня туман литыми плечами.

Антон ощутил холод своей мокрой одежды и передернулся. Заусенец расценил это по-своему.

— Ты не ковяжься! — зашептал он.— Куда против Гохи попрешь?

— А я и не думаю против...

До смерти отца все хорошо было в семье Ковалевых. Павел Максимович считался лучшим плотогоном в своей сплавной конторе.

Павел Ковалев мог бы стать и старшим на сплаву, сидеть в иркойской конторе за большим столом и распоряжаться плотовщиками: лесотехнический техникум окончил между сплавленными делами. Но молодой он был еще, любил тайгу и нравилось ему гонять зыбкие пахучие плоты с верховьев Иркой.

Антон же зайчишкой бежал на верхнюю перемычку в назначенный день, чтобы встретить отца. Здесь, в начале большой петли Иркой, был отстойный последний пункт сплавщиков. Посуху до Заливановки рукой подать, а сплавом по воде — полдня ходу. И усталые плотогонны причаливали к берегу в спокойном заливе, чтобы отдохнуть и назавтра осторожно пройти заливановскую петлю, и лихо пристать к причальной стенке сплавной конторы. Позор плотогону, который провел плот через сотню опасностей, но посадил свою связку на местной шивере! Поэтому сплавщики не торопились домой. Они ночевали у костров, подтягивали вязи, подбивали скобы и сами набирались сил для последнего перехода.

Антон издали узнавал горбливую фигуру отца над передним веслом-правилком. Забегал в воду, ловил пеньковый конец с петлей и накидывал его на отшлифованный столбик. Потом попадал в захватистые объятия отца, притирал свою щеку к подбородку отца, не мягче коры.

«Ну, хватит миловаться! — замечал отец. — Давай-ка за дело, сынок!»

Они сносили на берег нехитрый скарб, разводили костер и начинали варить уху из хариусов, которых отец доставал из своего линялого и залатанного рюкзака.

А когда глаза уже не могли отличать искр от звезд, все укладывались спать. Засыпали под хлюпанье и журчанье воды у плота.

Полуночь отходила от берега с чающим костерком, ноги окатывало водой из щелей между шевелящимися бревнами. Но утренняя вода была незлой, и парнишке скоро становилось даже приятно от ее щекотки.

Антон стоял у правила, наваливался на рукоять рядом с отцом и пыхтел, как заправский плотогон.

Шивера на самом скруглении Заливановского мыса серебрилась мелкой чешуей. С виду веселая, она была коварнее порогов и прижимов. Здесь все время перегоняло по дну песок, намывало целые подводные барханы и водило стрежень. Надо было издалека уследить за ходом течения и вывести связку вовремя на стремнину, иначе растеряешь плот у самого затона, а с ним и трудный заработок.

А улыбнуться плотогонны позволяли себе только на берегу, когда прикручивали концы к причальным стоякам. Тогда отец взваливал на спину рюкзак с таежными гостинцами и говорил с долгим выдохом: «Ну, теперь кончили

дело — гуляй смело!» И они шли домой по тянучим улицам Заливановки.

Мать, завидев их, начинала метаться по квартире, точно ее Паша отсутствовал не какую-нибудь неделю, а целый год. Дед Федор солидно уставлял стол закусками да бутылками. Потом приходили соседи, начинался праздничный обед и разговоры. Хозяина расспрашивали про сплавные дела, и тот охотно рассказывал про то, как их с новичком-напарником чуть не затянуло в мелкую протоку, как сломалось кормовое правило напротив деревни Поты, или как видели переплывающего Иркой сохатого.

«С каждым разом неприятностей все больше, — прибавлял отец, сгоняя брови в одну темную тучку. — Перепады воды большие, вот беда... Тайгу прорубают всяко-разно. От этого паводки все яростней... До большой беды недолго...»

Мать умоляла своего Пашу бросить опасное дело, а Антон теребил отца, требуя: «Возьми меня, пап, на следующий плот!»

Отец обещал взять, если сын хорошо закончит седьмой класс. Но не получилось: седьмой-то класс Антон закончил, да отец не вернулся из очередного сплава.

Иркой зализал все следы Павла Максимова в своем коварном русле. Лишь линялый рюкзак найден был уже после в Ангаре...

Три года мать горевала, а сейчас — или это только казалось Антону? — стала оттаивать. Случилось это после налета Ивана Бульдозериста на барак.

Сначала в барак заскочил Заусенец и почему-то бросился к ним в квартиру.

— Нина Федоровна, — закричал он с порога, — спасите!

Ни хозяйка, ни дед, ни Антон не успели опомниться, как по коридору разнесся топот Ивана Иванова, или Бульдозериста. Тот кинулся сначала к соседке Моте, рванул ее дверь так, что затрясся весь барак.

— Где Колька? — раздался рык, усиленный длинным пустым коридором. — Где мой сын, Мотя? У кого спрятался?

— Надо карты раскинуть, золотой, — пробовала отговориться хитрая баба. — Прикрой дверь, Ванечка, присядь, а я раскину картишки, мой дорогой...

— Даю на карты две минуты! — проговорил Иван. — Не покажут — все двери разнесу к чертовой матери!

— Зачем же всем людям вред такой причинить, — по-цыгански запричитала Мотя. — Из-за одного человека... Вот метнем вальта червонного, и покажет он путь, Иванушка...

— Ну! — прикрикнул Иван. — Где?

— У тебя за спиной, дорогуша! — указала Мотя. — Мою-то дверь оставь, возьми за ту, что напротив. Только не трогай дите. А я тебе

интерес нагадаю! Какие виды имеет на тебя наш драгоценный Зав с мечтой про механизацию...

Завом именовали Тимофея Веревкина, ведающего конным двором.

Иван рывкнул и протопал к противоположной двери. Распахнул ее и оглушил всех басом:

— Я этому дитю устрою капремонт! Думает, матери нет, так все можно!

Заусенец шмыгнул из кухни в комнату, забился за стеллаж, перегораживающий комнату. Глухой дед ничего не понял, но забеспокоился. Антон схватил кочергу. Только мать осталась спокойной.

— Здравствуй, Ваня!— сказала она.

Бульдозерист остановился, будто налетел на бетонную опору.

— Мое почтение, Нина Федоровна.

— Куда торопишься, Ваня?

— За своим обалдуем, всыпать ему!

— Это за что же?

— За двойки!

— А сам ты двоек не получаешь?

— Я?!— набычился Иван.— До ученья ли было... При той голодухе!

— Оставь парня в покое,— попросила хозяйка,— пусть живет, как ты его приспособил.

— Да я... Я чего?..— поостыл Иван.— Пускай садится на бульдозер.— И, помявшись, достал из кармана поллитровку.— За Павла твоего, за Надюху мою... Разрешить?

Дед, увидев бутылку, заулыбался, но дочь оборвала его радость.

— В другой раз, когда по-человечески придешь,— сказала она Ивану.— И мальчишку не трогай. Ладно?

— Ладно... Понял я, Нина, кого не хватает моему Заусенцу... Ну, до свиданья.

Заусенец не сразу ушел от них, не поверил отцу, считая, что тот прячется за дверь. Пришлось Антону прожогать паренька. Так они и сдружились. Заусенец стал приходить в барак. И отец за ним потянулся... Слух пошел о сватовстве Ивана...

Но главное — история с Лаской.

Это было в прошлом году.

На конном дворе оставалось всего две лошади. И вот спокойный трудяга, рыжехвостый Звездач, разодрал себе ногу на свалке. Конюх Степанцов выпряг его из телеги, привел к колодцу, и они со Свальщиком — соседом и начальником над хламом — стали промывать Звездачу ногу. Кровь не унималась, окрашивала воду, и скоро натекла красная лужа. Тогда Степанцов зажал порез широкой своей ладонью. А Свальщик протянул ему кусок мешковины. Конюх быстро наложил тряпку на рану и стал заматывать ее мешковиной. Но та сразу же пропиталась кровью.

— Никакого порядку у тебя на свалке,

Ефим!— ворчал Степанцов, и единственный глаз конюха сердито поблескивал.— Железки везде разбросаны, проволока на дороге... И черт ногу сломает!

— Господь с тобой, Егорушка,— отвечал Свальщик, по-сомьи шевеля усами.— Дорога у меня всегда чистая... Тут уж как бог даст... Можно и на чистом месте занозиться.

— На чистом месте!— возмутился Степанцов.— Надо слоями мусор складывать, чтоб железо перекрывать кусками асфальту, к примеру... Слойми, а не кучами!— заметив идущего к ним Зава, Степанцов захохотал на полную мощь:— Этак мы каждый день будем напарываться! Потом загноение, и лошади конец! Это сколько же потребует лошадей?!

Свальщик, не отвечая, мигал седыми ресницами, а Зав горестно перекинул губы и склонился над раненой ногой Звездача.

— Пора списывать лошадей,— заметил он,— тогда быстрее мусоровозы дадут.

Антон был тут же, все видел и слышал, молчал, переживая за Звездача, но теперь не выдержал.

— Как списывать?— спросил он.— Хотите оставить Ласку одну?

— Двух мне сразу не спишут,— вздохнул Зав.— Сначала одну, потом — другую. Морока с этими лошадьми...

Антон пошел от колодца, ощущая горячие толчки в висках.

«Морока, говоришь,— мысленно укорял он Зава,— а двух, говоришь, сразу не спишут. Ну, мы тебе поможем...» И Антон решительно направился к брусчатому особнячку Ивановых, с белесым шифером на крыше, с высоким забором и воротами, украшенными резьбой. Свистнул. Беззвучно отворилась калитка на смазанных шарнирах, и Заусенец выскочил на улицу.

— Привет!— мотнул он разболтанным козырьком своей «восьмиклинка».— Что ты такой раздухаренный?

— Пойдем за конный, расскажу...

Им надо было поговорить без свидетелей, а лучшего места, чем свалка, не найти. Здесь Антон и рассказал Заусенцу, что решил свести Ласку с беглым монгольским жеребчиком. Этого монгола держал Гоха в пустой дачной загородке в надежде на выкуп.

— А если выпустим монгола?— спросил Заусенец. Из рук у него вывалилась гайка и задрезжала по мятому крылу разрозненного автомобиля.— Гоха нам вломит — не встанешь потом!

— Не бойся! Если что, на себя возьму,— заявлял Антон.— Но вообще-то осторожно надо.

— А Ласку с жеребенком уже не тронут?

* — Ни за что!..

Солнечные сполохи над Саянами померкли, подул ветер с холодных гор в теплую долину,

и вороны полетели со свалки, точно хлопья сажи. В такое время Степанцов выгонял стреноженную Ласку пастись на луга. И нынче, как обычно, затилинькало ботало у хомутарки. Раздался голос Зава:

— Ты, Степанцов, ночью присматривай за Лаской.

— А я ботало слышу,— отозвался Степанцов,— кобылка-то ручная, к дому жметя.

— Давай старайся, Егор, будешь у меня заместителем по мехпарку...

Антон объяснил Заусенцу свой план. Он возьмет Ласку под уздцы и поведет ее к дачной загородке. Как только их не станет слышно, Заусенец должен бить болтом на проволочке по консервной банке—подобрали звук, похожий на Ласкино ботало.

— И до нашего возвращения не переставай,— говорил Антон другу.

— А ты про меня не забывай,— попросил Заусенец,— чтобы мне не ходить, как дураку, до утра...

Антон поймал лошадь за недоуздок и похлопал по морде. Потом нагнулся к передним копытам Ласки, нашел узел на веревке и начал его развязывать. Узел был крепкий, будто приваренный клеем. Пришлось наклониться к самым копытам и развязывать зубами. Ласка заржала.

— Тише ты, дуреха!— рассердился Антон.

Степанцов что-то заподозрил.

В тусклом барачном окне было видно, как конюх вышел на низкое крыльцо. Шагнул в темноту, к забору.

— Звони полегоньку!— приказал Антон Заусенцу.

Дружок побрел по лугу, раскачивая ботало. Степанцов успокоился. Почесывая бока, возвратился в сени.

— Ну, пошли!— Антон дернул за узду, и Ласка послушно двинулась вслед.

Они подходили к дачной загородке, когда над Горюшиной горой, словно единственное око Степанцова, появилась луна. Антон шараясь в темноту забора. Ласка переступала мягко, будто поняла намерение Антона.

Антон провел ее к воротам и огляделся. Огни Заливановки были крошечные по сравнению с теми, что сияли в каменных домах на высоком противоположном берегу. В Заливановке была тишь, только собаки побрехивали да гремели цепями. Зато с противоположного берега сквозь скрип кранов доносились громкие звуки радиолы.

Антон тихо сдвинул железный засов. Не теряя времени, впустил Ласку. Она принялась, и ноздри ее затрепетали.

Монгол, гривастый, злой и крепкий, выскочил из темноты. Отблески луны пламенели на мышцах его груди. И весь он был раскаленный, грива, как дым, глаза глядели по-бычьему, а зубы отбивали металлом.

— Черт!— вырвалось у Антона.

Монгол прынул ушами и кинулся в глубь участка. Ласка бросилась за ним рысью, точно добрая скаковая лошадь.

Антон отступил в темноту. По земле разносилась лошадиная чечетка. Антон зачарованно слушал. Но охранники тоже не дремали. Донесся крик: — Свети, Эфиоп!

Со стороны Заливановки сверкнул блестящий глазок фонаря. Лучик света заскакал по щетиным кочкам, редким кустам, приближаясь к плахам забора.

— Сохатый, беги вперед! Эфиоп, заходи слева! А ты справа, Витька!

Топот лошадей раздался за спиной Антона, потом треск досок. Это монгол ударил грудью ворота и выскочил на волю, давая пример Ласке.

— Стой!— заревело разом несколько голосов.— Стой, зараза!

— Лови!

Перестук лошадиных копыт разнесся по лугу. Сторожа бросились цепочкой за лошадьми. Никто не подумал обшарить кусты возле забора. Это и спасло Антона.

Он метнулся к ближнему островку темных черемух. Полз, прятался за кочками, выжидал. Потом поднялся и побежал к бараку.

— Антон, ты?

— Я.

Заусенец старательно потряхивал консервной банкой с болтом, будто разучивал какую-то мелодию на этом самодельном инструменте.

— Давай сматываться,— прошептал ему Антон.— Наша взяла...

День

Переполненная река при свете дня казалась еще грознее и мрачнее. Но поселок спокойно дышал трубами. Крепкий деревянный мостик отделял его от насыпи, а там уже большой Иркый мост соединял Заливановку с Горюшиной горой, откуда всегда могла прийти помощь.

В бараке каждый был за себя—это читалось на стенах. Каждый хозяин укрепил свою часть стены чем мог, не считаясь с соседями, не заботясь об общем облике барака. Угол Зава отблескивал оцинкованной жостью. Степанцов укрепил свой угол горбылями. Мотя свою часть стены выложила кирпичом и оштукатурила. А угол Свальщика выглядел, словно кольчуга витязя. Вблизи можно было прочитать, откуда эти пластинки: «чай грузинский», «нетто», «брутто» и прочее, что пишется на таре, выброшенной на свалку.

Половина бараковского населения трудилась сегодня у дома и на грядках.

Свальщик со своей толстой, одышливой Свальщицей укладывали кирпичами, обломками асфальта и осколками кухонных раковин землю возле завалинки, чтобы их кролики не прорылись из-под пола в огород.

Степанцов с тощей Степанчихой и тремя ребятами поливали огурцы на пышных навозных грядках.

Зав, одетый в оранжевую пижаму, сидя на завалинке, вел любезный разговор с Ниной Федоровной о видах в этом году на картофель, который соседка опаливала вместе с дедом Федором.

От другого мира территория барака была отделена заплотом. Сооружение это состояло из редких колеб, оплетенных ржавой проволокой, металлическими стружками, увешанными кусками жести, фольгой, расплюснутыми банками, остатками аккумуляторов и разными бракованными поделками. Заплот был единственным коллективным детищем барачковцев. Антон часто с усмешкой думал, что на Западе к такому бараку стекались бы ценители модернистского искусства, глубокомысленно искали бы затаенное содержание в бессмыслице прибитого и развешанного хлама.

Антон обогнул заплот и подошел к грядкам. Мать ахнула, увидев его мокрую рубашку.

— Где тебя носит с самого утра,— запричитала она, точно над ребенком.— Мокрый, как рыба! Простудишься, сляжешь — экзамены в институт пропустишь. Приятно нам будет с дедом?

Дед, наконец, услышал. Улыбаясь всеми своими шрамами, он повернулся к Антону. Дед плохо понимал, что говорит дочь внуку, но поддерживал ее улыбкой на всякий случай. Если бы дед догадывался, как необходима сейчас внуку мужская солидарность.

— Ну, где вымок?— не унималась мать.

— Иркой выходит из берегов!

Зав, он же Тимофей Богданович, встал, одернул на себе пижаму и проговорил авторитетно:

— Ты, Антон Павлович, панику не поднимай!

Мы по этому вопросу сведения имеем самые свежие. Ожидается паводок, это точно. Однако особого вреда не будет, вал рассосется в низовьях. И не сбивай людей с толку, а лучше бери тяпку и помогай матери с дедом!

— Сам знаю, что делать!— огрызнулся Антон.

Лицо Завы стало под цвет пижамы, он посяял своей лысиной с жидким оселедцем и обратился к матери.

— Слышали, Нина Федоровна, он сам знает! Старшим грубит!

Перепалка бы разрослась, но всех перебил возглас Свальщицы, случайно глянувшей на дорогу.

— Начальство едут!

— Вроде да, легковушка,— откликнулся Свальщик.

Грузовики с мусором частенько проходили дорогой на свалку, легковые же были редкими гостями в Заливановке, тем более на конном. Но сейчас к бараку, расплескивая лужи, приближалась черная «Волга». Похоже было, что это машина самого товарища Скорых, председателя райисполкома.

Зав первый сорвался с места и побежал в барак, расстегивая на ходу пуговицы пижамы. Соседи тоже пошли с огорода.

Легковушка двигалась к конному, наматывая грязь на колеса. Теперь уже ясно было видно недовольное лицо Гохи. К бараку Гоха предпочитал ходить пешком, в сумерках: навещал Зинку, свою зазную. Но тут хозяин приказал, и никуда не денешься — поехал. Полдня придется отмывать машину от заливановской грязи.

Бельчик первым поприветствовал «Волгу» — обляял ее. Зав, успевший переодеться в черный костюм, отогнал собаку. Однако степанцовских куриц распугать не успел, и машина стала в луже, чтобы не передавить живность. К «Волге» потянулся барачный люд. Из сеней, прикрывая лицо полушалком, вышла Мотя, за ней выплыла Зинка в коротком ситцевом халатике.

Зав, невзирая на жижу под ногами, бросился к «Волге» и открыл дверцу перед Иннокентием Филипповичем Скорых.

Председатель свободно перешагнул лужу и поздоровался.

— Здравствуй! — недружно ответили соседи.

Скорых пожал руку Зава, заговорил с ним, и все увидели, какой Зав низкорослый по сравнению с председателем.

Между тем из машины выскочил милицкий майор-крепачок и сразу забрызгал свои сапожки грязью. Он до того огорчился этим обстоятельством, что забыл про секретаршу. А помощница Скорых раскрыла дверцу и устала на лужу. На помощь ей кинулся Гоха, подхватил секретаршу на руки, словно куклу, и чуть не уронил, наткнувшись на Зинкин жгучий взгляд.

— Спасибо, Гошенька, — промурлыкала секретарша и потрепала за отворот куртки.

— Товарищи, — обратился Скорых к шеренге соседей, — мы приехали к вам с предложением эвакуироваться на время наводнения!..

Люди насторожились.

— Серьезная опасность? — спросил дед Федор, расслышавший громоподобный голос председателя.

— Уровень может подняться на три метра по последним данным, — объяснил Скорых. — А главное, баклашихинская запань трещит... Представляете, что будет, если бревна пойдут на вас?

Трудно сейчас было представить, что сюда может ринуться вода — Ирккой далеко, вокруг зеленеет трава, щебечут воробьи, палит солнце. А бревна — что? Бревна — стройматериал. Сколько народу здесь построилось благодаря паводкам! Опять же бревно — топливо. А эвакуируйся — ни дров не заготовишь, ни своего не найдешь: растащат последнее охотники до чужого.

И первый высказался Свальщик:

— Бог даст — не зальет.

— На бога надейся, а сам не плошай! — напомнил Скорых.

— Ну, на фронте не сплошали, — захорохорился дед Федор. — И с наводнением повоюем, если что...

— Если б эвакуировали нас по квартирам, да не на время, а навсегда, уважаемый Иннокентий Филиппович, — запричитала Мотя. — Спасибушко сказали бы...

Соседи стали смущенно переминаться. Антон затаил дыхание, как перед явлением чуда. А вдруг Скорых сейчас изыщет возможность... Возьмет и переселит весь их барак на Горюшину гору! Ну что стоит Иннокентию Филипповичу приказать секретарше, и она выпишет ордер на квартиру, в которой можно зажить по-новому...

Но Скорых засмутился сам не хуже бараковцев, тоскливо взглянул на Горюшину гору.

— Пока не можем обеспечить квартирами, товарищи. У нас еще есть неустроенные, инвалиды... Эвакуировать будем временно, в школу.

— А потом снова в барак? — вырвалось у Антона. — До следующего паводка?

На дворе стало тихо, соседи отодвинулись от Антона, и он оказался один под прицельным взглядом Скорых.

— Что за умник такой? — проговорил председатель морщась.

— Наш критикан Антошка, — угодливо объяснил Зав, и все засмеялись.

— Таким наводнение даже на пользу, — заметил Скорых жестко. — Критиковать много мастеров развелось, а добрых помощников куда меньше! Так что скажете, товарищи, насчет эвакуации?

Зав бросил строгий взгляд на соседей, чтобы не перебили ненароком, и откашлялся, как перед докладом.

— Стихийные бедствия, — начал он, приподнимаясь на носках, — нас не страшат, Иннокентий Филиппович, поскольку мы всегда готовы к любым неприятностям. На вверенном мне конном дворе проведен инструктаж по технике безопасности, приняты необходимые меры. — Зав показал на недавно подкрашенную пожарную доску с топором, остродонным ведром, багром и лопатой.

Скорых pokrивил брови, поиграл скулами, хотел выразить сомнение, но, видно, понял, что временное отселение никого не устраивает, а в катастрофу никто не верит. И председателю осталось только распрощаться с народом, сесть в «Волгу» и сказать майору:

— Держите в готовности всю технику!

Из-под колес машины с кудахтаньем посыпались куры, Бельчик бросился вдогонку, облаивая забрызганный номер. Фонтан грязи вырвался из-под колеса и обдал собачонку. Бельчик отскочил, замотал мордой и слепо закрутился на месте. Раздался смех:

— Что, получил?

— Будешь начальство уважать!

Антон кликнул пса и взял его на руки. Бельчик скулил, из глаз катились грязные слезы.

Вечер

Когда Антон вошел в свою квартиру, часы на комодке пробили шесть раз. А солнце прошивало каскадами света и кухню и комнату: отыгрывалось за многие дни ненастья. И скромная квартира сияла, как никогда.

«Будто почуяла что-то особенное, — подумал Антон о матери, — ишь как надраила полы!»

Но вообще-то он уж чересчур подозревал мать. Она, конечно, не могла ничего определенного знать про планы Ивана Бульдозериста насчет сватовства. Просто мать всегда содержала квартиру в чистоте. И сын с дедом помогали ей. На полах были расстелены дорожки, слетенные

из разноцветных тряпочек. Их плел дед. Ветошь Антою собирал ему на свалке. Эти разноцветные тряпочки свозили на свалку из швейных и трикотажных мастерских города. Старики Заливановки плели из них коврики, потом продавали свои изделия на барахолке и тем подрабатывали. Дед Федор склонял и Антона к этому ремеслу, но ничего путного из этого не вышло.

Дверь в комнату открылась, вошли дед и Степанцов, на вытянутой руке которого покачивался бидончик. В комнате запахло медовухой. Единственный глаз конюха радостно сверкал, а второй был прикрыт, как у пирата, черной кожаной ленточкой. Вид грозный, а на деле сосед был смиреннее Ласки, особенно боялся начальства и вообще всех, кто повышал голос.

Он поставил бидончик на середину стола и широким жестом пригласил деда с Антоном.

У деда повлажнели глаза.

— Нет, ты скажи,— дед продолжал, видно, начатую со Степанцовым беседу,— что ему власть, если он так думает — пора, мол, вообще барак ликвидировать.

Антон догадался, что разговор о нем.

— А нас батя сек за пререкания,— сказал Степанцов,— и дед сек, и дядья секли, и все, кому не лень, лупцевали нас. Так мы старших не сме- ли обсуждать.

— Ну и что из вас вышло?— огрызнулся Антон.— Покорные шестерки!

— Вот кроет!— восхитился дед.

— Давай, давай, дуй по нам!— усмехнулся Степанцов.— Ты ученый, а мы темные. Мой Савка и тот спрашивает надьсы: батя, а батя, ты почему у нас простой конюх? И как я ему объясню, что батя его сил много имел, а не знал, куда их переводить. Мотался по свету, как угорелый, думал все деньги заработать, какие есть... Сперва землю пахал, потом лес валил, на Камчатке рыбу ловил, в шахте тачку катал, под Воркутой рельсы укладывал на пути, а теперь вот конюшу. И кроме лошади, никому не нужен становлюсь со своей силой человеческой. Да и сила уж не та...

— Это без отца он больно самостоятельным стал,— сказал дед про Антона.

Вошла мать, и Антон понял, что сейчас самое время уйти на чердак, где любил он подолгу просиживать с книжкой.

— Я пошел к себе,— сказал Антон.— Заливать будет, приходите все наверх.

Хорошо бы, шагая по коридору, думал Антон, чтобы наводнение разметало хозяйство Бульдозериста: его брусчатый дом, высокий забор с кулацкой триумфальной аркой, стайку с поросенком и курицами, сарай, доверху набитый дровами, десять соток огорода, бревна... Тогда бы Иван с горя забыл про сватовство к Нине Федоровне, оставил бы их в покое. Дружить с Заусенцем — это одно, но представить себя пасынком Ивана Антон не мог.

«Давай, наводнение, шарь! — мысленно приказывал он воде.— Разнеси нашу шарагу, поставь все на место, заставь попереживать».

Седаая лестница с широкими ступенями вела на крышу сени, а дальше три шага и — дверца на чердак...

Примерно через час на плоскую крышу взобрались дед со Степанцовым и стали разглядывать окружающую местность в дедов артиллерийский бинокль. У деда на груди поблескивала медаль «За боевые заслуги». Награду эту дед надевал в ответственных случаях.

— Смотри вон туда, на перемышку,— приказывал он Степанцову.— Обстановка ненормальная.

Конюх смотрел в одну половинку бинокля, как в подзорную трубу.

— Чегой-то там дется,— согласился Степанцов,— струйка прорвалась вроде.

— Какая струйка!— возмутился Антон.— Без бинокля видно — целая протока уже!

— Преувеличивать силы противника не следует,— дед одернул рубаху,— но и преуменьшать не надо.

— Вода скоро будет на свалке, деда!

— Встретим, как полагается,— пробормотал дед.— Маленьких — на чердак! А взрослые станут на оборону барака!

Степанцов опустил руку с биноклем, его глаз потускнел.

— Антон, возьми моих ребяташек на ночь к себе,— проговорил конюх просительно,— сохраний будут на случай чего.

— Пусть лезут,— ответил Антон,— я настелю им сена.

Он тоже взял бинокль и навел его на перемышку.

Совсем недавно Ирккой приносил сверху густой запах цветущей черемухи. Этот ни с чем не сравнимый запах перебывал навозный дух конного и свалки, будоражил кровь, звал забиться в цветущие острова. Но теперь сверху катился холод и шум большой ледниковой воды. В бинокль было видно, как треплет взъяренная река кусты на залитых островах, как пробиваются эти кусты торпедами-бревнами и как пенится вода около берегов.

А возле перемышки целый поток устремился в старое русло. В бинокль ясно различима картина разрушения гребня с редкой щеточкой деревьев. Большие куски глины разваливались под напором струи. В мутных волнах волочились кусты и деревья. Проран расширился.

По ту сторону реки синело несколько милицейских машин.

— Милиция понаехала,— сказал Степанцов.— Чо боятся?

— Уже трусят в поселок проехать,— ответил Антон.— Мостик шатается, увязнуть можно, потом совсем не вылезешь из Заливановки!

— Просто спокойны за нас,— заверил дед.

— Верно!— единственное око Степанцова снова просияло.— И не такое видывали. Чо горевать, айда, Николаевич,— медовушка-то хороша, будто парное молочко!

— Медовуха отменная,— отозвался дед и начал спускаться по лестнице.

Ночь

Перешагивая через поперечины, Антон прошел в угол. Между поперечными балками на слой шлака были насыпаны опилки. Шаг здесь заглушался, а слышимость улучшалась. Из форточек, со двора, из поселка, с Горюшиной горы сюда доносились звуки. И особенно в этот вечер все стало четче, даже возня кроликов под баракком явственно слышалась Антону.

Барак запахнул окна, чтобы лучше ощущать приближение воды. И Антон вдруг оказался как бы во всех квартирах той половины барака, что окнами выходила на поселок. Он ясно различал стук ложек о миски за столом Свальщика, бодрый голос теледиктора в Мотиной квартире и жужжание Зинкиной швейной машины.

Стукнула дверь их квартиры, и Антон отвалился от балки. Растирая затекшую шею, задев носками кед поперечины, он подошел к дверце. Распахнул ее. Втянул ноздрями воздух и ощутил, как сильно пахнет свежей холодной водой.

Водное кольцо, окаймившее луга, поблескивало в лунном свете. Оно казалось безопасным, как оросительная система. Но два водяных щупальца протянулись уже к свалке, и они сливались между собой. Свалка, правда, засасывала воду, словно гигантская губка, но все же отводок из-под мусора бежал к поселку по ложбинкам старого русла.

У маленького мостика гудели машины, мелькали огни, будто туда весь город сбегался за водой. Полезной ледяной водой с Саян. Антон вспомнил о теории полезности талой воды для растений, животных, птиц и людей и сразу подумал о Ласке. «Ей бы пить сейчас эту воду со снежников,— размыслил он.— Жеребенок был бы крепкий, пучеглазый и шустрый».

Однако Ласка почему-то не шла пить прибывающую воду, а тыкалась мордой в огромное, рассчитанное на десяток лошадей, корыто. А там воды не было. Степанцов и Свальщик давно поили ее прямо из колодезного ведра, хоть барковцы костерили их за это.

— Чего, сердешная, нутро горит?— раздался из тени барака голос Свальщика.— Сейчас я зачерпну водицы...

Его горбатая фигура появилась перед баракком, где земля была исполосована светлыми клиньями окон.

Свальщик подошел к колодцу, поймал бадью на коромысле журавля и потянул ее вниз. Железная бадья билась о каменные стенки колодца. Потом ведро плеснуло на глубине, и Свальщик потянул его обратно. Журавль скрипел в темноте, будто жаловался на старость.

— Вот и пей на здоровье!— сказал Свальщик, ставя бадью перед Лаской на землю.— Твоя состояния нам понятна, бедная скотинка... Э-эх, грехи наши...

Ласка ткнулась в бадью мордой, понюхала воду и стала деликатно пить. Свальщик погладил ее черно-белый вздутый живот и покачал головой.

— Даст бог, не сегодня-завтра ожеребишься. Да только встал бы жеребенок до воды... И в мелкой можно потонуть...

Ласка перестала пить и задумалась, будто соображала, как вести себя дальше.

Свальщик выплеснул воду на гигантские лопухи, разросшиеся у колодца, и побрел в сторону свалки. Его холщовая рубаха белела в темноте, как бумажная макулатура.

Мысли Антона были прерваны странными хлопками, донесшимися с дороги. Это старик бежал, и его подметки хлопали по земле. Сиплое

дыхание донеслось снизу, когда Свальщик вбежал в сени. Потом хлопнула дверь квартиры, и вылетел его порывистый голос из окна:

— Матушка, дал нам господь подарок, да лиходеи отняли!

— Какой подарок? Что за лиходеи?

— Бону притащило на свалку! Да Гошка с парнями своими ее застолбить успел!

— Да что ж это такое, господи? Откуда их принесло, супостатов?

— Моторка у них чуть не посуху ходит, вот какое дело-то!

— И добрая бона?

— Метров полста! В пять бревен! Да ловконько стала между кучами!

— Ничо, отец, господь не потерпит лихоимства, пошлет им кару, пошлет! Перевернутся в своей лодке!

— Да что ты мелешь, матушка! Можно ли людям такое сулить? Пусть пользуются, а мы и так проживем. Вот кролики множатся — лучше некуда...

— Антон! Где ты? Идем к тебе спасаться! — раздался снизу голос Зинки.

— Антон, и мы к тебе! — баском заявил Савка.

— И я, и я, — пискнули разом Стасик и Мирка.

Антон подал обе руки степанчатам и втащил их на чердак. Потом стал помогать Зинке. Взял

ее узел и на миг почувствовал такую слабость, что не мог сдвинуть с места легкого постельного узла. Придумала Зинка, так придумала!

— Что же ты? — с бархатным хохотком спросила Зинка. — Веди в свою спальню!

Антон ринулся в глубь чердака, освещая жидким лучом фонарика балки, белые трубы печей и клочки сена, разбросанные по шлаку, перемешанному с опилками. Зинка пришла в каком-то серебристом новом платье, точно собралась на танцы.

— Всем места хватит, Зина, — подвел он соседку к постели. — А вы, ребята, на той стороне!

Антон выдернул из-под своего матраца клоч сена и добавил в постель ребятишкам. Савка тут же расстелил рваненькое ватное одеяло, бросил две подушки в линялых наволочках и приказал младшим ложиться...

Как ни тревожна была ночь, а сон взял свое — и в бараке, и на чердаке.

Утро

Треск раздался явный, и чердак вроде поплыл куда-то.

— И-и-и! — запищала в углу Мирка, и сразу к ней присоединился Стасик: — У-у-у!

Антон подскочил и ударился головой о балку. Из глаз, как из кремней, посыпались искры.

— Антон! — дернулась Зинка. — Что это?

— Сейчас разберусь!

Внизу разнесся треск, звон стекла, крики.

— Караул!

— Потоп!

— Помогите!

— Люди-и!

Антон метнулся к чердачной дверке. Вышиб ее на ходу и скатился по лестнице.

Везде тускло переливалась вода. Плавали дуги, щепки, доски, клочки сена. И непонятно было, куда надо бежать. Кругом колыхалась стена тумана. Только домик Ивана Бульдозериста проглядывал сквозь туман. Однако между бараком и этим крайним домиком Заливановки образовалась протока. Темная речка выбегала из тумана и уносилась в туман.

А барак накренился набок. Крыша съезжала во двор. Завалинка уходила в воду — по ней метались кролики. От стаяк неслись поросычий визг и кудахтанье кур.

Из барака выскочил Зав в пижаме. Высоко выбрасывая ноги из воды, он подбежал к пожарной доске, снял багор и стал бегать по двору, обдавая брызгами окна барака.

— На помощь!

— Господи?! — донесся голос Свальщицы из разбитого окна. — Нас-то за что?

— За что, господи боже?— вторил ей Свальщик.

На крылечко выбегали соседи.

— Антон!— донесся голос матери.— Ты жив?

Антон сломя голову мчался к конскому корыту, поднятому водой, приткнувшемуся к забору, большому, сухому, прочному.

Но Зав опередил его. Он запрыгнул в корыто и начал отталкиваться багром. И тут Антон завопил:

— Подождите!

Корыто— оно как лодка! На нем уплыть можно, спастись!

— Куда?— завопил Зав.— Перевернешь!

Антон уже поймался за край корыта. Оставалось перевалиться в него. Но тут Зав махнул багром и ударил Антона по рукам. Малиновое пламя полыхнуло в глазах от боли.

— Анто-о-он!

У Зава выпал багор— он натолкнулся на взгляд Нины Федоровны. Соседка не произнесла больше ни слова, но взгляд ее был страшнее наводнения.

— Я за катером, Нина Федоровна,— забормотал Зав,— чтобы всех вывезти... Кто же знал, что так обернется... Туман... Барак подмыло... Это же надо...

Нина Федоровна хотела что-то сказать— искривился рот, но тут на крыльцо выскочила Мотя с узлом, за ней Степанчиха и Степанцов. Конюх сразу бросился на чердак, а Мотя и Степанчиха огласили двор пронзительными голосами.

— Сам уплываешь,— врезался в уши крик Моти,— а нас бросаешь?!

— Я за катером,— объяснил Зав, доставая багор.— Вертолет за вами пришлю!

— Знаем, какой вертолет!— взвизгнула Мотя.— Шкуру спасает!

— Молчи, ворожейка!

— А-а-а!— крикнула Степанчиха и кинулась на Зава.— Нас хочешь бросить с детьми!

Но тут крепкий окрик остановил людей.

— Прекратить базар!— Дед стоял на крыльце.— Что за паника?! Почему беспорядок?

К деду будто полностью вернулся слух: он поворачивал голову на писк кроликов, плач детей, треск досок, вскрики соседей.

Антон ощутил, как тяжелеют уши от крови, прихлынувшей от стыда. Мужчина! Зайцем кинулся с чердака, в майке и плавках. Бросил ребяташек, Зинку, дрался за место в корыте. Утопить тебя мало в этой ледяной воде...

— Надо плыть за помощью,— объяснял Зав, лихорадочно толкаясь багром.— Чтобы катер прислали или вертолет.

— Какой вертолет прилетит в тумане?— спросил дед.— Какой катер сюда подойдет по мелкоте? И в корыте этом куда уплывешь, товарищ заведующий?

Испуганно поглядывая на деда, Зав пере-

шагнул через борт корыта и побрел к бараку. И Антон, опустив голову, двинулся на чердак. Навстречу ему спускался Степанцов с детьми на руках.

В чердачном проеме забелело Зинкино лицо. Впервые Антон видел, как испугалась Зинка.

— Неужели конец?— вырвалось у нее из стиснутых губ.

Барак заскрежетал, словно живое существо. Зинка вскрикнула, и Антон, подхватив ее за талию, вывел на безопасный скат сеней.

Искала место, где можно спастись, и Мотя. Она оделась во все новое, захватила наволочку с каким-то своим добром и теперь семеняла по двору в поисках надежного угла. Крыша сеней ей, видно, не подходила, и Мотя направилась к Заву, который метался по крыльцу.

— Вода-то прибывает!— закричала Мотя.— Так и потонем тут?!

— А что тебе карты сулили, старая ведьма?— огрызнулся Зав.

— А ты начальство или тряпка? Кто должен спасать?

— Я покажу тебе тряпку!— погрозил ей кулаком Зав.— Я тебя укуе, куда следует! Я тебя спасу!

— Боялась я таких!— откликнулась Мотя.— Ты выплыви сначала, а потом грозись, бюрократ проклятый! Вредитель!

— Выплывем!— заверил Зав, исшаривая глазами стену тумана.— И разберемся, кто тут вредитель!

— Прекратить нытье!

Как ни странно, во всей этой сумятице наводил порядок немощный контуженный дед.

Сейчас он поднял руку, указывая на крыльцо и завалинку. И соседи подчинились. Сгрудились возле деда, с надеждой глядя на него.

— Будем по моей команде кричать все вместе, разом!— приказал дед.— На помощь!

Он взмахнул рукой, словно дирижер, и все затянули:

— На-по-мощь!

Даже Свальщик со Свальщицей оставили молитвы и прибавили свои голоса к хору соседей.

Где-то в тумане затарахтел лодочный мотор, но лодка прошла мимо. Однако это ободрило. Хор зазвучал дружнее:

— Помо-ги-те!

Наконец кто-то ответил раскатисто: «О-о-о!» Это возле своего дома появился Иван Бульдозерист. Рядом с отцом суетился Заусенец. Они о чем-то посовещались. Потом Иван сложил ручки у рта и затрубил, как изюбр:

— Нина-а-а!

Антон взглянул на мать. Ее лицо порозовело, в глазах засияли светлячки. Мать приподняла платье, ступила в воду и пошла навстречу Ивану Бульдозеристу. Теперь она не боялась утонуть.

Вода стала захлестывать голенища резиновых сапожек, но мать не ощущала холода.

— Мама! — окликнул ее Антон. Острая боль кольнула его сердце. — Осторожнее, мама!

Мать будто не слышала. Зашла по колено в протоку и прокричала тоненьким голосом:

— Рушится! Дом наш! Ваня-я-я!

Иван, наверное, ничего не услышал. Но все понял.

— Даю вам бульдозер! Пере-е-езжайте-е-е!..

Он махнул Заусенцу, и тот заскочил в кабину. Иван дернул пускач. Раздался рев двигателя, синий дым окутал машину, и она двинулась к протоке. Бульдозер вошел в воду и направился к бараку, разбивая струю блестящим тяжелым ножом.

Антон двинулся навстречу бульдозеру и встретил Заусенца по пояс в воде. Течение уже открывало ноги от вязкого дна, а холод стягивал сухожилия.

Заусенец приостановил бульдозер, и Антон завалился на гусеницу, а потом перелез на дерматиновое сиденье.

Заусенец, подмигнув дружку, двинул рычаг, направляя бульдозер прямо к крыльцу, на котором столпились бараковцы.

Соседи отступили в разные стороны, только дед остался стоять перед самым ножом.

— Здорово, дедушка! — Заусенец перевел двигатель на самые малые обороты, высунулся из кабины и объяснил: — Отец остался свой дом караулить — тоже кое-где подмывает. А я вам на поддержку... У меня приказ: сначала Нину Федоровну перевезти с ребяташками, потом остальных!

Нина Федоровна, отжимая подол платья, зарделась, как девочка-школьница.

— Сначала детей перевезем, — залепетала она, — и кто послабее.

Тут барак дал новый крен. Со стен посыпались кирпичи, дощечки, штукатурка. Со стороны конюшни тоже раздался треск. В стайке Степанцова визжал поросенок, будто его жалили крапивой.

Антон вылез на капот бульдозера и ободряюще помахал рукой Зинке. Она уже успокоилась, подошла к самому краю крыши и свесилась над соседями.

— Возьми меня, Антон! — вскрикнула она. — Тонуть, так вместе!

По-странному тянуло Антона к Зинке. Знал он про дружбу ее с Гохой, и еще много чего слышал о ней. И все-таки необъяснимо тянуло к этой разбитой девочке, значительно старшей во всех отношениях.

— Никто не утонет, Зина, все выплывем, — Антон вздохнул и перевел взгляд на крыльцо. — Я что думаю, деда! Туман долго продержится. А вода наступает!

— Выдюжим! — ответил дед. — Укрепимся!

— А надо ли укрепляться и выжидать? — спросил Антон. — Давайте искать посудину сами.

— Что он мелет? — закричал Зав, обращаясь к деду. — Кого слушаем, Федор Николаевич? Молокососов! Надо эвакуироваться на бульдозере!

Зав бросился было к машине, но снова оглянулся на деда.

— Вы можете не слушать, — крикнул Заву Антон. — Я деду говорю и всем, кто хочет перебраться на сушу!

— На чем это перебраться? — перекопилось лицо Зава.

— На плоту! — выкрикнул Антон.

— Из чего ты сколотишь его? — спросил дед. — Где бревна?

— Готовый есть! — отозвался Антон. — К свалке бону прибили. Поедем сейчас и подтащим!.. Айда! — приказал Антон водителю.

Заусенец двинул рычагами, и бульдозер взревел. Пошел задним ходом, потом грузно повернулся и, раздвигая воду, двинулся по невидимой дороге в сторону свалки.

Зав бросился за машиной, протягивая руки.

— Уедут! — перекрикивал он вой двигателя. — Потеряются! Пропадем! Стойте... Аза-а-ад!

Заусенец дал максимальные обороты, и грязный бурун от бульдозера отшвырнул Зава.

— Направо! — командовал Антон, зорко наблюдая, чтобы не сбиться в кювет под водой. — Левее!.. Так, хорошо, прямо!

Слева донесся треск — это конюшня конного двора трещала под напором воды и мусора. «Надолго ли хватит конного?!» — подумал Антон. Как только рухнет конюшня, упадут заборы, и откроется полный простор для воды. Тогда уж барак недолго простоят...

— Быстрее! — крикнул Антон Заусенцу. — Выжимай все!

Впереди выступили из тумана колоссальные статуи, отлитые некогда из бетона. Они равнодушно взирали на половодье с высоких куч мусора. На их головах и плечах сидели вороны. Ждали, когда взойдет солнце, чтобы собирать обильный корм на лугах и размытой свалке.

— Спасемся! — цедил Антон сквозь зубы, шаривая глазами свалку. — Мы не суслики... Давай, Коля, жми!

Бульдозер разбрасывал воду, несшую щепки, клочки бумаги, ящики, очистки, ножки от стульев, детские игрушки. Все, способное плавать, держало направление к мосту через Иркой. Наводнение возвращало городу весь его мусор.

— Бона! — Антон ткнул пальцем в изогнутую, будто лук, бревенчатую связку.

Заусенец кивнул, и бульдозер ринулся с кучи к подножию, где завяз один конец боны. И вдруг машина остановилась. Заусенец притормозил на склоне кучи, не доехав каких-нибудь десяти метров до обрывка каната, привязанного к боне.

Антон покосился на Заусенца: у того кисти рук сжимались и расправлялись на рукоятке рычагов. И острый кадык ходил вниз-вверх, как поплавок во время поклевки.

— Что ты? — спросил Антон. — Двигатель?

— Парни! — выдавил Заусенец. — Не отдадут!

Антон проследил, куда смотрит Заусенец. На другом конце боны копошилась компания Гохи. Сердце Антона сжалось. В клочьях тумана люди на том конце боны казались настоящими великанами, а их моторная лодка — кораблем. Антон знал, что это оптический эффект тумана, но сердце екнуло.

— Гохи нет! — вскрикнул вдруг Заусенец, всмотревшись в парней. — Так и есть — трое: Сохатый, Эфиоп и Мастерюга...

— А этих-то мы убедим? — сказал-спросил Антон. — Неужели не пойдут навстречу?

— Идут уже, — скривился Заусенец.

По боне шагал к ним Костя Сохатый, как по проспекту, помахивая ломиком, точно тростью. Волосы его выбивались из-под кепки белесым дымком, зубы сияли по-праздничному.

— Ну, чего чешетесь? — закричал он изда- лека. — Цепляйте за конец и заводите за край- ную кучу... Сделаем улово — все бревна будут наши!

— Подзадержались мы, Сохатый! — Заусенец перекосил губы в угодливой улыбке. — Понима- ешь, топит!

— Не утопит! — объявил Костя. — Чего тут — воробью по колено!

— Оно так-то, да... — затянул Заусенец.

— Барак у нас трещит, — вмешался Антон, — рушится... Надо людей спасать, Сохатый!

— Не наша забота, — заметил Костя. — У нас уговор!

— Это чего они тянут резину? — вынырнул из-за спины дружка Мишка. — Время — деньги, а вы тут антимонию развели!

— У нас люди в воде! — повысил голос Ан- тон. — Барак подмыло!

— Спасут, кому надо! — выкрикнул сзади Витька Мастерюга. — А мы как уговаривались?

— Да поймите же, парни! — замахал руками Антон. — Людей надо выручать! На боне переси- деть можно, а то и уплыть!

— Ну да! — оскалился Костя. — Бона эта у нас золотая.

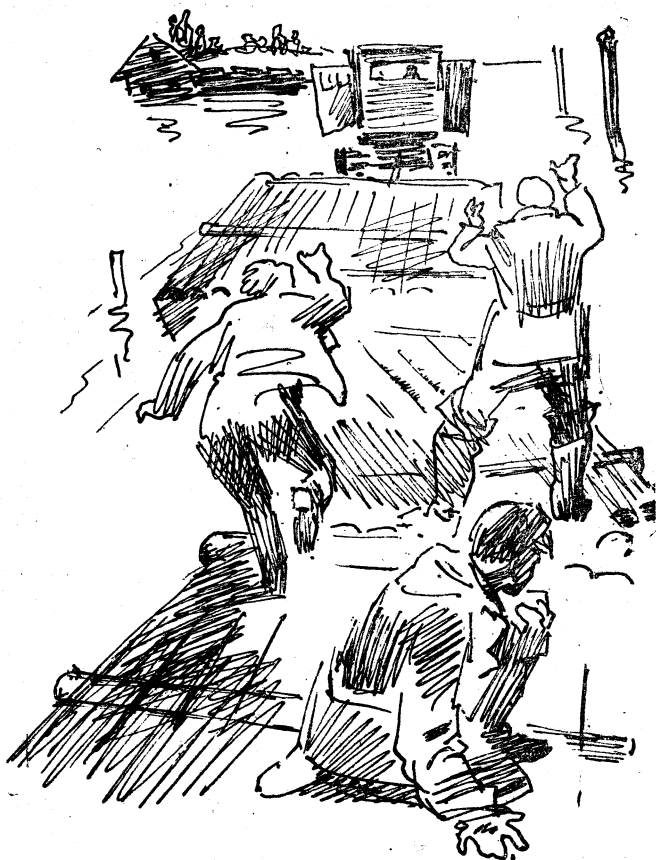
— Тогда сплавайте к спасателям, — взмолил- ся Антон, — скажите про нас!

— А Гоха? Он приказал здесь быть!

— Да что же вы, парни, — Антон выскочил на капот. — Не понимаете, что ли?.. Тонем ведь! Сохатый... Костя! Эфиоп!.. А если б вот так война — и вы бы не помогли людям?! Вить?..

— Не распускай сопли. Сейчас каждая ми- нута дорога!

В бону бились одиночные бревна, останавли- вались и ускользали вдоль нее — надо было за-

вести конец круче против течения. Обрывок ка- ната с петлей свисал с торца — вдень в серьгу бульдозера и тащи, улово будет готово.

— Ну! — качнул ломиком Костя в сторону торца боны. — Хватит телиться! Помогайте нам, если жить хотите!

Заусенец дал газу, и Антону пришлось прыг- нуть на мусор. Бульдозерист толкнул свои рыча- ги, машина завертелась на месте и подползла за- дом к обрыву каната. Заусенец мастерски вла- дел рычагами. Парням оставалось только вынуть шкворень из серьги, закинуть петлю каната в гнездо и лягнуть шкворнем опять.

— Поехали! — скомандовал Костя.

— Стой, Коля! — Антон кинулся к кабине, за- скочил в нее и скомандовал: — Тащи к бараку!

— Да ты что, Антон?! — затянул свербящим голосом Заусенец. — Убьют!

— Ты мне друг или нет? — посмотрел на него в упор Антон.

Заусенец всхлипнул, покосился назад и дви- нул рычаг.

Бульдозер дернулся, откашлялся одним ды- мом, заворочался на месте, вставая на дыбы. Свалочный мусор двумя фонтанами вылетел из- под гусениц. Антон не замечал грязи, которая летела на него, налипала к мокрым шароварам. Он следил за канатом — выдержит ли? Краем глаза смотрел на край боны — сдвинется ли

с места тяжелая связка сосновых бревен, отшлифованных водой?

Канат выдержал, бона дернулась и послушно поползла за машиной, словно гигантская рыбина.

— Молодец!— крикнул Антон Заусенцу.

Но у того от этой похвалы на лбу лишь прибавилось морщин. Глаза его косили на Костю, моля, чтобы Сохатый не обернулся раньше времени и не бросился вдогонку.

Но Костя быстро почуял неладное и оглянулся. Он увидел, что бульдозер тянет не туда. Баландируя ломиком, Костя побежал к машине.

У Заусенца руки обвисли на рычагах.

— Давай, тащи!— крикнул ему Антон.— Будь мужиком!

Заусенец налег на рычаги.

— Стой!— орал Костя, размахивая ломиком.

За ним спешили дружки. Они уже нагоняли бульдозер, но мусорный мыс кончился, и машина ухнула в воду. Бревноловы пометались возле боны, соскальзывающей на течение, и побежали к своей моторке.

— Давай, гони!— крикнул Антон Заусенцу.— Мосты сожжены!

— Что-что?— сморщился водитель.

— Старые мосты, говорю, с Гохой сожжены!

Заусенец неуверенно кивнул, распорядился рычагами, и машина заревела во все свое нутро.

Теперь бона полностью плыла чуть сбоку от бульдозера. Машина бойко вела деревянную рыбину за собой. Статуи удивленно тарачили свои бельма на странный, невиданный обоз. А дружки суетились возле своей самодельной «Казанки». Витька дернул за шнур подвесного мотора. «Казанка» понеслась за боней.

— А-я-я-яй!— раздались голоса преследователей.— Убье-е-ем!.. Предатели-и-и... Гохе-е-е скажи-и-им!..

Дружки подплыли на минимальное расстояние к машине. Они кричали все враз и грозили кулаками. Антон боялся, что Заусенец расслышит их угрозы даже сквозь грохот дизеля. Поэтому он орал на ухо водителю, что Колька и его отец мировые мужики, и вообще друзья познаются в беде, и, если удастся спастись, они будут крепить дружбу, и, видно, наводнение многое расставит по своим местам.

Заусенец скорбно улыбнулся и скосил красноватые глаза на «Казанку». Веснушки его исчезли, когда он увидел кулаки преследователей. Но уже показался и барак, и люди, бегущие навстречу по воде.

Бараковцы бросились к боне, и тогда на «Казанке» присмирели. И пока моторка не исчезла в тумане, дружки все вертели головами, оценивая происходящее на конном. Может, они бы и подошли ближе, позови их кто-нибудь из старших. Но про моторную самоделку забыли, увидев громадный плот. Соседи бросились к Антону и Заусенцу.

— Родненькие!

— Плотик-то — корабль целый!

— Спасены!

Их обнимали и целовали.

— Теперь можешь съездить за отцом,— сказал Антон Заусенцу.

Водитель покрутил головой, показывая на ноги.

— Двигатель захлебывается...

Действительно дизель зачихал, сбавил обороты и совсем умолк.

— Подушки возьми!

— Крола поймай, Ефим!

— Ай, погодите, золотенькие, телевизор возьму!

— Савка! Поросенок!..

— Куриц!

Соседи, увидев спасительный плот, вспомнили про многие свои вещи и хозяйство. Они вышли из повиновения деда и бестолково плескались по двору. Дед пытался снова командовать, но из его горла вылетал лишь сип, как из порванной камеры. Сорвал дед голос.

— На бону!— закричал вместо деда Антон.— Все на бону! Сейчас поплывем!

— Зачем это плыть, рисковать, когда переждать можно?— обратился присмиревший Зав к Антону.— Какое-то прожектерство, Антон Павлович!

— Это ж куда нас унести может?— запричитала Мотя.— В Ангари! Вслед за твоим отцом?!

— Стоит же, хорошо стоит плотина!— вскрикнула Степанчиха.— Отсидимся!

Антон показал на дом Ивана Бульдозериста. Сосед таскал бревна, подпирал ими стены.

— Слепые!— сказал Антон.— Усилится течение — сорвет нашу бону и на Ивана понесет... Что останется от его избы?

— И то правда...

— Боязно плыть-то в таком тумане!

— Сколько добра пропадает, огороды смое!

Соседи сносили на бону разный скарб. Антон решил за своим бараклом сбегать в последнюю очередь. Надо было как следует разместить людей. Дед-то выдохся и стоял в воде как потерянный.

— Деда,— закричал Антон,— садись на бону, пример подавай!

Из горла деда вырвался сип. Он показывал на барак: на крыльце стояла мать и делала какие-то знаки Ивану.

«Пусть помашет»,— решил Антон. Он крикнул Заусенцу, который пытался завести двигатель, чтобы тот принес сиденье. Заусенец кинул пружинный матрац. Антон установил его на боне, потом втащил деда и усадил на мягкое сиденье. Степанчиха подала детей. Антон устроил их рядом с дедом.

— Быстрее!— прикрикнул он на соседей.— Всего не заберете!

Савка брел по воде с курицей и петухом под мышками. Сам Степанцов нес в руках безжизненное тельце поросенка. Свальщик и Свальщица ступали по воде с иконой, Библией и двумя кроликами.

— Господи боже, спаси нас, сохрани и помилуй!

Мотя вынесла из сеней телевизор, споткнулась и уронила его в воду. Двор огласился ее причитаниями. Антон бросился к ней, подхватил под руку и повел к боне. Усадил рядом с подрагивающим Завом и Степанчихой. Потом услышал, как Савка кличет Зину. Та по-прежнему стояла на крыше сеней, прижимая к себе кота Барина.

— Что же ты, Зина?— позвал ее Антон.— Спускайся на корабль!

Зинка стояла, глядя на залитый двор. Антон понял, о чем она думает, и побрел снова к барраку. Вода залила уже третью ступеньку лестницы. Антон вылез на четвертую, стряхнул с себя воду и протянул руку Зинке.

— Я теперь и берега боюсь,— сказала она.— Ты, видно, сильно парней растравил...

— Не бойся, Зин,— ответил Антон.

— Гошка мстительный!

— Ну, что ты выдумала? Мы ведь не бревна его продаем, мы людей вывозим. А там — пусть забирает бону. Не нужно.

Зинка улыбнулась и пошла вниз, поглаживая уркающего Барина. Антон подхватил Зинку на руки, как Гоха вчера секретаршу, и понес ее через двор к боне. Глаза всех соседей уставились на них. Даже в такой час это привлекло всеобщее внимание. «Хлюп-хлюп-хлюп» — выдавала предательская вода — это взгляды соседей заставляли спотыкаться.

Но самый горячий взгляд Антон ощутил со спины. Когда он поставил Зинку на бону и обернулся, мать в упор смотрела на него.

— Лучше бы что из вещей вынес,— сухо заметила мать.

Антон забежал в коридор и почувствовал себя на тонущем корабле. Половина дверей была распахнута. В коридор вылетели разные тряпки. Вчера еще все это кому-то принадлежало. Теперь все смешалось, стало хламом и достоянием наводнения. Что-то похожее происходило и с самими соседями. «Как будто другими людьми становимся,— подумал Антон.— Смелеем, понимаем друг друга, сговариваемся!»

Антон бегал из кухни в комнату. Книги слетали со стеллажа и падали на хозяина. Перехватило горло — книг было жалко. Каждая книжка казалась единственной и неповторимой, как листик на дереве, как сам человек. И сейчас он принялся собирать свои книги в охапку. Но тут над головой затрещало, как в грозу. Барак закачало.

«Хр-р-р!» — Крыша барака осела, придавив под собою все, подняв облако пыли. Но Антон

успел выскользнуть и бежал теперь по затопленному двору. Столкнулся с матерью в облаке пыли. Мать кинулась к нему на грудь. Это было в первый раз так. До сих пор она сама норовила прижать сына к себе, словно маленького. А тут впервые мать заплакала на его груди.

И донесся голос Степанцова:

— Что с Лаской делать будем, Антон?

Парень огляделся. Ласка стояла в воде у боны, и в глазах у нее отражался весь табор. «А меня бросаете?» — как будто хотела спросить она. Антон подошел к лошади и попробовал брюхо. Оно было тугое и горячее.

— Что же делать? — громко спросил Антон у соседей. — Весу в ней!.. И оставить я не могу!

— Не потопит,— заметил Степанцов. — А жеребенка можем потерять, если оставим...

— Давайте тогда заводить как-то,— согласился Антон, отдавая книги матери.

Степанцов прыгнул в воду, за ним Савка. Они окружили Ласку и начали подталкивать ее к боне.

— Теперь поработай сама! — приказал Антон лошади, когда до кормы осталось полметра. — А ну, взяли!

Кто спереди, кто сзади, начали понукать Ласку, тянуть ее за гриву. И лошадь поняла, что от нее требуется. Она мягко заржала и впрыгнула на корму боны. Корма осела под ней, но ненамного. Там, где разместились люди, бревна высывались из воды на треть.

Антон подал знак Заусенцу, чтобы отвязывался.

— А как отец?

— К нему не подобраться, и он не перейдет протоку!

— Пошлем помощь с берега. Отчаливай!

— Есть! — Заусенец стукнул кувалдой снизу по серье, и штырь выскочил из гнезда.

Канат опал, и бона двинулась в туман. Она изгибалась в стремнине, как змея, ее заносило то вправо, то влево, но все-таки она следовала по старому руслу вместе с мусором свалки и бревнами.

В клочьях тумана остался скособочившийся конный двор, повалившийся барак, замерший бульдозер, залитые наполовину стайки, полностью утопленные огороды, мечущийся возле своего дома Иван.

Степанчиха громко всхлинула, Мотя запричитала, Свальщик перекрестился, Зав пытался закрыть плешину смокши волосками, дед пробовал голосовые связки, Степанцов поправлял свою наглазную кожанку, ребяташки сбились в кучу.

Антон пробежал весь ковчег взглядом, и ему стало страшно от мысли, что их пронесет мимо берега, никто не заметит боны, и будут они плыть бесконечно в этом липком тумане, а потом наткнутся на скалу и полетят в ледяную

воду... Нет, это трудно было отцу одному на плоту, здесь же их много, и все могут сложиться в одном усилии... Хотя бы в крике!..

— Э-э-эй! — закричал Антон. — На берегу-у-у!

Соседи присоединились к нему, и протока огласилась единым воплем. Но звуки тонули в вязком тумане. Этот белесый пласт над рекой не пропускал ни звуков, ни солнечных лучей.

А солнце где-то светило над миром. Оно работало, прорываясь к заливановцам. Но пока лишь угадывалось по блеклому пятнышку.

— А-у-у! — начал Антон новую попытку, приставив ладони к губам, и осекся.

Внезапно под боной что-то хрустнуло, всю связку встряхнуло, заворочало. Вскрикнули беженцы.

— Царица небесная!

— Тонем!

Но бона успокоилась и тихо пошла дальше. Только Ласка после толчка странно осела на задние ноги и не хотела выпрямляться.

Антон кинулся к ней, стараясь не раскачивать бону. Добежал до кормы и взял в руки недоуздок.

— Ласка! — позвал он. — Как тебе, а?

Лошадь глядела на него преданными глазами, точно вылитыми из черного стекла. Ноздри ее раздувались, вынюхивая что-то впереди. Она чуяла сейчас всякую опасность в десять раз сильнее. И вдруг, подняв морду, звонко заржала. В ту же секунду залаял Бельчик.

— Кричите! — приказал Антон соседям. — Давайте все! Громче, а то проплывем!

— На помощь! — затаили беженцы. — Спасити-и-и!

Из тумана выбился стук мотора. Люди повскакивали со своих мест и закричали во всю мочь. Гул мотора стал усиливаться, и прямо на бону выскочила знакомая лодка-самоделка с тремя членами экипажа на борту. Вокруг «Казанки» клубился туман и кипела вода. Бона закачалась на волне, и беженцы попадали на бревна, хватаясь за канат.

Антон протянул руки, чтобы принять конец.

«Вот сразу бы так, — подумал Антон. — Теперь и без Гохи разберемся».

Неожиданно «Казанка» пробила носом туманную коловерть, и караван оказался у самого берега. Из мглы выступили напряженные фермы большого моста, насыпь, зеленый увал перед нею, остатки малого мостика, автомобили на берегу, две моторные лодки и катерок в заводи. Витька подогнал свою плюгавую лодку к катерку и с разбегу всадил нос в густую траву. Бона постепенно вытянулась вдоль берега.

Беженцы не стали ждать, когда у них примут конец. Посыпались в воду, понесли свои пожитки на берег. Вслед за людьми сбежали на

сушу Бельчик и Барин. Только Ласка оставалась на корме, точно боялась сдвинуться с места.

— Что же ты, Ласка?..

Антон взялся за недоуздок, и Ласка пошла осторожно, будто человек с дорогим грузом.

— Спасена, — бормотал Антон. — Спасена Ласка... Теперь давай жеребенка... Теперь-то сила у нас есть... Не так просто списать со счета!

Антон вывел кобылу на берег и привязал к столбику. И вдруг ощутил такую усталость, какая с ним еще не приключалась. Будто накрыл его кто-то сверху стеклянным колпаком, и все воспринимается через эту стеклянную преграду. А разбить ее не было сил.

Антон думал, что надо бы встать и пойти к спасателям, объяснить им: не торчите тут, а плывите в Заливановку, следите за другими домами! Наводнение небывалое, опасное, могут быть жертвы. Когда отплывали, бревна гуще пошли. Они могут разнести полпоселка!

Но розовощекий лейтенант-милиционер уже сам отдавал распоряжения. Вместе с ним в одну из лодок села Нина Федоровна. И сразу же красивые моторки отчалили.

— Ничего не поделаешь, — вяло проговорил Антон.

Его уже как-то не задевало, что мать поехала спасать Ивана Бульдозериста. Ничего не поделаешь...

Ни о себе, ни о Зинке мыслей не было. Что-то ушло с наводнением, как мусор со свалки, а новое еще не народилось. Лишь билось в душе ожидание живого тепла...

Антон очнулся от возгласа Заусенца:

— Бежим, Антон! Там такое дело!..

И Антон догадался, оцепенение растаяло, как туман.

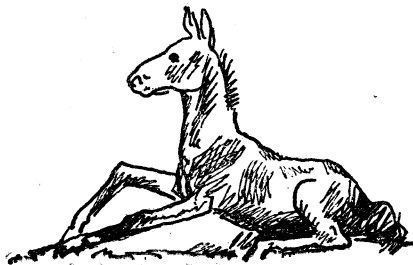
— Жеребенок?!

Колька в ответ лишь закивал.

...Жеребенок был гнедой с белым пятнышком на лбу. Вокруг него ходили Барин с Бельчиком, принюхиваясь и фыркая. А жеребенок спокойно поглядывал на всех чистыми и теплыми, стекло-видными глазами и жался к Ласке, которая облизывала его своим языком. Крепкий был жеребенок, пучеглазый и, видно, шустрый.

— Со звездочкой когда рождается, говорят, хорошая примета, — сказал Заусенец.

— Добрая, — подтвердил Антон, хотя точно и не знал, к чему относится примета.

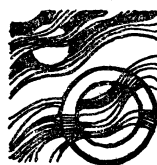

НА РЕКЕ- ТЕПЛОХОД

**Владимир
СУРОВ**

*Рисунки
С. Сухова*

сенняя ночь темна, как черная дыра. Не видно берегов, не видно неба, вытянутой руки не видно. Где-то над головой, цепляясь за клотки мачт, ползут тучи. Через пару часов они туманом лягут на воду, уменьшая видимость до нуля.

Времени двадцать два часа, я уже будил сменную вахту; но сменщик почему-то задерживается. Прерывистые гудки поднимают меня с кнехта.

— Наметку по правому борту! — голос капитана — значит, уже заступил на вахту.

Снимаю подвешенный на специальных крючках тонкий четырехметровый шест, окрашенный в серый и красный цвета, — наметку. Тридцать сантиметров красная полоса и тридцать серая — это деления.

На каждое дело нужно свое умение. Пароход движется, и просто опустить шест в воду нельзя — отнесет течением. Закидываю наметку на всю длину вперед и опускаю в воду так, чтобы, погружаясь, она постепенно принимала вертикальное положение, причем, с таким хитрым расчетом, чтобы шест, став прямо, обязательно прошел через желтое пятно света, падающего на воду из иллюминатора — деления-то надо увидеть.

— Не маячит! — Шест не доходит до дна. — Не маячит, — а вот конец на что-то наткнулся, но все деления залиты водой. — Под табак! — Этот термин остался от бурлаков, еще со времен, когда табак подвешивали на шею, чтобы не замочить. — Под табак! Десять! Восемь! Девять!

— Грунт? — голос капитана гремит мегафонной жестью.

— Жесткий!

— Лево руля! Кончай наматывать!

Вот и все. Этот фокус капитан проделывает каждый раз. Основная вахта у него ночью, с двадцати двух до четырех — вахта «собак», самое темное время суток. С семнадцати и до двадцати одного сорока пяти он спит, и окна капитанской каюты плотно зашторены.

В двадцать один пятьдесят капитан обходит судно. Делается это и для порядка, и чтобы дать глазам привыкнуть к темноте.

В двадцать один пятьдесят пять он поднимается на мостик. «Где идем», — не спрашивает. В этом особый шик. Штурман обязан знать реку и ходить по ней без подсказки.

— Наметку с левого борта! Наметку с правого борта. Грунт? — и становится к штурвалу. Ему все ясно, а если есть видимость, то и наметки не надо. Понятно, что для такого знания реки надо ходить по ней всю жизнь.

специальная лодка приводила нас, будущих штурманов, в большее уныние, чем специальная теория относительности будущих физиков.

Район плавания разделен на участки по двадцать — двадцать пять километров. Их надо знать наизусть и уметь рисовать по памяти. Надо знать названия всех населенных пунктов по берегам, всех речек, мысов, островов, проток и воложек, знать расположение створных, перевальных и ходовых знаков, сигнальных мачт и семафоров, надо знать береговые приметы, места расположения кабелей и трубопроводов и, конечно же, все перекаты. На десяток метров еще можно ошибиться, но на полсотню — боже упаси.

Это еще не все. Надо знать и характер перекатов, особенности каждого из них. Меняются глубины, мелеет или наполняется водой река и одновременно меняется направление течения. Я не оговорился. Кама по-прежнему впадает в Волгу, а Волга в Каспийское море, но направление струй в общем потоке меняется, образуя овальные течения. Судовой ход узок, не учел — засел на мели.

Однако знание спецлодии и общей лодии не ограничивает круг обязанностей судоводителя. На нем весь пароход с людьми и грузами. Надо еще многое знать и о многом помнить.

Как тушить пожар, как заделывать пробоины и откачивать воду, как сниматься с мели, как спасти утопающих и как оказывать первую помощь пострадавшим, как грузить груз, как красить надстройки, чем кормить команду, как ее воспитывать и не давать ей скучать, как ходить во льдах, чтобы не затерло, как поставить судно на зимний отстой и как его зимой ремонтировать, как оформлять документы и т. д., и т. п. Тысячи и тысячи разных, больших и мелких, забот и хлопот.

Не скучно ли? Тому, кто не любит реки, — скучно, тому, кто ее любит, — никогда! «А над головой то Южный крест, то Большая медведица», — написал когда-то А. Грин, воспевая морскую романтику. Таких длиннот на реке, конечно, нет. Но расстояние от Перми до Астрахани 2850 километров, а от Ленинграда до Лондона 2260, на шестьсот километров меньше, от Владивостока до Шанхая 1890, до Хакодате в Японии всего 790 километров. В нашей огромной стране и реки огромные, есть где совершать дальние рейсы.

пароходов на Каме почти не осталось, бороздят ее, в основном, теплоходы. Пассажирских колесников нет совсем. Весь пассажирский флот новый, даже поражавшие когда-то воображение суда венгерской постройки вроде «Всеволода Шишкова» успели устареть. А многим из них нет двадцати лет.

Мне, правда, довелось поплавать на «Жемчужине». Это бывший «самолетский» пароход. Была когда-то до революции такая пароходная компания на Волге — общество «Самолет». «Жемчужина» — последнее судно из серии «драгоценных камней». Были там «Яхонт», «Изумруд» и дру-

гие. Пишу я о ней только для того, чтобы показать в сравнении, как изменился речной флот.

В 1955 году «Жемчужина» плавала последний год. Использовалась она, в основном, как грузовое судно и лишь иногда как пассажирское, если пассажиров было очень много. Своеобразный «пятьсот веселый» пароход.

Машины на «Жемчужине» стояли 1889 года постройки. Шестьдесят шесть лет отработали. Корпус был помоложе. Перестраивался после пожара в 1912 году. Судно выглядело нелепо. Оживший мастодонт или плезиозавр от техники.

Котел и машинное отделение располагались прямо на нижней палубе. Через весь пароход тянулись трубы паропроводов. Как ноги кузнечика, выше трубы поднимались высокие кронштейны из толстых бревен, поддерживавшие огромные, десяти метров в диаметре, задние колеса. И такая штука плавала по реке одновременно с дизель-электроходами.

Больше того, в Набережных Челнах нам повстречался «Редедя, князь Косожский» — буксирный пароход, на котором впервые в мире применил электросварку инженер Славянов. Пароход вышел в плавание в 1890 году. Живая история отечественной техники.

Сейчас суда устаревают примерно через пятнадцать лет, и это хорошо, это символ технического прогресса. Конечно, строительство новых судов обходится недешево, но затраты с лихвой окупаются.

Буксирный и грузовой флот тоже обновился, причем — качественно. Возросла грузоподъемность и мощность судовых двигателей, это закономерно, но, кроме того, появились суда невиданного совершенно нового класса — река-море.

Таких судов в стране много. Это и сухогрузы типа «Морской», «Балтийский», «Волго-Балт»; нефтерудовозы, танкеры типа «Лена-нефть». Испытания в Атлантическом океане, Средиземном и Балтийском морях показали, что корабли имеют лучшие мореходные качества, чем чисто морские суда ограниченного района плавания. А перевозки на них обходятся дешевле.

С введением в строй 27 октября 1964 года Волго-Балта появилась возможность везти грузы без перегрузки на судах класса река-море из прибалтийских стран и Скандинавии в Иран по Волге и Каспийскому морю, в Турцию по Волге, Волго-Донскому каналу, Дону, Азовскому и Черному морям и в страны Средиземноморья.

Появилась постоянно действующая линия Тольятти — Неаполь. Речные училища теперь наряду с дипломами судоводителей-водников выдают своим выпускникам дипломы морских штурманов.

Насколько распространены такие смешанные морские-речные перевозки можно судить по тому факту, что за 1975 год речные суда Советского Союза посетили 126 иностранных портов 26 стран.

аш «Боровск» — сухогрузный теплоход. Это значит, что судно приспособлено для перевозки преимущественно нежидких грузов. Жидкости тоже можно перевозить, но в специальной таре, например, в бутылках.

Построен «Боровск» на Сормовском судостроительном заводе. Корпус укреплен, судно приспособлено для озерного и ограниченного морского плавания.

Это средний по размерам речной корабль, но, все-таки, вид его внушителен. Водоизмещение порядка 3000 тонн (каравеллы Колумба имели водоизмещение 600 тонн). Длина судна — 93 метра (современный эскадренный миноносец имеет длину 115 метров, теплоход «Кооперация», совершивший пять рейсов в Антарктиду, — 104 метра). Ширина «Боровска» — 13,2, высота борта — 4,8 метра. Мощность основных двигателей 1200 л. с., скорость

22 километра в час. В переводе на флотские единицы — примерно 12 узлов.

Устроен он по тому же принципу, что и все грузовые суда. Носовую и среднюю часть занимают грузовые трюмы, на их долю приходится примерно четыре пятых всего объема корпуса. Трюмы накрыты сдвижными крышками, катающимися на роликах.

В самом носу располагаются носовка — форпик, — служебное помещение и цепной ящик, в котором хранится якорная цепь, в самой корме румпельное отделение и ахтерпик — двойник форпика.

Из пз-образного коридора, огибающего машинное отделение, пять выходов: четыре на палубу в нос и на корму и один наверх к ходовой рубке, трубе и шлюпкам. Можно выйти в любую сторону, это на случай аварийной ситуации.

Ходовая рубка. На «Жемчужине» в рубке попыхивала паровая машина — маленький паровоз. Двадцать лет назад они стояли на многих пароходах, но уже тогда появились первые электрические штурвалы.

Рубка современного речного теплохода напичкана электротехникой и электроникой. Компасы основной и дублирующий, эхолот, радиолокатор, внутренний телефон, связанный с корабельной трансляцией, и передатчик УКВ; на некоторых судах стоят авторулевые, ведущие судно по заданному курсу и записывающие эти курсы и время.

Я описал «Боровск» так подробно не только потому, что мне предстоит совершить на нем рейс. «Боровск» — типичный речной теплоход. Все, что есть на нем, есть на других теплоходах, и наоборот.

«Боровск» не закреплен за линией. Грузы и рейсы его разнообразны и определяются потребностями перевозок. Сейчас мы пойдём прямо в Ленинград. Маршрут этот стал возможен после ввода в строй Волго-Балта. Раньше приходилось перегружать грузы в Рыбинске либо на железную дорогу, либо на малые суда.

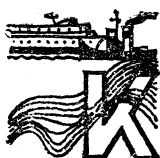
...Ранним утром, когда солнце только собиралось вставать, мы отвалили от причала Пермского грузового порта. В трюмах — стальные слитки для Кировского завода.

Смотрю во все глаза и не узнаю Каму. С годами она пополнила. Подпор Воткинского водохранилища распространяется практически до Перми. Утопили перекаты, утопили острова. Нет бакенов, вместо них — буи озерной осевой обстановки, стоящие через каждые три-пять километров.

На берегу знакомые названия: Луговая, Новоильинск, Таборы. Двойной Таборский остров затоплен, а в устье реки Ашап глубокий залив. Место это известное на Каме. Здесь на перекатах жил и работал известнейший бакенщик дед Ашап (С. В. Васильев). Семьдесят один год встречал и провожал он каждый пароход, становился на возвышение у будки, махал флажками, трижды кланялся в пояс, а пароходы гудели ему в ответ.

Но не за это, конечно, а за образцовое содержание переката наградили его орденом Ленина. Нет теперь переката, нет старого бакенщика и, вообще, нет на реке бакенщиков. Их сменили специальные бригады, обслуживающие озерную обстановку.

...Пять больших водохранилищ и маленькие у шлюзов, два канала. Все еще будет. Нам предстоит пройти 2780 километров.

орабли, как и люди, имеют свое лицо. Оно складывается из многих мелочей, обусловленных различными причинами. Тут и класс корабля, и его история, и район плавания, и характер капитана, но основополагающим в формировании облика всегда является профессия судна. Содержание определяет форму.

Военные корабли, затянутые в узкий мундир дисциплины, похожи на молоденьких лейтенантов. Четкость, спор-

тивная изящность форм, уверенность в себе. «Есть, подный вперед!»

В характере пассажирских судов много женственного: «Лебедь белая плывет». Тут и желание нравиться, и любовь к побряжкам: медным поручням, зеркалам, материнская забота о пассажирах и, главное, — об их желудке. Ресторан, столовая, буфет...

«Туристы», кроме того, щеголяют своей эрудированностью и любовью к историческим местам. Процесс познания и развлечения здесь превращается в работу, и у капитанов голова идет кругом. Впрочем, всей команде достается.

Портовые буксиры — трудяги и лодыри в одном лице. «Делаем, что приказано, солдат спит — служба идет».

Плотоводы — мечтатели, созерцатели и фаталисты. На обдумывание решений здесь уходят часы, но и эти решения надо принимать заблаговременно. Когда вошел в перекат, рассуждать поздно. Теперь тяни и казись, если что-то сделал не так, помочь все равно нечем. Действуют глобальные факторы: плот, ветер, течение.

Танкеры замкнуты в себе; они отгородились от мира красными флажками и огнями: один флаг — опасный груз, два — особо опасный: сырая нефть, авиационный бензин. В портах они стоят обособленно под охраной пожарных судов, боясь потревожить или расплескать свое внутреннее содержание. Некурящая команда ходит по палубе в мягких тапочках и как огня боится огня.

Наш «Боровск» — мужик в расцвете сил. Характером похож на сезонника. С одной стороны солидность, вызванная габаритами, с другой — вечная тяга к дальним странствиям. Скорость, помноженная на тонны.

Вот какие характеры мне увиделись за обводами корпусов. Но это общие черты, характерные для класса судов, а есть еще индивидуальные, зависящие от капитана, — внешний вид и стиль работы. У «Боровска» дисциплинированность сочетается с легким юмором. Не всегда беззубым. «Не замай!»

Команда на «Боровске» молодая. Средний возраст — хоккейный. Капитану под тридцать, первому штурману — двадцать четыре, из четырех рулевых двое — курсанты, правда, выпускники, и только механику больше тридцати и ближе к сорока. Все вместе это коллектив, которому нечего делить. Обязанности точно определены, положение в команде диктуется возрастом. Гармония. Впрочем, людей с одного взгляда не разглядишь.

механика — второго штурмана Виктора Алексеевича Суркова «Боровск» движется остороженько, будто подкрадывается. Каждый маневр — со страховочкой, лучше помедленней, да без опасности...

Становится к рулю первый штурман Владимир Николаевич Молоков, и картина меняется. Резче углы, круче закручиваются эволюции. Корабль словно помолодел, но и характер у него испортился. Все недостатки переходного возраста налицо. То разухабистая бесшабашность, то застенчивость, почти нерешительность, а то невесть откуда вдруг строптивное упрямство.

Когда за штурвалом капитан, «Боровск» тянет, как игрок высшей лиги: и резко, и надежно. Непрерывно атакует время, выискивает любые возможности сокращения стоянок и маршрута, но не забывает и о защите — соблюдении безопасности движения.

Каменских, как и большинство капитанов, на капитана не похож, вернее, похож мало. Это даже не писатели виноваты, а должность, которая создала особый капитанский образ. Слишком велика ответственность и самостоятельность. Капитан на своем корабле и совесть, и закон, и мать скорбящая. Все в его ведении, все на его ответственности, и никто ему не указ. От должности отстранить

могут, но это потом, а в рейсе решения принимает капитан.

Каменских высок, среднеплеч, одет в джинсы и зеленую армейскую рубашку, на голове легкомысленная шляпа тирольского образца с узкими полями. Лицо продолговатое, конопатое с крупными чертами, волосы рыжеватые, чтобы не сказать рыжие, в руках серый котенок Моть. Таким я его увидел впервые. Согласитесь, не солидно как-то — капитан с котенком...

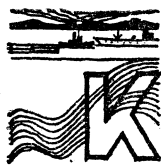
...В Оханске нас остановили и предложили на выбор — либо взять под борт баржу, либо в трюмы столбы. Четыреста деревянных столбов, правда, потом оказалось, что их только сто пятьдесят.

Чем руководствовался капитан, я не знаю, но он выбрал столбы, и мы отправились за столбами. Вот где пригодилась общая лодия, а я снова услышал знакомые крики: «не маячит, семь, восемь!» К сожалению, нет еще надежных эхолотов для работы на мелких местах.

Столбы лежали на берегу узкой протоки за островом. По всему выходило так, что зайти туда мы еще, может быть, и зайдем, но уж развернуться никак не сможем. Капитан сменил за штурвалом первого штурмана — заход был рискованный. Но пронесло!

Впоследствии я не раз удивлялся самообладанию Каменских. Неприятное это ощущение, когда судно, цепляясь за грунт, начинает дрожать. Неприятное.

Подождал кран. Длинными стальными трубами, проходящими через понтон, приколол себя к грунту и приступил к погрузке. Операция эта заняла около восьми часов, и из протоки нам пришлось выходить почти в темноте.

орабли, как известно, идут днем и ночью, а люди нуждаются в сне. Поэтому мои наблюдения разбиваются на ряд отрезков, разделенных часами сна.

Утро народилось звонкое и умытое. Воткинское водохранилище разлилось во всю свою не очень широкую ширину. Ветер задует в правую скулу, и теплоход слегка покачивает.

Против пристани Елово догоняем плотовод с плотом. Нас просят взять до Чайковского двух пассажиров. Взаимовыручка на реке стоит во главе угла, и мы не отказываемся.

Наши временные пассажиры — капитан-дублер с плотовода и его дочка-школьница — едут в отпуск. Меня это очень удивило. Какой может быть отпуск в разгар навигации?

— Как же так? — спрашиваю.

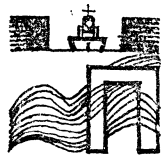
— Да, вот, первый раз за пятнадцать лет выбираюсь на берег летом. Сейчас приеду домой, заведу машину, и в лес на полмесяца.

Оказывается, в порту Чайковском, к которому написан этот плотовод, решили испробовать такую практику, что часть отпуска плавсостав отгуливает летом. В это время часть постоянной команды подменяется сменной бригадой, переходящей с одного судна на другое. На судне всегда остается либо капитан, либо капитан-дублер, и судно без хозяина не бывает.

Двадцать лет назад жизнь у речников была, прямо скажем, незавидная. Хорошо зарабатывали только старые капитаны, получавшие за выслугу. Они работали на реке чуть ли не с революционных времен. Низкие заработки, плохие жилищные условия, короткий отпуск без отгулов за переработку отпугивали молодежь. Романтика — это хорошо, но и жить тоже надо.

Сейчас положение коренным образом изменилось. Ставки увеличились больше, чем вдвое. Рулевой моторист сразу после ремесленного училища имеет тарифную ставку восемьдесят семь рублей. Вместе с премиальными и прочими добавками его заработок приближается к двум-

стам рублям в месяц, плюс бесплатное питание. Заработок капитанов и штурманов доходит до трехсот — трехсот пятидесяти рублей. Вполне прилично.

орт Чайковский красиво смотрится на лесистом левом берегу, а вправо уходит нитка водовода на Ижевск. Плотина со стороны водохранилища невысока, но следует помнить, что подпор воды здесь почти тридцать метров.

Наши пассажиры сошли, а мы ждем своей очереди. Ждем, когда светофор на башне шлюза мигнет зеленым огоньком именно нам. Это наш первый шлюз.

Глубоководная система обязана своими глубинами шлюзам. Сейчас любой дальний рейс сопровождается неоднократным шлюзованием, требующим особых навыков.

На своем пути в Ленинград нам пришлось преодолеть тринадцать шлюзов, и все они были разные. В Чайковском камера большая и глубокая, проход через нее особой сложности не представляет, но уже в Городце Николаевича пришлось поработать машинами.

Сложность работы в шлюзе состоит в том, что в момент его заполнения возникают сильные течения. Швартовые могут порваться, и тогда корабль бросит на ворота. Жди серьезной аварии. Надпись на стене шлюза: «Ревверс двигателей» — предупреждает об этом.

— Эй, моряки, забирайте ваши веревки. Шлюзоваться идем! — кричит капитан речникам на катере, удобно пристроившимся у нас под боком.

— Веревки? А у вас что?

— У нас, понятно, швартовые. — «Боровск» входит в шлюз.

— «Боровск», «Боровск», чальтесь за шестой и восьмой. У вас шестой и восьмой, — называет номера плавучих рымов громогласный репродуктор. — Прижмите корму.

— Сам знаю, что мне прижимать. Мне-то виднее. — Ответ капитана звучит резко, но со шлюза не возражают, понимают, что капитан прав.

Ниже шлюза Кама кажется неестественно узкой. Глаз привык к простору водохранилища, и теперь создается впечатление, что мы все время идем по каналу.

Мне не понятен восторг, когда восхищаются величиной водного зеркала того же Куйбышевского моря. Большая площадь — больше испарения, меньше воды доходит в низовья, больше плодородной земли ушло под воду. Мы еще плохо знаем свои недра. Может быть, затоплены месторождения полезных ископаемых, особенно здесь, на Каме, где открыт новый нефтеносный район. А ведь мощность водохранилища определяется не по площади, а по запасам воды!

аш «Боровск» уверенно режет форштевнем километры. Они обтекают его борта, накручиваются на винт и отбрасываются за корму.

Лес на берегу отступил, слева вплотную к реке подошла степная часть Башкирии. Без осложнений миновали Падеринский перекат против деревни Падеры, Савинский остров, Гольяны, хитрый Нечкинский перекат, Сарапул. Правда, за Сарапулом теплоход попал под поезд, но катастрофы не произошло. Вагоны прогрохотали высоко над головой, только в ушах надолго застрял натужный гул железнодорожного моста.

Порт Камбарка пожелал нам счастливого пути. Говорил он высоким женским голосом с башкирским акцентом.

Мы различаем пристани по голосам. Чистополь окает по-волжски, на участке Казань — Горький, особенно в рай-

оне Чебоксар, там, где сходятся вместе целых три автономные республики: Чувашская, Марийская и Татарская,— разногласия акцентов, в Горьком снова раскатистое «о» катается колесом, а у Костромы его сменяет подвывающее московское «а». Дальше до Ленинграда это «а» только варьируется то жестче, то мягче.

Против пристани Гольяны капитан устроил водяную тревогу: «Пробина в носовке (форпике) по правому борту». Поставили щит, укрепили его распорками и клинья, откачали предварительно залитую воду. Проверили инжекторные насосы, наличие необходимых материалов, готовность к работе аварийных систем. Быстро, четко, но без лишней суеты и паники.

Это тоже примета нового. Конечно, и раньше на реке проводились водяные тревоги, но отношение к ним было другое. Вот пожар — это да, а вода — подумаешь. Утонули, ну и что? Я сам однажды участвовал в речном потоплении. Мы наскочили на затонувший понтон, проломился и потонули. Вода затопила трюмы, дошла до нижней палубы, и судно прочно обосновалось на дне. Авария? Конечно, но опасность ее весьма относительная.

Сейчас все выглядит иначе. На водохранилище не всегда успеваешь добежать до берега, тем более на Ладоге, тем более в море.

Капитан доволен, но ворчит — такая у него должность и, кроме того, заболел его протезе Моть. Котенок впервые в плавании, и то ли просто обжелеся, то ли съел что-то относящееся к транспорту, а не к министерству пищевой промышленности.

Врача на «Боровске» нет, и в роли лекаря выступает сам капитан. Мотя напоили валерьянкой и заперли в кладовке. Пусть лечится.

Вятка вливает в Каму свои воды узким светло-желтым потоком. Она выглядит совсем маленькой, особенно сейчас — в межень. Желтая вода быстро растворяется в темной камской воде. Кама кончилась, вернее, кончилась сфера деятельности Камского речного пароходства. До этих мест распространяется подпор Куйбышевского моря, а до пристани Камское Устье еще двести с лишним километров. Но, с другой стороны, и Камы больше нет, дальше Куйбышевское море.

Кто бы мог подумать, что строительство Куйбышевской ГЭС одним махом укоротит Каму и перенесет Чистополь на Волгу.

В Чистополе мы выгружаем столбы и по иронии судьбы садимся на мель. Садимся на мель прямо у стенки по команде с диспетчерского пункта. Здесь грузили гравий. Неизвестно по чьей вине, но крановщик высыпал в воду несколько грейферных ковшей гравия, в результате у нас повреждены сенсорные устройства эхолота. Эхолот не работает, а на Ладоге и Онеге он мог бы пригодиться. Там можно определять свое местоположение по глубинам.

Чистополь по-татарски Чистай — чистое поле. Мы в Татарии. С реки он выглядит очень красиво — купола соборов и розовые квадраты новостроек утопают в зелени, но в районе порта грязновато. Возникает даже мысль, что в сухую пору это не Чистополь, а «чисто пыль», ну, а в мокрую, естественно, грязь. Уж больно разбита и ухабиستا городская дорога.

Из Чистополя уходим под вечер.

Мы обгоняем буксир типа «ОТА», толкающий баржу. Баржа с углем и без крышек на люках. Волна начинает заплескивать внутрь, а ветерок крепчает. У баржи все шансы утонуть. Необходимо помощь.

Наш капитан торопится. У него все наперед рассчитано. Еще в Перми он прикинул, что если все будет так-то и так-то, и если то-то и то-то там-то и там-то нас не задержит, то мы будем в Ленинграде во столько-то часов.

Капитан очень торопится, экономит время буквально по минутам, но взаимовыручка во главе угла, и мы сбавляем ход и закрываем своим корпусом баржу от волн и ветра. Конечно мы на этом теряем несколько часов, и никто их нам не зачтет, но иначе нельзя.

Погода начинает совсем портиться. Дождь, ветер. Огни буев перемешались, и трудно понять: какие из них ближе, какие дальше, да и буи ли это. Может быть, огни судна или свет в окошке на берегу. Впрочем, откуда здесь быть берегу?..

Глубокой ночью мы выходим на Волгу. «Право руля!»

На Волге, особенно на участке Горький — Казань, движение оживленное. Мне теперь понятна жалоба одного штурмана с буксирного теплохода, приписанного к порту Тольятти. Мы с ним встретились на Камском море, и он сказал:

— Все хорошо, но скучно здесь. Словом перекинуть ее не с кем.

Впрочем, камские корабли здесь встречаются довольно часто, но чужих гораздо больше. Северное пароходство, Каспийское, Азовское, Волжское, Бельское. Порты приписки: Таганрог, Уфа, Москва, Ленинград и прочие.

На Камском море все знакомые, все всех знают, как в большой деревне. С каждым можно договориться, поделиться новостями.

С четырех по Москве на вахте Владимир Николаевич — мой основной гид по берегам. Берега он знает и, видимо, интересуется историей. Как-то так получилось, что с Сурковым мы говорим о технике, с Каменских по общим вопросам, а с Молоковым обо всем, что происходит перед нашими глазами. Разговор, как в казахской песне, — что вижу, о том пою.

Сейчас он мне указывает на живописную группу домов на холме. Свяжск. По преданию, он был построен татарами, чтобы защищать Казань от войск Ивана Грозного, а холм, как и положено в преданиях, воины насыпали из земли, принесенной в шапках за одну ночь.

Приближается Казань. Резкий звонок прерывает наш разговор. Вместо зеленой лампочки на контрольной панели левого двигателя мигает красная. Стрелки приборов разбрелись по циферблатам.

Молоков отключает левый двигатель. Повторное включение показывает, что положение не изменилось. Несколько минут нормальной работы, и снова звонок. После этого на судне начинается аврал.

Аврал не похож на наше представление о нем. Никто не бежит, не кричит, не машет руками, не собираются толпы. Просто обычное понятие вахты теряет смысл.

Все наличные силы — шесть человек — брошены в машинное отделение. Нужно, как минимум, разобрать и снова собрать левый двигатель. Дело осложняется еще тем, что он не просто разрегулировался, а что-то где-то пробилось, поломалось, и заменить это что-то нечем.

В свое время я изучал штурманское дело, но в то время штурманы никакого отношения к двигателям не имели и мои знания по этому вопросу очень скудны. Двадцать лет назад команда разделялась на «поплавков-верхоглядов» — так в шутку нижняя команда называла верхнюю, и на «маслопупиков», потому что палубная команда тоже не оставалась в долгу. Авралы машинной команды не затрагивали палубную и наоборот. Единство проявлялось только в случае катастрофы. Поэтому мне трудно вникнуть в сущность поломки, но главное я понял: принято какое-то обходное решение, которое позволит нам восстановить ход.

Аврал длится почти сутки. В машине работают капитан и механик, за штурвалом все время первый штурман,

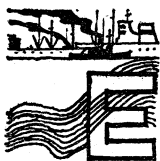
а «Боровск», хотя и не так прытко — скорость упала на треть, все идет и идет вперед.

По берегам меняются среднерусские пейзажи. Обрывистый правый берег зарос мелким дубняком, а по пойменному левому необозримые, в основном, еловые леса. Сменяются поселки и города, то патриархальные, как Козьмодемьянск или Васильсурск, то модернистские, сверкающие стеклом в ломаных переплетах металлических конструкций, вроде новых Чебоксар, где строятся разом и химкомбинат, и тракторный завод, и Чебоксарская ГЭС. По словам Молокова и город и плотина выросли за одну прошлую зиму.

Впереди, там, где река впадает в небо, показалось дымное облачко. Оно быстро приближалось к нам, причинная очертания «Метеора». Обычный «Метеор» спереди похож на апокалипсическое чудовище. Лягушка с рыбьим телом, приподнявшаяся на кривых лапах. Это судно во всем походило на «Метеор», но по бокам его клубились два дымных облака. Голубая змейка! Только вместо золотой и черной пыли сизо-бурый дым отработанных газов. Это «Буревестник» — судно с корпусом «Метеора» и реактивными двигателями.

Простые «Метеоры» я уже видел на Каме и побывал у них в рубке, похожей обилием приборов на кабину самолета. Я даже записал на память: циферблатов двадцать четыре, четырнадцать кнопок, два десятка предохранителей, три десятка сигнальных лампочек, около полусотни тумблеров и прочие мелочи, вроде: штурвалов, раций, телефонов и рукояток. Мне тогда подумалось: «Крылья у этой штуки есть, теперь осталось загудеть хорошенько, и полетит».

То, что двигалось нам навстречу, гудело на всю Волгу. Два турбореактивных двигателя, похоже от самолета Ту-104, что-нибудь да значат, но, думается мне, что такие корабли на реке не приживутся. Они нерентабельны. Слишком большой расход топлива, а выигрыш в скорости не так и велик.

Если представить себе, что все суда на Волге как бы часть единого речного тела, то окажется, что это тело, по мере приближения к Городцу, все время сжимается. Все меньше становится расстояние между отдельными судами-молекулами, все больше давление в трубе, если реку сравнить с трубой, а флот с газом.

Участок Горький — Городец и особенно Городецкий шлюз — самое узкое место на Волге. «Боровск» идет с недогрузом именно из-за этого шлюза. Мало воды. На перекатах нас отчаянно трясет. Я уже, сидя в каюте, научился узнавать мелководье. Судно начинает прямо-таки стонать, как бы задыхаясь от недостатка воды. Приходится сбавлять ход.

Очередь к Городецкому шлюзу начиналась в Балахне. На рейде десятка четыре судов. По мере освобождения шлюза в Городце диспетчер назначает порядок следования судов, и начинается движение: одни снимаются с якоря, другие остаются ждать.

Становимся на якорь и поднимаем шар на носовой мачте — знак стоянки. Вопреки пессимистическим предположениям Каменских очередь до нас доходит довольно быстро. И тут случается чрезвычайное происшествие.

Советуют двигаться за «Волго-Доном», у которого номер оканчивается на восемьдесят шесть. Таких «Волго-Донов» на рейде два, но мы-то этого не знаем. Тот, за которым нам следует идти, стоит выше нас, другой ниже, и он уже начал движение.

Углядев на корме проходящего мимо «Волго-Дона» названные по УКВ цифры, Виктор Алексеевич командует: «Поднять якорь!», и предупреждает рейд о начале движения, тоже, естественно, по УКВ. Якорь поднят, шар спущен, мы начинаем выходить на судовой ход, но «Волго-

Дон», стоявший выше по течению, тоже начал движение, никого не предупредив. Судов много, они закрывают друг друга корпусами, и это движение мы замечаем не сразу, а с «Волго-Дона» нас видят.

— «Боровск», «Боровск», почему без очереди? Куда идете?

— Следуем за «Волго-Доном» таким-то. — В разговор вступает береговой диспетчерский пункт и подтверждает, что мы нарушили порядок следования, но останавливаться теперь уже нельзя — кругом суда, а на реке течение. «Волго-Дон» вынужден сбавить ход и идти за нами. Он обижен и недоволен — порядок шлюзования в Городце определяется временем подхода к шлюзу.

— Да пропустим мы вас, пропустим, — успокаивает его Виктор Алексеевич, но дело так просто не кончается.

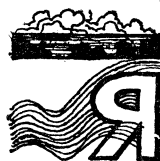
В момент инцидента по судовому ходу проходил буксир с баржой, а на «Волго-Доне» находился инспектор судовой инспекции Малага. Инспектор городецкий и «Волго-Дон» приписаны к Городцу. Имело это значение или не имело, но через несколько минут к нашему борту подошел катер судовой инспекции, и инспектор Малага поднялся по трапу в рубку.

Он осмотрел рубку, проверил судовые документы, попросил документы у Суркова, тот, конечно, отдал. Инспектор убедился, что в документах все в порядке и... вырезал талон.

Тишайший Виктор Алексеевич остолбенел: как, что, почему? О нарушении ордера и обиде, нанесенной «Волго-Дону», инспектор говорить не стал. Он инкриминировал Суркову тройной обгон на рейде, и доказать сейчас что-либо было уже невозможно — след на воде держится меньше, чем на асфальте, а аварии и, следовательно, особенно разбирательства не было.

Каменских категорически отказался подписать акт, не подписал его и Сурков, но для Малаги это, естественно, не имело никакого значения, он увез акт неподписанным.

Всего у судоводителя три талона. Изъятие трех или одного первого означает отстранение от судоводительской должности на год. Через год необходимо пересдать техминимум, после чего следует назначение на более низкую должность. Изъятие одного третьего талона является предупреждением. Талон возвращается через год, если других нарушений не было. Не очень страшно, но неприятно. Неприятно тем более для Суркова, который по его словам: «Как начал плавать в 1959 году, так и не имел до этих пор ни одного замечания».

... пишу и чувствую, что в моем очерке есть пробел. Все работа и работа, а когда же отдых? Где грустные песни под гитару, пляски с четкой на полубаке, самодеятельные концерты или, хотя бы, литературные викторины?

Ну, во-первых, на «Боровске» нет полубака — есть бак. Во-вторых, в хорошую погоду команда собирается на корме, там удобней. Очень много работы, но это не главное, свободное время все же есть. Главное то, что на корабле очень маленькая команда.

Из десяти человек четверо плавают семьями. У капитана жена — моторист-рулевой, у механика — кок. Оставшиеся шесть человек распределены между тремя вахтами, так что массовые мероприятия приходится проводить вдвоем.

В рейсе главное работа, а вот придем в Ленинград, будут увольнения. Будет кино, возможно, театр, возможно, музеи и обязательно магазины. Вот так на «Боровске» обстоит дело с отдыхом.

Череповец. Отсюда собственно начинается Волго-Балт. Первая плотина находится в пяти километрах выше Череповца. За ней Нижнешекснинское водохранилище, оно же Череповецкое море, оно же «Чайное плесо», как назы-

вают его речники. Впрочем, последнее название не распространено и часто его относят не ко всему водохранилищу, а к его части.

В Череповце нам предстоит пройти саносмотр, проверку судовой инспекции, устранить девиацию компаса (смещение положения магнитной стрелки за счет собственного железа), залить топливо, купить продуктов и особенно хлеба, мы второй день едим сухари, и взять на борт лоцмана. Дел намечается много.

Каменских, верный своему принципу экономить минуты, заранее обо всем договорился по УКВ с диспетчером, вызвал плавлавку. Брать или не брать топливо? До Ленинграда хватит, но там всегда дизельное, оно дороже.

— «Машинка». «Боровск» вызывает «машинку». Отвечаете, у вас турбинного топлива много?

— «Боровск», есть малость, тонн сто пятьдесят! — шутят.

— Ладно, нам хватит и пятнадцати. Ждите, сейчас подойдем.

Плавлавка обслуживает нас, пока мы идем к «машинке». Это специализированное судно, построенное в ГДР по советским чертежам. Два отдела: продуктовый и промтоварный. Курево, продукты, галантерея, одежда — словом, все, кроме спиртного.

Институт лоцманов на реке очень древен. Он восходит к тому времени, когда баржи ходили самосплавом. В дореволюционной России капитан и его помощники реку знали слабо. Они занимались административными вопросами, а суда водили лоцманы.

В тридцатые годы началось движение за освоение капитаном и его помощниками специальности лоцмана, и после Великой Отечественной войны все они стали штурманами. На Каме от лоцманов отказались в 1949 году.

Создание Единой глубоководной системы вновь возродило старую профессию. Разнообразие и протяженность рейсов не позволяют досконально знать все районы плавания. Особенно нуждаются в лоцманах судоводители судов класса река-море, они больше моряки, чем водники.

По правилам плавания проходить участки, обслуживаемые лоцманами без лоцмана, разрешается судам, на которых минимум два судоводителя имеют «район плавания», то есть сдали спец. лоцию участка. У нас с «районом» только капитан.

От Топорино направо уходит канал на Северную Двину, а мы продолжаем свой путь прямо к Белому озеру. Повстречался буксирчик «Ирбит» с плотиком. Иначе его не назовешь, если сравнивать эти пять узеньких секций с камскими плотами. Плотик растарачился на весь судовой ход. На вахте Каменских.

— «Ирбит», «Ирбит», как с вами расходиться? Расходиться как будем?

— Левыми, давай левыми,— имеются в виду борта.

— Что это вы поперек течения плаваете? Да и плот ваш в одной охапке унести можно.

— Ветер. Сбавьте ход, а то нас на песок выбросите.

— Да мы и так средним идем. Приезжайте на Каму учиться плоты водить.— На «Ирбите» обиделись:

— У вас 1200 лошадей, а у нас двести, чего смеяться-то?

— Ладно, ладно, не обижайтесь. Давайте махнем не глядя.— Корабли расходятся, хотя буксирчик называть кораблем, пожалуй, громко,— просто катер.

Второй час идем по компасу.

В сравнении с реками, канал узок. Берега его не укреплены, и он напоминает канаву. Максимальная скорость движения здесь десять-пятнадцать километров в час. До берегов можно палкой добросить. Есть закрытые участки.

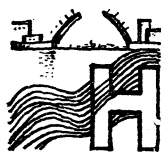
— «Терешкова», «Валентина Терешкова»!

— Кто спрашивает «Терешкову»? «Терешкова» отвечает.— У «Валентины» великолепный бас, и это она перекрыла нам закрытый участок.

Рейс проходит очень напряженно, но ведь условия самые благоприятные. А будут еще черные, угольные

ночи, шторма, туман. Будет идти по воде сало, на вахту придется выходить в валенках. В первом рейсе пробивались через льды, и когда продвигаться вперед стало невозможно, ледоколы стали ходить кругами вокруг каравана, дробить лед, чтобы он не раздавил корабли. Это было на Ладоге.

Ответственность, возможные неприятности. Вспоминаются печальные огни «Волго-Дона» на Чайкинской пролези, перед выходом на Белое озеро. Теплоход паузили, снимали с него груз с тем, чтобы снять с мели и вести на ремонт. И капитану, и штурману, и лоцману это даром не пройдет. Тяжелая профессия, но интересная. Можно ходить по рекам всю жизнь, наперед зная, что ни один рейс не повторится.

ева не поразила, а удивила. В Ленинграде мне приходилось бывать и прежде, и я помню пушкинские строки:

«Невы державное течение,
Береговой ее гранит».

Нева без берегового гранита и с гололомным течением — было от чего прийти в изумление. Особенно бешеное течение на луках Тихменовской и Ивановской и в Кривом колене. Кроме сильного основного течения, есть еще очень сильные, видимые глазом, свальные. Как здесь водить баржи, не говоря уже о плотях, совершенно неясно.

Каменских считает время уже не по часам, а по минутам, торопится успеть под дополнительную разводку мостов, с тем, чтобы ожидать основной разводки у Дворцового моста. Торопимся, торопимся и успеваем.

Капитан предполагает, а диспетчер располагает. Зря спешили. Нам не разрешили идти под мосты, так как наша цель Кировский завод — в морском ведомстве за мостом лейтенанта Шмидта. (От моста лейтенанта Шмидта считается, что началось Балтийское море.) Но мы уже в городе, и здесь я сойду.

Стоим на рейде. Дождь, дождь и дождь. Мокнет серая невская вода, оплывают глинистые берега. Прощаться со мной некому. «Боровск» погружен в сон. Ребята, конечно, устали в рейсе, а ночью предстоит пройти мост и встать под разгрузку. Работы будет вдосталь...

Пермь — Ленинград

● **Голос истории**

История — это не только залп «Авроры», знаменитые на всю страну Днепрогэс и Магнитка... История откроет пристальному следопытскому взгляду сотни скрытых временем событий, эпизодов, имен.

В мае 1919 года на Украине возникла первая организация «юков» — юных коммунаров, которыми руководил учитель В. Столяр. Школьники распределяли по детским домам беспризорных, разносили топливо семьям рабочих, «ходили на буржуев» — помогали уплотнять крупных домовладельцев. Ребята так увлечены были общим делом, так, по-взрослому, всем сердцем отдавались работе по строительству новой жизни, с таким желанием шли в отряды «юков» и спартаковские ячейки, что попы даже служили в то время молебны: «Чтобы бог направил детский разум, чтобы дети не стали антихристами...»

Летопись украинской пионерии ведут учащиеся киевской школы № 136, вместе со своим учителем Михаилом Александровичем Рыбаковым.

● **Экспонат... в кустах**

● **Сад Мандельштама**

Комиссар Центроброни — так его звали в Сормове. Старший инженер Управления всеми броневыми силами Советской республики Иван Христианович Гаугель стоял у истоков зарождения отечественных танков. Самый первый танк испытывали за Копосовом, на Белом болоте, — скорость у него была восемь километров в час...

Христианович Гаугель остался в памяти ветеранов Сормова двадцатых годов, и они на воспоминания не поскупились. Из деталей оставшихся в памяти встреч, кратких разговоров заново встает образ комиссара Центроброни — человека бескомпромиссного и преданного делу.

Очень мало материалов сохранилось о сормовском комиссаре. Когда редакция газеты «Горьковский рабочий» объявила поиск по Гаугелю, в ее распоряжении была только краткая биография — второй или третий экземпляр, отпечатанный под фиолетовую копиру в 1930 году. Но Иван

В газету пришло письмо из школы № 27, что находится в Сормове, на улице Гаугеля. Пионерская дружина школы собрала три альбома воспоминаний об И. Х. Гаугеле; школа располагает копиями редких документов, в том числе фотокопией с подлинного удостоверения И. Х. Гаугеля сормовского периода его жизни.

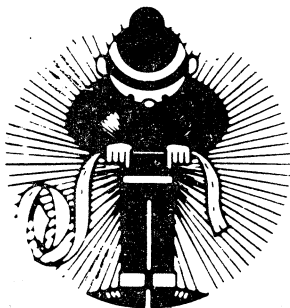
● **Двое из песни**

● **Героям мирного неба**

Берег Исетского озера — вотчина краеведов среднеуральской школы № 31. Древние люди, жившие на берегах озера много тысячелетий назад, напоминают о себе то пестом для долбления руды, то черепками глиняной посуды, то наконечниками стрел.

В прошлом году школьные следопыты вместе со своим учителем А. Г. Пешковым нашли на мысе Листвянном шлифовальную плиту весом девяносто килограммов. Занять законное место в школьном музее экспонату мешает его величина — он оставлен на берегу озера, в кустах.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

Этим поиском занялись ребята из московской школы-интерната № 14. Детский парк в их районе многие старожилы называют садом Мандельштама. Почему?..

Сначала решили узнать — не назван ли парк по имени бывшего владельца? Оказалось, что нет. Звали помещика, бывшего хозяина этих мест, Немчиновым.

Из энциклопедии ребята узнали, что был такой профессиональный революционер Александр Владимирович Мандельштам — подпольная кличка «Одиссей». Нет ли связи между названием сада и его именем?

Как рассказали ребятам в Ивановском историко-революционном музее, в 1905 году А. В. Мандельштам вместе с М. В. Фрунзе, Н. И. Подвойским и другими большевиками вел подпольную работу в Иваново-Вознесенске. И окончательно подтвердилось предположение следопытов, когда им удалось найти заметку в старой газете «Рабочая Москва» за 1923 год, — в ней было опубликовано обращение к жителям благоустроить немчиновский сад. В том же году состоялось открытие детского парка, которому присвоили имя Мандельштама — «Одиссея».

На второй месяц войны «Правда» сообщила о подвиге солдат-побратимов, русского и грузина, погибших смертью храбрых на земле Полесья. Однополчане похоронили с почестями друзей и пошли дальше воевать...

Тогда же родилось стихотворение грузинского поэта Хуты Бериулавы. А из стихотворения родилась песня. Тбилисские мальчишки военных лет громко пели ее на притихших улицах города: «Где ты, друг мой Мишаков, где ты, брат мой Шаламберидзе?..»

Возле неизвестных высоток, на полях былых сражений, месторасположение которых никакая география не учтет, затерялись могилы солдат. Только спустя тридцать шесть лет после войны в далеком от Грузии селе Зозово юные следопыты нашли могилу побратимов.

«Ленинград, «Огромное небо»... Правда, необычный адрес? Но он конкретный. Музей «Огромное небо» существует в 40-й ленинградской школе-интернате. Как и широко известная песня, он посвящен двум пилотам — Борису Владиславовичу Капустину и Юрию Николаевичу Янову, оказавшимся перед выбором: спастись ценою жизни мирных жителей или погибнуть, но вывести неисправный самолет за черту города. Они предпочли второе...

Со времени открытия музея прошло более пяти лет. Много новых экспонатов появилось в нем: заметки с отметками об успеваемости, личные вещи, снимки из семейных альбомов... Фотография рабочей бригады одного из предприятий рыбной промышленности ГДР — бригада носит имя Б. В. Капустина. Эскизы памятного героям мирного неба, их представили воспитанники художественного училища имени В. Серова...

Ежегодно школа отмечает День памяти героев. Они погибли 6 апреля 1966 года.

● Об истории промышленных предприятий Октябрьского района Вильнюса рассказывают экспонаты музея трудовой славы вильнюсской школы № 36.

● Историю жизни и боевой путь отважной истребительницы Лилии Литвак, погибшей в 1943 году, восстанавливают в школе № 1 г. Красный Луч Ворошиловградской области. На площади перед школой встал памятник: летчица в кабине легендарного «ЯКа». Автор его — заслуженный деятель искусств Украины Н. Н. Щербак.

● Музей имени Серго Орджоникидзе открылся в 84-й тбилисской школе.

● Пятьсот летних экспедиций понадобилось учащимся новосибирской школы № 22, чтобы собрать образцы для школьного геологического музея. Музей геологии стал семнадцатым школьным музеем в Железнодорожном районе Новосибирска.

● В связи с 45-летием выхода в свет романа «Как закалялась сталь» музей Н. Островского, много лет существующий в вязовской школе (Ульяновская область), получил в дар экземпляр книги с автографом жены писателя. Книгу прислал Московский государственный университет.

● На псковской земле прошел Всероссийский слет красных следопытов, посвященный 60-летию Вооруженных Сил СССР.

● Об известном революционере П. К. Запорожце собирают материалы жители села Тептиевка Богуславского района Киевской области. Школьникам села удалось разыскать старую липу, в дупле которой рево-

люционеры прятали нелегальную литературу, листовки.

● Название поселка — Дядьково. В старину на Волге «дядькой» называли самого опытного и сильного бурлака; позже такое именование стало бытовать у портовых грузчиков. Все это узнали учащиеся ярославской школы № 23, которые пишут историю поселка Дядьково.

● Поиск ветеранов войны 387-го артиллерийского полка ведется в средней школе № 29 города Куйбышева.

● В селе Двуречки Грязинского района Липецкой области, в доме, где родился командир первой батареи «катюш» И. Флеров, разместились ныне музей боевой славы, посвященный ратным подвигам флеровцев.

● Зоологический музей средней школы высокогорного киргизского села Кара-Кол располагает 500 экспонатами. Здесь есть чучела почти всех животных и птиц, обитающих в этих местах, богатые коллекции насекомых.

● Следопыты нижнечирской школы Суровикинского района Волгоградской области ведут летопись трудовой семьи Вальковых. Глава семьи Петр Степанович Вальков, двое его сыновей и дочь участвовали в установлении на Дону Советской власти. Герои гражданской войны погибли. В их честь одна из улиц поселка Нижний Чир переименована в улицу Вальковых.

НЕВИДИМЫЕ КОЛЛЕДЖИ

**Александр
ВОЙСКУНСКИЙ**

**Если бы существовала
специальная газета
для ученых,
то она была бы, наверное,
целиком заполнена
одними извещениями
о бесчисленных ныне
съездах,
конgressах,
симпозиумах,
конференциях и семинарах.
Что же заставляет
ученых
собираться вместе?
Коллективный характер
научной деятельности.
И желание
сопоставить результаты
своих исследований
с работами коллег.
Так было всегда.
Система научного
общения
или коммуникации
ничуть не моложе
самой науки.**

«Слишком рано и напрасно»

24 октября 1868 года в Парижскую Академию наук пришли два письма. Астрономы — француз Жюль Жансен и англичанин Норман Локьер — независимо друг от друга сообщали, что одна из линий в спектре солнечной короны принадлежит неизвестному элементу. Позднее он получил название «гелий». Кому отдать лавры первооткрывателя? Письмо из Лондона прибыло на несколько часов раньше, зато второе письмо намного раньше отправлено: больше восьми месяцев шло оно из Индии, где Жансен наблюдал полное солнечное затмение.

К счастью, спора не было, и оба астронома изображены на отчеканенной по поводу открытия медали. Между тем, они едва не стали врагами, ожесточенно оспаривающими друг у друга приоритет. А примеров таких уйма! Ведь список одновременно сделанных открытий чуть ли не совпадает с реестром всех крупных научных достижений. Не часто ученому удается заставить своих коллег врасплох, как это было с открытием рентгеновских лучей. Физики всего мира были поражены сообщением Рентгена, а знаменитый лорд Кельвин даже счел его поначалу мистификацией. Но куда чаще на новый научный результат имеют основание претендовать несколько ученых.

В 1791 году Иммануил Кант писал издателю немецкого «Астрономического вестника»: «Если... господин Гершель действительно открыл вращение внутреннего кольца Сатурна с периодом 10 часов 22 минуты 15 секунд, то это подтверждает предположение, которое я тридцать пять лет назад высказал в моей книге «Всеобщая естественная история и теория неба», а именно, что эта часть кольца, свободно плавающая в пространстве, находится в постоянном круговом движении согласно с законом движения под действием центральной силы (для внутреннего края я вычислил время обращения в десять часов)».

*Приезжайте ко мне, дорогой соседюшка, ей-богу.
Откроем что-нибудь вместе...*

А. ЧЕХОВ. Письмо к ученому соседу.

Известный астроном В. Гершель отнюдь не был плагиатором. Просто он никогда не видел книги Канта и не знал, что придумал дубликат идеи, высказанной ранее знаменитым философом. Не были мошенниками и сотни других ученых, втянутые в споры о приоритете. Особенно остро эти тяжбы проходили в XVII веке. Взаимными обвинениями были заняты Ньютон и Лейбниц, Ньютон и Гук. Очень резко отстаивал приоритет Галилей. Это знаменитые исследователи, всех же спорщиков не перечислить. Историк науки Р. Мертон вообще считает, что чем крупнее ученый, тем в большем числе многократных открытий он «замешан». Однако с годами споры пошли на убыль: если в XVII веке выяснение отношений происходило в 92 процентах случаев повторных открытий, то в первой половине XX века — лишь в 33 процентах случаев. Значит, ученые начали осознавать неизбежность повторных открытий. А до этого — что только не предпринималось для обеспечения приоритета! В ходу были даже шифрованные сообщения — криптограммы. Это когда ученый не был уверен в правильности своих выводов. Если догадка окажется верной, то он победоносно сообщит об этом, а если к открытию раньше него придет конкурент, то раскрытие криптограммы подтвердит приоритет ее автора.

В исторический день 7 января 1610 года Галилео Галилей впервые направил зрительную трубу на небо. В том же году он заметил по бокам Сатурна непонятные придатки. Желая «застолбить» за собой открытие и заняться без спешки его проверкой, Галилей выразил суть своего наблюдения в латинской фразе: «Altissimum planetam tergeminum observavi» (высочайшую планету тройную наблюдал). Потом он переставил в ней буквы и опубликовал криптограмму: Smaismrielpoetalevmibonenogettavinat. Сам Галилей вскоре счел свое наблюдение ошибочным, так что лишь в 1658 г. к разгадке колец Сатурна вплотную подошел Христиан Гюйгенс. Но и у него оставались сомнения, а потому он также обеспечил себе приоритет криптограммой. Через три года, убе-

дившись в своей правоте, Гюйгенс раскрыл смысл зашифрованного: «Annulo cingitur, tenui, plano, nusquam cohaerente, ad eclipticam inclinato» (кольцом окружен, тонким, плоским, нигде не прикасающимся, к эклиптике наклоненным).

В том же 1610 году Галилей открыл фазы Венеры. На этот раз криптограмма представляла собой не скопление букв, а осмысленное предложение: «Этого от меня хотят слишком рано и напрасно». Так и подмывает усмотреть в этом высказывании кредо всех ученых, прибегавших к шифрованию открытий...

Подобная страсть в установлении приоритета вызвана отнюдь не суетным тщеславием. Тысячелетиями занятия наукой были делом не только любознательных, но и бескорыстных. Ученым не присуждали премии и не платили зарплату. Правда, первое государственное научное учреждение — Александрийский музей — появилось еще в III веке до нашей эры. Но традиции не дано было оказаться долговечнее династии Птолемеев... А первые члены Лондонского королевского общества — те даже приплачивали по шиллингу в неделю за право считаться ученым.

Ученые не ждали подарков от общества. Они сами присвоили себе то, на что никто больше не покушался: право добавлять к камешку, который им удалось вложить в мозаику научных фактов, ярлычок с именем первооткрывателя.

Ученые дорожили этой привилегией — наверное, потому, что долгие времена она была единственной. Нет иного достоинства у человека науки, кроме списка его достижений. Но интеллектуальная собственность парадоксальным образом отличается от материальной. Всем известно, что лучший способ сберечь сокровище — это спрятать его и никому не показывать. В науке — наоборот: надо как можно чаще о нем рассказывать. И тогда никто из собратьев ученых не покусится на ваше достояние.

Так мы подошли к научной коммуникации. Это она оберегает приоритеты, это ей ученые доверяют заботы о сохранении своей собственности. Как же это происходит?

Взрыв или наводнение?

Начало коммуникации положили, разумеется, сами ученые. Они принялись сообщать друг другу о своих достижениях. Поскольку даже питомцев одной научной школы (например, Академии в Афинах) судьба раскидывала по разным местам, то един-

ственным средством оповещения были письма. Как ни удивительно, личная переписка вполне справлялась с не очень-то ей свойственной ролью формальной публикации и с обеспечением приоритета. Получатели писем охотно показывали их всем интересующимся и разрешали копировать. Ученые были так немногочисленны, что научные новости без труда распространялись в их узком кругу. Научные проблемы ставились и решались в частных письмах. В переписке между Паскалем и П. Ферма родилась теория вероятностей.

Но столь обширная корреспонденция под силу немногим. Постепенно письма утратили обеспечение приоритета. Лидерство в системе научной коммуникации захватили книги. Правда, письму недолго стать книгой. Например, 19 апреля 1610 года Иоганн Кеплер послал Галилею письмо с подробным разбором только что вышедшей книги итальянца «Звездный вестник». Это письмо уже не могло считаться публикацией. Но как только оно было издано типографским способом, книга «Разговор со звездным вестником» оказалась не только выдающимся памятником научной мысли, но и великолепной научной публикацией для современников.

Образованных людей становилось все больше. Усиливался интерес к книгам. Однако вступающему в науку молодому таланту нелегко было определить, где пролегает ее передний край. В великом множестве уже написанных книг знание выступало разобобщенным. Вот в такой обстановке в систему научной коммуникации проник новый элемент. Первые научные журналы (типа «Ученых записок Королевского общества») мало походили на современные: они публиковали главным образом обзоры, рефераты, предварительные сообщения о незавершенных исследованиях.

Возникнув в XVII веке как вспомогательный элемент в системе научной коммуникации, журналы в XIX веке заняли главенствующую позицию. Для этого им пришлось выдерживать жестокую борьбу с самими учеными. Например, не сложились добрые отношения с журналами у Ньютона. Он предпочитал не торопиться с отрывочными публикациями и дожидаясь, пока не накопится достаточно новых результатов, чтобы издать сразу книгу. «Если бы журнал того времени был эффективным средством коммуникации, мы, пожалуй, так никогда и не получили бы «Начал» Ньютона», — замечает современный науковед. Но все же книгам пришлось отодвинуться. Новое же знание все чаще стало появляться в журналах. Ближе к XX веку журнальные статьи приняли стандартный (и почти современный) вид и оконча-

тельно оформились как атомы информации.

Развитие системы научной коммуникации теснейшим образом связано с развитием науки и с положением ее в обществе. В середине нашего столетия науку признали важным фактором, о ней стали заботиться правительства. На Западе этому перевороту в отношении общества к науке больше всего способствовали физики, создавшие атомную бомбу. Наука из «малой» превратилась в «большую», как выразился известный науковед Дирек Дж. де Солла Прайс. Система научной коммуникации отреагировала так. Ученый не может дожидаться окончания работ и потом приниматься за книгу. Нет, о каждом более или менее завершеном этапе он обязан публично отчитываться. «В этих условиях, — справедливо замечает Прайс, — публикация становится, скорее, обязательным завершением трат времени и денег, чем особой привилегией, наградой за открытие чего-либо достойного пребывать в золотом научном архиве и привлекать внимание избранных».

И — результат: с одной стороны, научные издания сейчас засорены малосодержательными опусами, а с другой — критерием деятельности ученого стало не добытое им знание, а список его публикаций. Люди науки приспособились к изменившимся условиям. Чемпионом мира по количеству публикаций мог бы быть назван энтомолог Теодор Коккерел: за 67 лет он написал 3904 статьи — в лучшие годы появлялось в печати по две статьи в неделю. Если уж счет пошел на тысячи, то легко поверить жалобам ученых: невозможно даже просмотреть все статьи по своей специальности.

Информационный взрыв. Кому сейчас не знакомы эти слова? Но вот правильно ли они отражают реальность? В этом усомнился американский ученый Дж. Ликлайдер. Ведь никто в точности не знает, как быстро увеличивается число научных документов. Считается, что количество книг и журналов каждые 10—15 лет становится вдвое больше. Вдумайтесь: похоже это на взрыв? Ликлайдер не находит сходства. «Только при очень богатом воображении, — считает он, — можно утверждать, что вещь «взрывается», если она удваивается в объеме за 10—15 лет». Он предполагает другое сравнение — с наводнением. Действительно, подъем воды происходит медленно, но неуклонно, она затопливает не все сразу, а одну область за другой. В целом же и взрыв и наводнение ведут к равно трагическому исходу.

Выбор аналогии — дело вкуса. Важно другое: необходимо избежать драматических последствий. Вот поэтому-то в системе научной коммуникации появилось нечто новое...

«Бомба в почтовом ящике»

Публикация... С ее помощью ученый заявлял о своем приоритете и узнавал о приоритетных работах коллег. Да и теперь исследователи с прежним почтением относятся к публикации своих статей, а вот о чужих достижениях они с недавних пор предпочитают узнавать не из печатных изданий, а по каналам неформальной коммуникации, начиная от международных форумов и кончая совместными вечеринками. Обмен письмами и копиями статей — это тоже неформальная коммуникация.

Можно долго перечислять ее преимущества. Одно из самых главных — время. Ведь чтение статьи как бы обращает время вспять: вы знакомитесь с тем, о чем думал автор год-другой назад. Узнать, что изменилось с тех пор, можно только неформальным путем. С другой стороны, и самому автору любопытно, как будет встречена только что написанная им работа. Отклики в печати появляются года через три, а то и позже. Если же воспользоваться неофициальными каналами и послать копии статьи коллегам, то отзывы поступят через несколько недель. Неформальная коммуникация выручает, когда материала для хорошей статьи еще маловато, но есть потребность заявить о ведущейся работе. Этой цели служат вновь появившиеся «Журналы для писем» (в XVII—XVIII веках «письмо к редактору» было признанным жанром научной коммуникации).

Вот так научная коммуникация разделилась на формальную и неформальную, которая теперь ученому приносит две трети необходимой информации. Источники неформальной коммуникации разнообразны — это может быть, скажем, беседа в неспешной очереди в столовой или даже во время мимолетной поездки в лифте. Конечно, далеко не каждая встреча коллег — событие. Тысячи молодых ученых без особой пользы для науки проходят стажировку в крупных научных центрах. А одна из таких командировок привела к крупнейшему биологическому открытию нашего века. Осенью 1951 года американец Джеймс Уотсон приехал в Англию для стажировки в Кавендишской лаборатории Кембриджского университета. Позже он писал: «С первого же дня, проведенного в лаборатории, мне стало ясно, что в Кембридже я останусь надолго. Уехать было бы вопиющей глупостью, так как тогда я лишился бы неповторимой возможности разговаривать с Френсисом Криком». В беседах, проходивших в лаборатории, в ре-

сторане или в доме Криков, они обсуждали все на свете — от достоинств знакомых девушек до структуры вирусов и генов. В конце концов им поддалась тайна строения ДНК...

В деятельности Ф. Крика и Дж. Уотсона легко различить многие черты копенгагенского стиля научной работы. Он сложился в Институте теоретической физики, которым руководил Нильс Бор. Копенгагенский стиль — это круглосуточное общение, это совместные работы и широкое обсуждение их результатов. Привычку Бора постоянно думать вслух (молча он не мог), дискутировать, вообще работать в многолюдстве охотно подхватили гости и сотрудники знаменитого института. «Для понимания квантовой механики были необходимы совместные обсуждения», — сказал как-то Нильс Бор. Так коллектив жизнерадостных, остроумных, блестящих по уму и образованию людей творил физику XX века.

Все это уже было: люди науки съезжались и обсуждали волнующие их проблемы, работали вместе, раставаясь, переписывались, и вообще они всегда ощущали себя единой, сплоченной группой. Все это старо, как сама наука. Невидимым колледжем называли в Англии в XVII веке людей, интересующихся наукой и связанных между собой, но не принадлежащих ни к какой организации, ни к какому колледжу.

В сентябре 1800 года собрались шестеро астрономов, убежденных, что между орбитами Марса и Юпитера должна существовать неизвестная планета. «Отряд небесной полиции», как в шутку выразился их идейный вдохновитель фон Цах, поставил целью «выследить и поймать беглого подданного Солнца». Астрономы разделили между собой зону поисков, а оставшийся свободным участок неба решили предложить итальянцу Дж. Пиаци. Надо же было так случиться, что не успела почтовая карета дойти до Палермо, где жил Пиаци, как тот не «по приказу», а совершенно случайно наткнулся на «беглянку!» Убедившись в существовании планеты, которой Пиаци дал название Церера, фон Цах распустил свой отряд.

Для зарождения невидимого колледжа личные встречи не обязательны. С этим вполне справляется переписка — древнейший вид научной коммуникации.

В начале 1950 года англичанин Майкл Вентрис — архитектор, с детства интересующийся древними языками, — разослал анкету двенадцати крупнейшим специалистам по загадочной крито-микенской письменности. Полученные ответы Вентрис перевел на английский язык, проанализировал, дополнил изложением своих взглядов и разослал тем же адресатам. Позднее этот документ,

принадлежащий сфере неформальной коммуникации, получил название «Отчет за полстолетие», ибо как раз столько времени прошло с момента открытия первых памятников крито-микенской письменности. Завершался «Отчет» следующими словами: «Я искренне надеюсь, что этими письмами занимается достаточно людей и что в недалеком будущем им удастся найти удовлетворительное решение проблемы. Я шлю им свои лучшие пожелания. Я же, будучи вынужден заняться другой работой, делаю мой последний скромный вклад в наше общее дело».

Вентрис не сдержал слово. Целых два года отдавал он весь досуг анализу нацарапанных на глиняных табличках текстов. Каждый шаг его работы становился известен коллегам: Вентрис за это время отправил своим корреспондентам 20 больших «Рабочих заметок» (получается, что отчитывался он почти ежемесячно). Лишь в июне 1952 года появилась решающая гипотеза, оказавшаяся верной. Составив первый «Экспериментальный словарь» микенского или, как стали говорить позже, «древнеахейского» диалекта греческого языка, Вентрис, по обыкновению, разослал его специалистам. Один из них — швед А. Фьюрмарк — назвал «Словарь» «Бомбой, брошенной в почтовый ящик».

Очень скоро Вентрис завершил дешифровку древней письменности. Увы, его «вклад в общее дело» оказался последним: 6 сентября 1956 года Майкл Вентрис погиб в автомобильной аварии. «Те, кого полюбят боги, умирают молодыми», — эти слова греческого поэта Менандра вспомнились соавтору Вентриса Дж. Чадуки, примкнувшему к нему на последних этапах работы. «Любимцу богов» было всего 34 года... Примеров действия неформальной коммуникации много. Не только Майклу Вентрису удалось продемонстрировать ее мощь.

Научная коммуникация прошла виток спирали: когда-то письмо и личная беседа были единственными видами общения ученых, потом они были оттеснены на второй план, теперь же им вновь отдается предпочтение. Но это не значит, что письмо и телефон вовсе отменяют печатный станок — традиционное средство связи ученых. Опасения такого рода пока преждевременны. Вот почему критика в адрес неформальной коммуникации относится к сегодняшнему дню, а никак не к грядущей науке. Да, действительно, невидимые колледжи не стали еще подлинно международными объединениями. Да, привлечение в них молодых ученых, особенно сильно заинтересованных в общении с коллегами, — еще не решенная проблема. Но что в сущности нам известно о невидимых колледжах? Ведь их су-

ществование не сводится к обмену письмами. Это выяснилось недавно, когда в экспериментальных целях было организовано несколько групп обмена информацией (ГОИ). Все печатные материалы, написанные членами этих групп, копировались и бесплатно рассылались всем из ГОИ. Вроде бы очень удобно, и все же такие группы оказались менее жизнеспособными, чем стихийно сложившиеся невидимые колледжи. В чем тут дело? Этого никто пока не знает.

Учиться общению

В системе научной коммуникации, как и в науке, не все очевидное правильно. Кажется, что может, к примеру, помешать приехавшему на конференцию специалисту встретиться с коллегами и получить бесценную информацию о состоянии исследований в его области? Но... На первом Всесоюзном совещании по спектроскопии в 1936 г. 71 участник прослушал 4 доклада. А в 1965 г. было уже 2000 участников и 225 докладов. Отыскать нужных людей в двухтысячной толпе — тут без доли везения не обойтись. Так что встретиться и поговорить удастся, скорее всего, только членам единого невидимого колледжа. Но ведь они и так без труда контактируют между собой...

В прошлые века даже мысль о встрече тысячи ученых показалась бы нелепой. Да, большая наука стала многолюдной, но едва ли это можно отнести к ее достоинствам. Ни один этап научной деятельности — от возникновения замысла до обоснования теории — не требует участия тысяч человек. Любой ученый может называть коллег, за чьими работами следит и с которыми не откажется при случае встретиться. Сколько же их наберется? Явно больше дюжины и заведомо меньше тысячи.

Теперь и поговорим о неформальных объединениях ученых. Не стоит пытаться установить точные границы этих корпораций — воспользуемся косвенными оценками. Самая подходящая — это... размер стола. Один из коллег Н. Бора вспоминает, что все сотрудники и гости Института теоретической физики «легко размещались за большим столом»... Это же можно сказать и о тех, кто посещал семинар в Гарвардской медицинской школе, на котором были впервые высказаны многие кибернетические идеи. По традиции перед началом каждого заседания руководитель семинара Артуро Розенблют и все участники, самый активный из которых был Норберт Винер, обеды за круглым столом... За небольшим столом был сформирован отряд фон Цаха... Если бы собрались вместе все корреспонденты Майкла

Вентриса, вполне хватило бы круглого стола... Интересно бы еще узнать, сколько человек включились в гонку, призом в которой было открытие структуры ДНК? Оказывается, хватило бы пальцев одной руки, чтобы пересчитать их. «Действующих лиц, — пишет Дж. Уотсон, — собственно, было пятеро — Морис Уилкинс, Розалинд Фрэнклин, Лайнус Полинг, Фрэнсис Крик и я». Им подошел бы самый маленький столик...

После периода инкубации научная идея публикуется. Научоведы обратили внимание, что наиболее глубокие прорывы в науке почти всегда начинаются с работ нескольких ученых, нередко — одного. Но ведь неожиданно много может быть людей, интересующихся наукой. Нет, и тут до массовости чаще всего бывает далеко. Вот свежий пример с новаторскими статьями по теории информации Клода Шеннона. Французский социолог А. Моль утверждает, что «тема измерения информации примерно в течение двух лет, между 1948 и 1950 годами, оставалась не более чем слухом, ходившим в определенном, чрезвычайно узком кругу, не превышающем нескольких сотен людей...»

Больше всего энтузиастов вливаются в новую область, когда она становится признанной, модной, а работы основоположников чуть ли не заучиваются. (Это не преувеличение: любимой игрой последователей американского психолога Б. Ф. Скиннера было по пересказанному на память отрывку из его книги «Поведение организмов» называть номер страницы, где помещены эти слова.) Так сколько же человек нужно для расцвета того или иного раздела науки? На этот вопрос отвечает один из самых разносторонних ученых нашего времени Вячеслав Всеволодович Иванов: «Максимальные размеры творческой общности людей, создающих основы целой цивилизации, определяются в пределах 500—1000 человек».

Примем это к сведению. Но ведь на современных конгрессах собирается в несколько раз больше участников, чем необходимо даже для научной революции! Так велика ли вероятность, что конгресс круто повернет судьбу науки? Нет, для этого скорее годятся встречи за обыкновенным столом. А что происходит на конгрессах?

Корифеи выступают перед полутора-двумя тысячами слушателей, подавляющее большинство которых даже не пытается вступить с ними в контакт. Такое присутствие на конгрессах ничем, пожалуй, не отличается от чтения статей в журнале.

Научная коммуникация изменяется и нельзя какой-либо вывод о ней считать окончательным. Например, предпринимаются попытки сделать массовые встречи ученых не-

формальными. Пример: Международный конгресс дизайнеров, который состоялся в Москве три года назад. Этот конгресс интересен хотя бы тем, что на помощь ученым пришли деятели искусств: его организация была поручена главному художнику-конструктору Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики Ю. Решетникову и главному художнику журнала «Знание — сила» Ю. Соболеву. Пусть что-то у них не получилось, чего-то не успели — будем говорить о том конгрессе, какой был задуман, каким он предстал в режиссерском проекте. Новым словом на конгрессе стал дизайн самого конгресса!

Главной заботой Ю. Решетникова и Ю. Соболева стало обеспечение постоянного делового общения. Прежде всего они выделили две зоны: зал заседаний и холл.

В зал заседаний участники конгресса заходят с мыслью: будут, мол, что-то рассказывать, а наше дело — сидеть в удобном кресле да помалкивать. В большинстве случаев они прослушивают весьма гладкие доклады. Раз так — надо вызвать публику. И вот перед каждым выступлением (тема-то его известна) на больших экранах демонстрируется заготовленное заранее коротенькое антивыступление, отрицающее те положения, которые, судя по всему, будет отстаивать докладчик. Это может быть шутивное доведение их до абсурда или более серьезное противопоставление им других взглядов. Игнорировать такое антивыступление докладчик не сможет, и окажется втянутым в спор. Как он справится с этим, лучше всего оценят слушатели, и среди них, скорее всего, найдутся желающие поддержать или, наоборот, утопить выступающего.

Споры, дискуссии выплескиваются из зала в холл — во вторую зону. Там дизайнеров тоже ждут технические средства, но их цель не накалить обстановку, а смягчить. В холле звучит музыка, показываются декоративные фильмы. Но расслабление не должно мешать деловому общению, и здесь есть мобильные «дизайн-боксы» — проекторы, которые каждый может зарядить своими слайдами и иллюстрировать ими разговор.

Конгресс дизайнеров был одним из первых (если не самым первым) в мире конгрессом, где был сделан шаг к обеспечению неформального общения ученых. Лучший ли этот путь? Время покажет. Идеи научной коммуникации непрерывно обновляются, как и сама наука.

ВЕЗЁТ ЖЕ ЛЮДЯМ!

*Почти невероятное и тем не менее
абсолютно реальное комическое
происшествие в диалогах*

**Ле
КВИН**

*Рисунки
А. Банных*

ЛИЦА, ПОЛНОСТЬЮ ПРИЧАСТНЫЕ

Весь девятый «а» и в особенности его Главный штаб в следующем составе:
Миха, Маша, Игорь, Люда, Корнелия

ЛИЦА, ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИЧАСТНЫЕ

Петунина, Рымарь, Губкина, Паршин, Катька, Вербов

ЛИЦА ПРОСВЕЩАЮЩИЕ

Нина Александровна, по школьному Эн-А, Максим Максимович,
по школьному Физик и Макс, Петр Николаевич

ЛИЦА НЕ ПРИЧАСТНЫЕ И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ...

Человек в защитных очках, Парень в клетчатом пиджаке,
Продавец «Лотерейного счастья»

Э

то началось ярким солнечным днем.

Выкатили в скверик со своими безмоторными коляска-ми бабушки, изголодавшиеся за зиму по ласковому солнышку. Исчертив клетками все свободное пространство на тротуарах, азартно резались в классики тонконогие попрыгуны. Сидели на скамейках возле кинотеатра «Колизей» в ожидании очередного сеанса школьники из первой смены, студенты, свободные от лекций, пенсионеры, свободные от всего...

Распахнулась дверь ближней сберкассы. Оттуда появилась молодая женщина в накинутом на плечи демисезонном пальто. В руке она держала газету с очередной таблицей лотереи. Открыла дверцу витрины, вынула старую таблицу и аккуратно пришила кнопки свежую.

И пошла волнующая свертка. Кто выиграл? Кто проиграл?

Один лишь девятиклассник Миха с портфелем в руке отрешенно бредет в этой сутолоке, одолеваемый какими-то своими мучительными мыслями.

Вот он прошел дом со сберкассой, завернул за угол, во двор. Поднялся на третий этаж, отпер дверь. Раз — и портфель, пущенный хорошо тренированной рукой, укладывается точно в угол дивана.

Миха начинает кружить вокруг телефона. Видно, и позвонить очень уж хочется, и решиться не так-то просто. Наконец, все-таки решился. Уже трубку снял, уже набрал несколько первых цифр — и...

Вихрем влетает в комнату его младшая сестренка Катька, быстрая, порывистая, очень похожая на мальчишку. Миха тотчас же отшатывается от телефонного аппарата.

Катька. А вот и мы! (Ее потрепанный портфель с намотанной бечевкой вместо ручки с поразительной точностью летит в угол дивана и укладывается рядом с портфелем Михи. Торжествующе.) О!

Миха. Что-то ты рано сегодня?

Катька. Баба Таня заболела, арифметика тютю! (Берется за телефон, набирает номер.) Здравсте, Ленку можно?.. Так это ты? А я думала — твоя мама! Хи-хи-хи!.. Знаешь что, я только сейчас Тихонова видела... Ну какого, какого! Того самого — артиста. Иду, вдруг вижу: лежит!.. Где?.. А в киоске возле почтамта...

Миха. Хватит трепаться!

Катька (ноль внимания). А у горсада на лотке Олялина цветного выбросили... Ага!.. Четырнадцать копеек... (Миха нажал рычаг.) Ты чего, чего!

Миха. Сказано — хватит трепаться! Иди в ту комнату и сейчас же за уроки.

Катька. А нам задали?

Миха (со значением). А сочинение?

Катька (с плохо скрытой тревогой). А что сочинение?

Миха. Артистка!.. Мне Нина Александровна сказала. И велела маме передать.

Катька (сникла). Ну вот, сразу маме... Я же написала... Я не виновата, что ей не понравилось.

Лев Израилевич Квин родился в 1922 году в Риге. С пятнадцати лет принимал участие в работе подпольного латвийского комсомола, был руководителем ячейки, секретарем райкома. В 1940 году, незадолго до установления в Латвии Советской власти, арестовывался фашистской охранкой. Участвовал в Великой Отечественной войне сначала рядовым, потом офицером. Был ранен. Сейчас живет на Алтае, куда приехал с комсомольцами-целинниками, да так и остался там, навсегда полюбив этот прекрасный край и его людей.

Л. Квин — автор многих книг, давно сотрудничает с нашим журналом. «Я пишу прежде всего для ребят — веселых, бодрых, деятельных, в меру озорных и выдумщиков без всякой меры», — говорит он.

Миха. Как ты написала?

Катька. Ну как? Обычно: «Сочинение ученицы Петуниной Екатерины. «Наша собака». У нас нет собаки!..»

Миха. Все?!

Катька. Все.

Миха. Маловато вроде.

Катька. Зато чистая правда! Нет у нас никакой собаки.

Миха. Зато есть единица.

Катька. Подумаешь! Исправлю. Как-будто с тобой не бывает.

Миха. К твоему сведению, до пятого класса я был круглым отличником.

Катька. Значит, ты развивался медленно.

Миха. Нет, это не сестра! Это бульдог в юбке!

Катька. Во-первых, это не просто юбка, а колокольчик. А во-вторых, зря ты обижаясь. Даже грудничкам известно, что каждое новое поколение на голову умнее предыдущего. Вот ты только в пятом классе соорудил, что отличником быть не обязательно, а я уже в четвертом.

Миха. Вот что, колокольчик. Одно из двух. Либо ты отправляешься в ту комнату и пишешь сочинение...

Катька. Не буду!..

Миха (повышая голос). Три страницы!

Катька. Ого!

Миха. Или об этой единице сегодня же узнает мама.

Катька. Это... это нож в спину! Еще брат называется! (Берет портфель, направляется в другую комнату.) Две страницы!

Миха. Три!

Катька. Ну, две с половиной... И по рукам!

Миха. Три!

Катька. Это шантаж!

Скрылась в соседней комнате. Миха, переждав несколько секунд, направляется к телефону. Набирает номер и...

Катька (появляясь). Но у нас ведь правда нет собаки. Что я — врать должна?

Миха. Требуют врать — надо врать. Твое дело телячье.

Катька. Вот так с малых лет начинается!

Исчезает. Миха опять берется за телефон. И... появляется Катька.

Миха (в бешенстве). Написала?!

Катька (спокойно). Завтра литературы нет.

Миха. Послезавтра есть.

Катька. Послезавтра воскресенье.

Миха. Та-ак!.. Ну что ж, раз ты свободна, тогда отправляйся вниз за почтой.

Катька. Нет там ничего.

Миха. Есть! Ну!

Катька. Гоняет туда-сюда! Хоть бы уважал во мне женщину! (Хватает ключ от почтового ящика, уходит. Миха берет телефонную трубку и быстро набирает номер.)

Миха. Маша?.. Ты дома? А я-то, понимаешь, жду, жду у «Колизея», как дурак на постном масле... Ну, твердо — не твердо, а я все-таки думал, придешь. Фильм-то блеск!.. Ну, пожалуйста, я могу и на восьмичасовой, надо было сразу сказать. А с билетами как?.. Уже есть?.. Как это «только два»? А сколько нам надо?.. Ах, ты не одна... Тогда другое дело... Ну, привет! (Положил трубку, пошел, вздыхая. Затем снова набрал номер.) Здравствуйте. Игорь дома?.. А куда — не скажете?.. В «Колизей»? На восьмичасовой?.. Понятно...

Положил трубку. Сидит в невеселом раздумье.

Вбегает Катька с газетой.

Миха (раздраженно). Где ты была? Шляется вечно, бог знает где!

Катька. Интересно! Сам за почтой погнался...

Миха. Давай сюда. (Берет газету, разворачивает.) Гляди, таблица! Ну-ка, ну-ка, сверимся! (Вытаскивает из кармана пиджака стопку билетов.)

К а т ь к а. Ого! Откуда столько?

М и х а (сверяет). Пусто... Пусто... Полное запустение... Ого, гляди, рупь! Ну-ка, ну-ка, вдруг еще.

К а т ь к а (заглядывая в таблицу). «Велосипед дорожный женский...» К чему?.. «Платок пуховой машинной вязки...» А вот это модно.

М и х а. Не булькай! (Наткнулся на что-то в таблице, сверил снова, не доверяя глазам.) О-о-о!.. Нет, это же черт знает что! (Рванулся к телефону, набрал номер.) Маша!.. Ты еще не ушла?.. Послушай, мировая сенсация, ха-ха!.. Нет, ты даже себе представить не можешь! (Посмотрел на Катю.) Словом, надо немедленно встретиться... У «Колизея»? Ладно, я уже побежал!

Бросил трубку, кинулся к двери.

Возвратимся-ка и мы с вами на улицу перед кинотеатром «Колизей». Уже прозвенел второй звонок, большинство зрителей прошло в зал.

На пяточке у входа лишь двое: Игорь и Маша. Она, нервничая, вглядывается в даль улицы.

М а ш а. Две минуты до начала!

И г о р ь. Плюс хроника.

М а ш а. Ну что он опять выдумал?

И г о р ь. Сказал же — сенсация! Интересно!

М а ш а. Михины сенсации!.. «Неизвестное племя на берегах Амазонки...» «Ракета на орбите Венеры...» «По улицам слона водили!..» Нет, в десять лет все это очень мило. Но в шестнадцать, извини меня, это уже...

И г о р ь. С приветом?

М а ш а. Во всяком случае, непомерно затянувшееся детство.

Влетает М и х а.

М и х а. А вот и я!

М а ш а. Что у тебя стряслось?.. Скорее, мы в кино опаздываем!

М и х а. Что стряслось? Ха-ха! Сейчас сама увидишь... (Разворачивает газету.) Это какая серия?

М а ш а. Двадцать шесть тысяч восемьсот пятьдесят три...

М и х а. А номер билета?

М а ш а. Ноль тридцать шесть... Ну и что?

М и х а (подавая ей лотерейный билет). А это?

М а ш а (шепотом). «Жигули»...

И г о р ь. «Жигули»?!

М а ш а. Что делать, а, ребята?

М и х а. А черт его знает! Побежали к Левке!

И г о р ь. Погоди, тут надо покумекать!.. Давай-ка лотерею.

М и х а. Ей и у меня не плохо. (Прячет билет в карман.)

И г о р ь. Ладно, пусть пока у тебя побудет. Словом, так... Я беру на себя организационную сторону... Маша, беги к Людке, Верке, Корнелии. Ты, Маша, — к Левке, к Петуху... Я прошвырнусь по Бродвею. Там сейчас наших много балдеет... Сбор у скамейки. (Третий звонок.)

М а ш а. А билеты в кино?

И г о р ь. Плюнь! Копеечное дело!.. Разбежались, ну!

Уголок школьного сада. Скамейка, облюбованная нынешними девятиклассниками еще с тех допотопных времен, когда мальчишки ходили стриженными под ноль, а девчонки с жиденькими косичками.

На скамейке в нетерпеливом ожидании сидят Люда и Корнелия.

Л ю д а (смотрит в зеркальце). Что-то никто больше не идет...

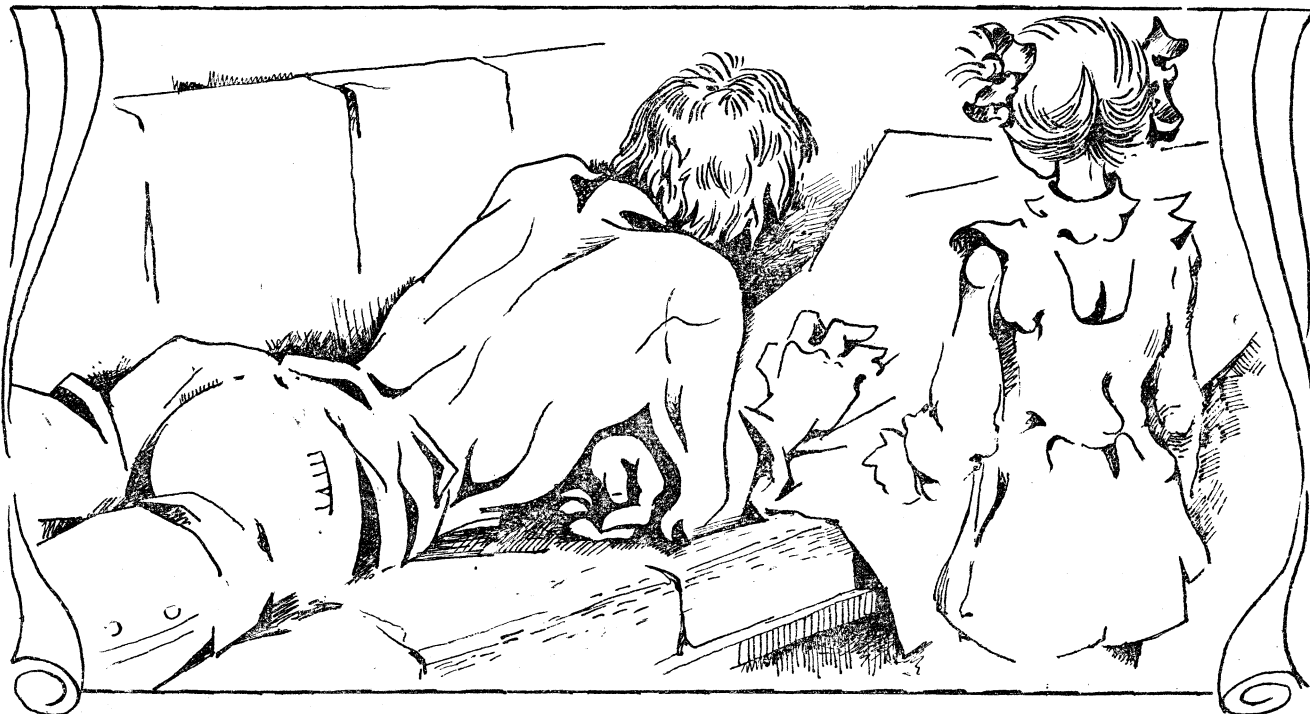
К о р н е л и я. Неужели, правда? Неужели, правда?.. Ведь мне же тогда полагается... М-м-м... Сто девяносто четыре рубля пятьдесят копеек. Мамочки! Чуть не двести рублей!

Л ю д а. А вдруг это розыгрыш?

К о р н е л и я. Да ну! Маша на розыгрыш не способна!

Л ю д а. А то просидим как две дуры.

К о р н е л и я. Да нет же! Просто мы первые... Двести рублей! Это же... И французский каблук! И колечко золотое с александритом! И брючки-клевш в комиссионке! И юбка-бананка!.. Людка, я такая счастливая!

Люда. Да ну тебя!

Корнелия. И потом, говорят, машину можно всяким спекулянтам за десять тысяч загнать, и тогда мне чуть ли не четыреста! Нет, Людка, ты представляешь — четыреста! Это же с ума сойти!

Люда. Вообще, прилично.

Корнелия. Тебе-то что! Тебе хорошо! Тебя мама так любит! Чуть ли не каждый день все новое. Вон опять... Платформа! Дай примерю!

Люда. На...

Корнелия (примеряет туфли). Потряса-а!.. Дашь в воскресенье на танцы?

Люда. Не-ет.

Корнелия. У, жадина! На, застрелись!

Люда. В воскресенье они пойдут на барахолку.

Корнелия. Прямо! Совсем новые!

Люда. Вот именно. Пока новые... А мне опять другое.

Корнелия. Ой, как я тебе завидую, Людка!

Люда. А что, спрашивается, завидовать, что завидовать! Если хочешь знать, мне это все уже вот так надоело!.. А мне платформы идут, верно? Отлично подчеркивают линию ног — знаешь, как мальчишкам нравятся!.. Нет, если это не туфта, если правда по двести рублей, куплю-ка я себе платформы.

Корнелия. Как?! Еще!

Люда. А чего? Плохо, что ли?

Корнелия. Ну вот видишь! А у меня дома словно взбесились. На машину копят. Мотоцикл продали, платье материнское выходное продали. Мы уже толком и не едим. Все машина, машина!.. На завтрак попросить боюсь — смотрят так, словно я у них гайку с машины слопаю... Ах, если бы эти четыреста! Или даже двести... Только бы родители, не дай бог, ничего не узнали!

Входит Игорь.

Игорь. Ждете, красавицы?

Корнелия. Сказали же — у скамейки.

Люда. Розыгрыш, конечно?

Игорь. Просто несчастье.

Корнелия. (испуганно). Что? Напугали?! Не выиграли?!

Игорь. Да нет... Этот болван Миха билет потерял.

Корнелия. Я его... убью!

Входит Миха.

Игорь. Вот он... с приветом... Ну что, нашел?

Миха. Все обыскал, нигде нет.

Корнелия (подступая с кулаками). Знаешь, за такие вещи...

Игорь. Подожди! Вспомни хорошенько, куда ты его положил.

Миха. Вот в этот карман... Кажется.

Игорь. Кажется!

Миха (Игорю). Ну-ка, подтяни край куртки. Нет, не этот! Левый!.. (Ищет за подкладкой.) Еще! Еще!.. Ну вот! (Вытаскивает билет.) Дырка в кармане, он туда и завалился.

Игорь Фу-у!.. А Корнюша уже булжники искала.

Место действия переносится в учительскую. Там одна Нина Александровна, сокращенно Эн-А. Что-то она нервничает. Ходит по просторной комнате от стены до стены, сжимает руки, хмурится. Явно ждет кого-то.

А вот и первый из тех, кого она ожидает. Вербов, старший брат Игоря.

Вербов. Здравствуйте, Нина Александровна. (Целует руку.)

Эн-А. Какая галантности!

Вербов. «Учительница старая моя...»

Эн-А. Ну, положим, не такая уж старая!.. Рада тебя видеть, Юра. Чем обязана?

Вербов. Вот тебе раз! Сами же позвонили...

Эн-А. Я считала, ты передашь отцу. Или матери.

Вербов. Они на курорте. Блаженствуют на Черном море. И по всему, что касается Игоря, я их полномочный представитель,

Эн-А. Очень хорошо!.. Как у тебя дела? Ты ведь, кажется, экономический кончил?

Вербов. Да... Работал в управлении у отца. Теперь в науку подался. Диссертация на финише. Защита буквально на днях.

Эн-А. О-о! Вот ведь как у тебя пошло! Молодец!

Вербов. Ваш ученик!

Входят один за другим встревоженные родители, последней — Рымарь, на вид древняя старуха.

Голоса: — Здравствуйте!

— Здравствуйте, Нина Александровна!

Эн-А. Здравствуйте! (К Рымарь.) А вы...

Рымарь (неожиданным басом). Рымарь мы.

Эн-А. А-а... Володина бабушка?

Рымарь. Пра!

Эн-А. Простите, не поняла.

Рымарь. Прабабка, чего тут не понять?.. Как запахнет пороком, так они меня на передний край.

Эн-А. М-да...

Рымарь. А вы, барышня, не сомневайтесь. Я еще с Буденным в Первой конной участвовала.

Эн-А. Рассаживайтесь, рассаживайтесь, товарищи. Разговор не накоротке.

Петунина. Чую, опять мой Миха.

Эн-А. И ваш, и ваш. И Игорь тоже. И Маша моя... Словом, все. Вось девятый «а», до единого человека.

Петунина. В чем же, все-таки, дело?

Эн-А. Девятый «а» выиграл в лотерею «Жигули».

Вербов (после паузы). «Жигули»?!

Губкина. О, господи!

Рымарь. Какие «Жигули»?

Паршин. Это, бабуся, легковуха такая.

Рымарь. Я спрашиваю, какие «Жигули» — ВАЗ-2101 или ВАЗ-2103?

Эн-А. Какая разница?

Рымарь. Большая! У ВАЗ-2103, например, семьдесят пять лошадей! Целый кавалерийский эскадрон!

Вербов. Нет, просто смешно, эта зелень — и «Жигули»!

Эн-А. Ничего смешного! Придумали глупую игру, накупили в складчину сорок лотерейных билетов, и вот, представьте себе, — выиграли!

Паршин. Смотри-ка! Оторвали, охломоны!

Эн-А. Ну что, товарищи! Я вас вот для чего собрала. Надо сразу четко и твердо определиться. Я считаю так: поскольку деньги эти случайные, шальные, так сказать, разумнее всего передать их школе... (Подвывая возникающий, пока еще бессловесный протест части родителей.) Да, да, да! Вы знаете, школа наша старенькая, на ремонт средств не хватает, загородки для каждого класса на вешалке сделать надо. Зимой столпотворение. Сами потом жаловаться ходите: обувь переутали, пальто порвали. Котлы менять надо. Вся отопительная система на ладан дышит...

Паршин. А горono? Пусть горono выделяет, оно обязано! А то все на наших кровных проехать нороят.

Петунина. Какие же они наши, товарищи?

Паршин. А чьи, дядины? Наши охломоны выиграли, значит, и деньги наши.

Губкина. Вообще-то, кормим их, поим, одеваем. На одних нарядах разоришься. То, извиняюсь, короткие, до пупа. То до пят, то опять чуть ли не до подбородка.

Эн-А. Я еще раз повторяю: деньги эти случайные, вы в своих планах на них рассчитывать не могли. А школа есть школа. Она всегда должна быть в центре забот родителей. Тем более, что у многих из вас и младшие дети здесь учатся. Так что встречаться нам с вами еще не год и не два.

Петунина. Ребята сами-то как думают?

Эн-А. Разве ж они думают. Дети! (Петуниной.) Вон Миха ваш. Предлагает пароход купить!

Рымарь. Пароход?.. С размахом ребята.

Петунина. Это он в шутку.

Эн-А. У них все в шутку. Двойки — в шутку, дерзить — в шутку. Теперь выигрыш этот — тоже в шутку.

Уже «главный штаб» по реализации выигрыша придумали. Пишут что-то, шушукуются, хохочут.

Рымарь. А вы бы, барышня, плакали? Выиграть — не проиграть. Тоже, небось, скакали бы до небес. Вот и они. Похохочут — и решат. Не маленькие. Вовка вон наш. Гривастый, усатый, голова под потолок.

Эн-А. А в голове ветерок.

Рымарь. А это им и положено. Я вот в вовкины годá ух и шальная была!

Петунина. И потом, Нина Александровна, это просто как-то нехорошо. Они выиграли, и у них же отобрать.

Эн-А. Я не говорю, что все. Оставить им на развешения рублей триста...

Губкина. Сколько-сколько?

Эн-А. Мало? Ну, пятьсот.

Паршин. Разделить выигрыш на все тридцать два охломона и раздать.

Губкина. Вообще-то, наверное, на тридцать одного. Синицын-то Паша с родителями в Архангельск подался.

Паршин. Еще лучше! Тридцать одна равная доля.

Губкина. А равная ли? Тут еще хорошенько подумать, а то как бы несправедливости не сотворить. Билетов-то больше, чем ребят. Значит, кто-то больше дал денег, кто-то меньше, а кто-то, может, и совсем не дал. И ему тоже доля? Вон Людочка моя, помнится, рубль на билеты брала. А билет тридцать копеек. Значит, вообще-то, ей три доли, да еще на десять копеек сколько положено.

Паршин. Еще чего! Три доли ей! Ишь, какая пряткая!

Эн-А. Перестаньте! Что это такое?

Вербов. Можно мне, Нина Александровна?

Эн-А. Пожалуйста, Юрий Леонидович.

Вербов. По-моему, мы зря горячимся. Денег-то ведь еще нет. И долго не будет.

Губкина. Это почему? Выиграли — отдай!

Вербов. Пока экспертиза, пока то да се. Так что есть время спокойно все обдумать... Может, кто-то из родителей захочет «Жигули» в обмен на деньги взять.

Паршин. Ну, на это ты не рассчитывай! Этот номер у тебя не пройдет!

Вербов. Я не про себя. На кой он мне сдался! У нас новая «Лада».

Паршин. А тогда ты и не суйся!

Вербов. А вы меня, пожалуйста, не тыкайте!

Паршин. Нет, скажи, какой академик выискался!.. Ко мне, если хочешь знать, вот такие водилы дохлые со своими битыми «Ладами» с утра до ночи очередь выстраивают на ремонт! И еще за честь почитают ручку пожать.

Петунина. Родители! Родители!

Вербов. И здорово с них дерете, позвольте полюбопытствовать?

Петунина. Да хватит вам! Завелись!

Рымарь (смеется). Вот вы, барышня, все за ребят переживаете, а тут, я смотрю, как бы взрослые не передрались.

Эн-А. Все! Заканчиваем! Я думала у вас поддержку найти. Все-таки в будущем году выпускной класс. Словом, директор приедет, пусть он вам объяснит.

Опять уже знакомый нам уголок школьного сада.

Идет Физик, он же Макс, он же Максим Максимович. Мимо него, один за другим, пробегает сияющие ребята, среди них Люда в шикарном новом платье.

Люда. Здравствуйте, Максим Максимович!

Физик. Здравствуй... А откуда ты меня знаешь?

Люда. Ой, да вы что! Я же Губкина, из девятого «а».

Физик. Что ты говоришь?! А я тебя опять в новом обличье не признал. Ну, прямо манекенщица.

Люда, пожав плечами, уходит. Идет Корнелия.

Корнелия. Здравствуйте!

Физик. А почему с таким злом?

Корнелия. Не со злом, а с обидой. Кол — это чересчур!

Физик. А сколько надо было?

Корнелия. Двойку как минимум.

Физик. В следующий раз. (Корнелия уходит. Проходящему мимо Лева.) Лева!

Лева. А?

Физик. Здравствуй, Лева. Извини, что не сразу с тобой поздоровался. Мысли, понимаешь, всякие отвлекают.

Лева. Ой, простите, пожалуйста, Максим Максимович.

Лева уходит. Появляется Миха.

Миха. Здравствуйте, Максим Максимович! Я сегодня, наверное, не приду.

Физик. Наверное или наверняка?

Миха. Наверное, наверняка.

Физик. Жаль! А я рассчитывал еще два хрусталика оправить... Может, все-таки вырвешься?

Миха. Сегодня никак, Максим Максимович.

Проходит Игорь.

Физик. Постой!

Игорь. Слушаю вас, Максим Максимович.

Физик. Вот ты, Вербов, парень рассудительный и умный. Объясни мне, пожалуйста, что с вами со всеми происходит?

Игорь. А что?

Физик. Как что? К примеру, три единицы за урок, в том числе и у отличника.

Игорь. Я не в претензии, Максим Максимович.

Физик. Зато я в претензии. Пять двоек! Две кошмарные записи в дневник, учителей не замечаете, в воздухе пахнет бурей. И при всем при этом сияете, как новые полтильники.

Игорь. Ну что вам сказать, Максим Максимович?.. Есть веская причина.

Физик. И, разумеется, материального порядка?

Игорь. Вы просто читаете мысли.

Физик. Увы, это не трудно. Знаешь, у тибетцев есть живое божество Далай-лама. А у вас: Давай-мама. И его верховный жрец «Я хочу».

Игорь. Это вы про меня?

Физик. О присутствующих по правилам хорошего тона говорить не полагается. Так что считай, что на сей раз пронесло.

Игорь. Ну, спасибо, Максим Максимович! (Уходит.)

Миха. Чего он так разозлился?

Физик. Хорошо, если разозлился, это мозги чистит... А вот тебя, брат, если честно сказать, я иной раз и вовсе не понимаю. Ну, помогаешь ты мне. Благодарю!.. Но почему? Почему ты это делаешь? Сказать, что физику страшно любить? Но ведь ты по ней больше ползком. Вот сегодня на уроке, например. Я вызывать стал, а ты глаза спрятал... Ведь спрятал?

Миха. Видите ли, Максим Максимович, э-э...

Физик. Не выучил?

Миха. Нетвердо.

Физик. Полужидко. Газообразно... Так почему ж ты мне все-таки помогаешь? (Пауза.) Нет, какой-то ты, брат, несовременный.

Миха. А какой это — современный?

Физик. Целеустремленный. Деловой. Практичный. Ты мне, я тебе.

Миха. А вы современный, Максим Максимович? Вот вы людям хрусталики...

Физик. С твоей помощью.

Миха. А они вам?

Физик. Эх, брат! И ты про то же!.. Да, на случай, если все-таки надумаешь без меня поработать, я ключ оставлю у Степановых.

Уходит. Миха долго смотрит ему вслед. Потом в задумчивости садится на скамью. Появляются Люда и Корнелия.

Люда. Опять мы первые!

Миха. Если считать меня торичеллево́й пустотой.

Люда. Чего-чего?
Миха. Физик надо учить, а не ползать по ней.
Входят Маша и Игорь, и сразу же начинается заседание Главного штаба.

Игорь. Ледиз энд джентльмэн! Кончаем балдеть, начинаем потеть! В качестве президента Главного штаба по реализации выигрыша считаю заседание открытым... Губка, убери зеркальце, ты не на уроке!..

Маша. Ну что... Большинство за то, чтобы делить поровну. Но есть и другие предложения. Вот такое, например. (Читает.) «Деньги не брать — взять «Жигули» и кататься всем по очереди. Неумеющих водить катают умеющие».

Игорь. Ай да Димка Ведерников! Ай да головешка!

Маша. Подписи нет.

Миха. Договорились не подписывать.

Игорь. И все равно Димка Ведерников. В классе машину водят двое: Димка и ваш покорный слуга. Мне до такого вовек не думаться. Выходит, Димка.

Миха. Ты по существу.

Игорь. А по существу, я... за! (Возгласы возмущения.) Нет, чем плохо? Своя машина! Ни в одном классе нет, а у нас есть. У единственных во всем Советском Союзе! По-моему, просто здорово!

Маша. Перестань дурачиться, Игорь!.. Вот еще... «Сдать деньги в сберкасса, пусть это будет общий фонд класса. Брать оттуда на всякие мероприятия: турпоходы, вечера, балы...»

Игорь. Танцы и так далее. Великолепное предложение!

Корнелия. Прямо!

Игорь. Ты просто не оценила, Корнюша. Вот, скажем, захотелось тебе в кино, а тугриков нема... Обращаешься в фонд. Пишешь заявление. Подаешь Маше. На очередном заседании рассматриваем. Решаем, утверждаем, согласовываем. Через неделю приходи и получай свои пятьдесят копеек. Очень просто!

Маша (считает следующую записку). Вот это уже что-то реальное. (Читает.) «Оставить пятьсот рублей на совместный летний турпоход... Остальные передать в фонд помощи вымирающим видам животных Африки».

Корнелия. Еще чего!

Игорь. Ребята, это же великолепно и благородно! Как вы не понимаете! Нет, не перевелись еще бескорыстные души в наш черствый век! Я считаю — и на турпоход не надо. Все отдать вымирающим животным Африки!

Корнелия. Может, еще и от себя подбросить малость?

Миха. Да ты удавишься!

Люда. Ой, давайте скорее, товарищи!

Маша. Погодите-ка, тут одно любопытное предложение. (Читает.) «Люди вы или звери в двух сериях? Срочно нужны две тысячи рублей. Дам письменное обязательство вернуть с процентами в ближайше десять лет после окончания школы. А на всякую бяку трех с половиной тысяч вам вот так хватит!»

Корнелия. Прямо!

Игорь. Нет, а все-таки у нас в классе сплошные оригиналы. Что ни рожа, то личность!

Миха. А вдруг человеку и в самом деле надо?

Маша. И ты бы дал?

Миха. Ну, если ему очень надо...

Игорь. Да?.. Спасибо, Михаил, спасибо, друг! (Жмет ему руку.) Я знал, что ты добрый малый. Словом, записку эту писал я.

Вбегает Лева.

Лева (очень взволнован). Что, люди, весело вам? А они уже наши деньги делают!

Люда и Корнелия. Кто?!

Лева. Прибегаю домой, а маман мою долю на счетах раскладывает. То — на ремонт, то — на обувь, то — Андрюшке на пионерлагерь... А теперь еще сама Эн-А к ней пожаловала. Сто лет не ходила — вдруг бонжур!

Корнелия. Ой, что же делать?

Игорь. Вот так вот!.. Миха, где билет?

Миха (шарит по карманам). Вот... Нет, не здесь. А-а, вот!

Игорь. Кончай ты эти фокусы с дырявыми карманами!.. Люди, положение усложняется. Они ведь нас замордуют.

Корнелия. Получить в сберкассе деньги и раздать всем по-быстрому!

Игорь. И пусть каждый умирает в одиночку?

Лева. Могут не выдать. Скажут — несовершеннолетние. Еще и билет отберут.

Игорь. Если вот только человечка подходящего найди... (Все переглянулись.) Ну что, до завтра прервемся. Подумаем. Обмозгуем. Все равно сберкасы уже закрыты. Да, насчет билета. Надо назначить лорда-хранителя. А то видели сами, в каких он надежных карманах. Кончится трагедией.

Миха. Я не против. Что-то мне с ним беспокойно.

Люда. Только не я!

Игорь (Маше). Может, ты, чистая и незапятнанная, как белая лилия?

Лева. А что? Комсорг класса!

Миха. Я тоже за.

Игорь. Итак, поздравляю, лорд-хранитель! Миха, вручи билет... Да не так, медведь! Торжественно, церемонно!.. Во-во! И чмокни ручку!.. Смотрите, зарделся весь! Маша. Перестань, Игорь.

Игорь. Задача такая — прощупать бронтозавров, их чаяния, стремления и надежды. А ты, Машенька, смотри, чтобы Нина Александровна к билету не подобралась.

Маша. Что ты! Она совсем не такая.

Игорь. Все они до поры до времени совсем не такие. Словом — доверяй... и прячь!

Маша (рассыпала бумажки с предложениями). Ой!

Миха. Я подберу. (Собирает бумажки с пола.)

Люда. Всё, что ли?

Игорь. Жаль, конечно, с тобой расставаться...

Люда. Тогда — будьте!

Лева. Обожди. Нам ведь по дороге.

Люда. Это в школу. А после школы у меня своя дорога.

Быстро уходит, смотрясь на ходу в зеркальце. Расстроенный Лева тащится вслед.

Корнелия. Игорек, у тебя ведь денег мно-о...

Игорь. Мно-ма... Все в мире относительно, Корнюша.

Корнелия. Вступи еще раз в члены охраны природы.

Игорь. Интригующее начало!

Корнелия. Всего тридцать копеек. Выручи, а, Игорек, ну что тебе стоит! Природа, все-таки.

Игорь. И я против охраны природы. Нечего ее охранять! Пусть сама выкарабкается. Злее будет!.. Пошли, Маша! (Уходят.)

Корнелия (глядя им вслед). Тихо, тихо... Это, кажется, любо-о...

Миха (с фальшивой веселостью). Узрела — ха-ха!

Корнелия. А что, по-твоему? Голимый секс?

Миха. Чего-чего?!

Корнелия. Инстинкт продолжения рода... Хм!.. Что это тебя, как малолетку, от слов шарахает?

Миха. Ох, и трепло ты, Корнюша!

Разозленный, уходит.

Сквер недалеко от кинотеатра.

Бабушки с безмоторными колясками, игра в классики.

В теплом солнечном местечке со своей табуреткой пристроился пожилой дяденька в зимней шапке, шарфом вокруг шеи и валенках с галошами — Продавец «Лотерейного счастья».

Продавец (в руке веер билетов). Ну, налетайте, граждане! Тридцать копеек — и вы ухватили свое счастье за хвост! Вот холодильник! А это мотоцикл — вж-ж!.. А это... Авто!! Счастье! Счастье за тридцать копеек — такая дешевка!

Берут не очень-то бойко — до розыгрыша далеко.

Но вот появляется новая фигура: Человек в защитных очках. Он явно чужой в этом городе. Одет непривычно. Идет, озираясь, оглядываясь с любопытством по сторонам. Все ему интересно.

Продавец (сует ему билет). Вот ваше счастье, гражданин!

Человек (вздрогнул от неожиданности). О!

Продавец. Всего тридцать копеек.

Человек (с явным акцентом). Я... я не понимаю.

Продавец. Счастье, говорю.

Человек. Счастье?

Продавец. Ну, холодильник.

Человек. Счастье есть холодильник?

Продавец. Ну, мотоцикл...

Человек. Счастье есть мотоцикл?.. (Видит Игоря и Машу, которые в это время входят, держась за руки. Им.) Пожалуйста, извините... Как вам смотрится: счастье это холодильник или мотоцикл?

Игорь. Вообще-то и мотоцикл не плохо. Но настоящее счастье — это все-таки машина.

Человек. Нет! Мотоцикл — это мотоцикл. Машина — это машина. А счастье... Это совсем, совсем другое. (Уходит.)

Маша (смотрит ему вслед). Какой странный...

Игорь. Еще один чудик!

Маша. Что ты так зло?

Игорь. А, надоело! Все как все, а они не как все. Только глаза колот. А по-моему, так: не как все — значит, ненормальный. А ненормальный — значит, отправляйся в дурдом. Вот там занимайся, чем хочешь, говори, что хочешь, лай, кукарекай. Там ты будешь не как все... Неудачники, серятина!.. Отличиться им нечем, вот и выпендриваются. Максим Максимовичи всякие...

Маша. Ну это ты уж совсем загнул!

Игорь. А что? Идеалист, скажешь, бесребренник?.. Нет, Машенька! Каждое время выдвигает свои идеалы. Представь себе такого чудика, который в гражданскую войну вопил бы о том, что подавай ему на блюдечке двухэтажную дачу, машину «Волгу» и звание кандидата. Куда б его сунули?

Маша. А теперь подавай? Двухэтажную дачу? Машину? Звание кандидата?

Игорь (превращая все в шутку). А что? Теперь подавай! И плюс еще — личную жизнь!.. Маша! (Хочет ее обнять.) Маша!

Маша (отступая). На блюдечке?

Игорь. Можно и на тарелочке. С голубой каемочкой.

Маша. Нет, Игорь, ты это серьезно?

Игорь. Маша, Маша!.. Я знаешь как серьезно, я знаешь... (Пытается ее поцеловать, но тут замечает приближающуюся Нину Александровну.) Ну, пока!

Отошел от Маши, помахал ей рукой, скрылся.

Маша идет навстречу Нине Александровне, берет ее под руку.

Маша (после паузы). Мама, скажи... тебе нравится Игорь?

Эн-А. В каком смысле?

Маша. Ну... Вообще. Как мужчина. (Эн-А смеется.)

Ну вот!..

Эн-А. Что тебе сказать? Паренек он способный, расудительный... А как мужчина... (Снова смеется.) Он такой же мужчина, как ты женщина.

Маша (задега). А я с ним целовалась.

Эн-А. Маша!

Маша. И ничего! Совершенно ничего не чувствовала.

Эн-А. Перестань сейчас же!

Маша. Целуюсь, а самой хоть бы что!

Эн-А. Ну что это такое? С матерью — и о чем!.. Верно говорят, раньше девушки краснели, когда им было стыдно, а теперь они стыдятся, если вдруг покраснеют!

Маша. Нет, мама, серьезно. Другие почему-то чувствуют, а я вот нет.

Эн-А. Дети вы еще, моя милая, дети! Хоть и килограммов в вас много, и сантиметров. Все у вас еще как

у детей, все!.. Вот возня эта... вокруг выигрыша. Штаб, записочки, хохотушечки... Типичный рецидив раннего детства! А ведь дело-то не шуточное. Шесть тысяч рублей! Да я за всю свою жизнь таких денег в глаза не видела!

Маша (с веселым задором). Хочешь — покажу!

Эн-А. Уже и деньги получили?!

Маша. Деньги еще нет, а вот билет у меня в портфеле.

Эн-А. У тебя? Почему у тебя?

Маша. Лорд-хранитель.

Эн-А. Этого еще не доставало! А если потеряешь?

Маша. Не должна. Общество доверило.

Эн-А. А как вы им распорядитесь?

Маша. Самым наилучшим образом.

Эн-А. Представляю!

Маша. Над этим бьются теперь лучшие умы класса.

Эн-А. Петунин тоже?

Маша. И напрасно ты. Миха парень вовсе не глупый.

Эн-А. Еще бы! Предлагает обзавестись небольшим океанским лайнером.

Маша. Ну, мама, это же несерьезно! И, кроме того, решает не Петунин, не Вербов, не Маша, не Паша. Решим все коллективно.

Эн-А. А может, у вас и билета-то никакого нет? Может, выдумки все это? (Маша молча вытаскивает из портфеля билет, подает Эн-А.) Смотри-ка, в самом деле. (Открывает свою сумочку, кладет билет в нее.)

Маша. Мама!

Эн-А. Так вот, моя милая!

Маша. Мама, отдай! Это же... Это...

Эн-А. Не забывайся, Маша!.. Я куда его не дену. Он опять вернется к вам... если вы правильно решите. А пока пусть полежит в сейфе. Мало ли что? Вдруг и в самом деле пропадет. Представляешь, что тогда будет? (Хочет уйти.)

Маша. Мама, мне же товарищи доверили! (В полном отчаянии.) Это... Это гнусно!

Эн-А. Что-о?! Тебе еще будет стыдно за эти слова!

Маша. Мне уже сейчас стыдно — за тебя! Ты же педагог! Педагог!

Эн-А. (очень резко). Ладно, хватит! Не тебе меня судить!.. В жизни бывают моменты, когда взрослые должны, просто обязаны принять всю тяжесть решения на себя. (Уходит.)

Маша стоит некоторое время в растерянности, потом убегает с криком: «Игорь!.. Миха!.. Скорей! Скорей!»

Идут встревоженные Игорь, Миха, Лева, Корнелия, Маша.

Маша сидит на скамью. Остальные с трагическими лицами молча стоят возле нее.

Игорь. Эх, Маша, Маша-растеряша! Предупреждали ведь тебя!

Миха. Да не вяжись ты! С каждым может случиться.

Игорь. Ну, нет! Чтобы мать шарилась у меня в портфеле...

Маша. Она не шарилась. Просто взяла и все.

Лева (после паузы). Куда она сказала? В сейф?

Маша. Да.

Лева. Нет, сейф исключается.

Игорь. То есть?

Лева. Ключи от сейфа директор в Москву увез.

Игорь. Не доверил? Смотри-ка! А я считал, он у нее под башмаком.

Лева. Да нет, просто оставить забыл... Мне надо было справку вчера заверить — печати не оказалось. Эн-А сказала: заперта в сейфе, а ключ у Петра Николаевича.

Игорь. Любопытно! Значит, билет не в сейфе.

Миха. А какая разница?

Игорь. Дома она его хранить не станет...

Корнелия. В шкафу, в учительской.

Игорь. Умница!.. В ящике завуча. Первый сверху.

Миха. А что — взломаешь?

Игорь. Знаешь, это мысль!

Лева. Не обязательно ломать. Там ключ простой, подобрать можно.

Корнелия. Так что — воровать?

Игорь. Ничего особенного. Экспроприация экспроприатора. Будем рассуждать логично. Билет чей? Наш. У нас его отбирают силой. Законно? Нет, не законно. Мы возвращаем его в родное лоно. Законно? Вполне.

Миха. Девочек мы освобождаем.

Лева. Не женское это дело.

Маша. Нет, я с вами.

Миха. Брось!

Маша. Да, да, да! Я прошляпила, я виновата... Словом, я иду!

Игорь. Женщины в маске. Ну, по домам. Встречаемся в половине двенадцатого. (Корнелии.) А ты?

Корнелия. Я боюсь...

Игорь. Вот что, мать. Позовешь Людку с танцев...

Лева (не в силах скрыть горечь). Так она на танцах?

Игорь. А где еще? Не на концерте же симфоническом!.. Постоишь с ней в наружном охранении. Участвовать должен весь штаб.

Корнелия. А поймают — из школы не выгонят?

Игорь. Не поймают... И потом — билет наш. Свое берем, не чужое... Да и не выгодно им шум поднимать. Школа на первом месте в районе. Пару лишнюю сунуть боятся.

Корнелия. Да? А физик?

Игорь. Ну, этот чудик в счет не идет... Все! А сейчас марш по домам, зубы бронтозаврам заговаривать!

Заговорщики, настороженно озираясь, расходятся.

Учительская. В темноте возникает луч фонарика. Он мечется по комнате и, наконец, останавливается на верхнем ящике шкафа. Сюда, к шкафу, сходятся едва различимые силуэты. Звяканье ключей, приглушенные голоса: «Ну!», «Сильнее, сильнее!», «Пошло, кажется!», «Вот!»

Внезапный свет. На пороге директорского кабинета стоит полураздетый Петр Николаевич с пистолетом в руке.

Петр Николаевич (резко). Руки! (Незадачливые взломщики ошеломленно вскидывают руки.) Так стоять! (Водружая на нос очки, тянет руку к телефону.)

Маша (изумленно). Петр Николаевич?!

Петр Николаевич (узнал, не менее изумленно). Маша?! Вербов?! Петунин?!

Игорь. Вы же в Москве?!

Крадучись, входит Корнелия.

Корнелия (полушепотом). Вы что, с ума посходили! Разорались! И свет... (Увидев Петра Николаевича.) Ой! (Как и прочие, потянула руки вверх.) Здравствуйте, Петр Николаевич!

Петр Николаевич. Привет, Паршина! Еще там кто?

Люда (появилась из-за спины Корнелии). Я, Петр Николаевич.

Петр Николаевич. О!.. Еще кто?

Люда. Все. Я крайняя.

Петр Николаевич. И на том спасибо!.. Что это вы руки к потолку? (Сообразил.) А-а... (Посмотрел с усмешкой на свой пистолет, оказавшийся просто-напросто ключом.) Можете опустить. (Ребята опускают руки.) Ну? (Молчание.) Пятерок, что ли, наставить в журнал хотели?

Игорь. Пятерок и так хоть отбавляй.

Петр Николаевич. Тогда в чем же дело? (Молчание.) Жду вразумительного ответа... Ситуация!.. Директор школы посреди ночи захватывает на месте преступления группу своих девятиклассников, которые решили ограбить родную школу.

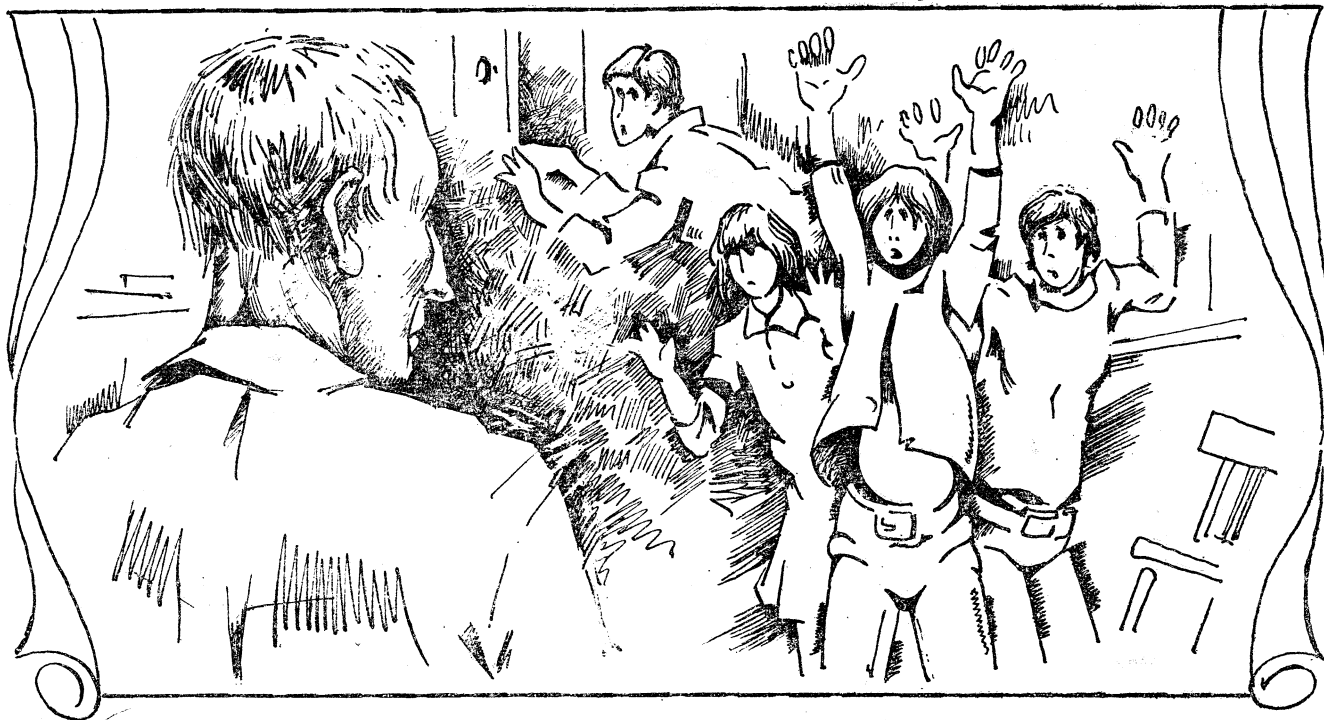
Лева. Наоборот, нас ограбили!

Маша. Билет...

Корнелия. Мы за своим, зачем нам чужое!

Петр Николаевич. Тихо! Не все сразу... Давай ты, Игорь!

Игорь. На нас обрушилось неслыханное бедствие. Мы всем классом купили лотерейные билеты и выиграли машину.

Петр Николаевич. Машину?

Игорь. Автомашину «Жигули», ВАЗ-двадцать одна ноль три. Денежная стоимость шесть тысяч тридцать.

Петр Николаевич. Предположительно или?..

Игорь. Факт, Петр Николаевич. Документально установленный.

Петр Николаевич. Везет же людям! Так, продолжай.

Игорь. Нина Александровна отобрала у нас билет и заперла в сей многоуважаемый шкаф.

Маша (торопливо). Мама боялась, что я его потеряю.

Петр Николаевич. Так-ак... Где же он?

Миха (вытаскивает билет из кармана). Вот...

Петр Николаевич. Уже в кармане?.. Слушайте, да вы просто высококвалифицированные взломщики. (Миха кладет билет на стол перед директором.) Нет-нет, пусть остается у тебя. Что я «Жигулей» не видел?.. И — спокойной ночи. Ну, что стоите?.. Спокойной ночи!

Миха (растерянно). А билет?

Петр Николаевич. Возьмите. Он ведь ваш.

Корнелия (не веря ушам). И нам ничего не будет?

Петр Николаевич. Я же сказал — спокойной ночи!

Ребята (обрадованно, наперебой). Спокойной ночи! Спасибо!

Маша. Спасибо, Петр Николаевич.

Уходят счастливые. Петр Николаевич гасит свет, идет в свой кабинет. Некоторое время в учительской темно. Затем у двери возникает неясная фигура. Тьму пронзает луч карманного фонарика. Фигура направляется к шкафу.

Вспыхивает яркий свет.

Эн-А. (в испуге). А-а!

Друг против друга стоят Петр Николаевич и Нина Александровна.

Эн-А. Вы?

Петр Николаевич. Интересно, дадут мне сегодня спать или не дадут?

Эн-А. Как вы здесь очутились? Вы же в Москве.

Петр Николаевич. Да вот, прилетел по недомыслию раньше времени, а на двери квартиры записка: «Осторожно, полы покрашены». А в кабинете у меня диван. А вы?

Эн-А. Увидела среди ночи свет в учительской, заволоновалась и...

Петр Николаевич. Можете не волноваться, билет цел.

Эн-А. Вы... вы знаете?

Петр Николаевич. Владельцы приходили за ним.

Эн-А. Этого еще не хватало. (Кинулась к шкафу.)

Петр Николаевич. Успокойтесь, там его уже нет.

Эн-А. Как?!

Петр Николаевич. Я им отдал.

Эн-А. Вы с ума сошли!

Петр Николаевич. Да нет, пока не жалуюсь.

Эн-А. Я с таким трудом его добыла...

Петр Николаевич. И напрасно. Билет их?

Эн-А. Да, но...

Петр Николаевич. Пусть они и решают.

Эн-А (после паузы). Ну, Петр Николаевич, если бы это сказала Ирина Анатольевна... Но вы... Порази-тельно!

Петр Николаевич. А что, собственно, плохого сделала Ирина Анатольевна? Пришла в школу в брюках? Ведь и в министерстве так ходят, даю вам честное слово, сам видел! Урок провела в парке, а не в классе? Опять же, честное слово, я ей даже позавидовал. Вот, молодец! Такая жарница, а мы все паримся в душных кабинетах.

Эн-А. Давайте, давайте! Заигрывайте! Потакайте! Сегодня они шапки с прохожих срывают, а завтра будут головы отрывать.

Петр Николаевич. Шапки срывают не ученики, а преступники. Зачем же путать, Нина Александровна...

Бежит из школы Катя. Ей навстречу Человек в защитных очках.

Человек. Пожалуйста, скажите, это есть улица Весенний?

Катя. Ага!.. А вы кто?

Человек. Ну, как говорить... Я есть человек.

Катя. Э-э... Человеки ведь разные бывают. Есть учитель. Есть пожарник. А еще бывает... артист!

Человек. Нет, я не есть артист. Я есть инженер... Только особенный... Как говорить?.. Огневой инженер.

Катя. Ракетчик?

Человек. Нет ракетчик... Когда в небе огонь. Очень много огонь. Сверкает. Искрит. Вертит. Красный, синий, зеленый. Красиво! Очень красиво!

Катя. А, салют!

Человек. Нет... (Вспомнил нужное слово.) Фейерверк!

Катя. Фейерверк? Это же — во! Я в кино видела.

Человек. Вот я есть инженер-фейерверкер.

Катя. Это же красотища какая! Это же чудо какое!

Человек в защитных очках улыбается. Треплет ее ласково по щеке, уходит. Катя долго смотрит ему вслед.

А на другом конце улицы ведут между собой разговор два брата.

Вербов. Так вот, старичок!.. Телеграмма от наших черноморов. В среду прилетают.

Игорь. Слава тебе, господи! Надоело жрать по ресторанам.

Вербов. А вы все играетесь?

Игорь. Да, знаешь, развеселая такая игра.

Вербов. Игрушку второй раз еще не отобрали? (Игорь вынул из кармана бумажник, из него билет, продемонстрировал молча, дунул на него, аккуратно вложил в бумажник.) О-о!

Игорь. Вот так-то, Юрий Леонидович!

Вербов. И что думаете с ним делать?

Игорь. Делить, наверное, придется. Обложили со всех сторон.

Вербов. Твоя доля рублей двести?

Игорь. Да, суший пустячок!.. Вот если бы другое повернуть...

Вербов. Один получает все?

Игорь. Смотри-ка, сообразил!

Вербов. Гены, старичок, гены!.. А что мешает?

Игорь. Сам колеблюсь. Шанс маловат — один на тридцать. А так все-таки двести достанется. Еще столько же — и электрогитара. Правда, самая дубинистая.

Вербов. А гитара твоей мечты?

Игорь. Ну это и вовсе не реально! Шестьсот, семьсот... Вот если только родные-знакомые... (Смотрит на брата с надеждой).

Вербов. Ты мой лозунг знаешь?

Игорь. Хочешь жить — умеешь вертеться?

Вербов. Что ты, старичок! Вертеться — пошло! Это значит, кто-то другой тебя крутит. Не-ет!.. «Хочешь жить — умеешь вертеть!» Другими вертеть!.. Вот сумей уговорить свою зеленку разыграть билет. И сразу же сведи меня со счастливым человеком.

Игорь. И...

Вербов. Мне нужен билет.

Игорь. Это я уже усек.

Вербов. А я гарантирую гитару.

Игорь. Другой разговор!

Игорь, как всегда, улыбающийся, веселый, направляется к скамье, где его ждут одноклассники — члены Главного штаба.

Игорь. Не вижу кворума... Губка где?

Корнелия. Что-то у нее дома. С матерью сцепилась — жути!

Игорь. Выкрутится! Она такая... Так вот, товари-

ши, ископаемые бодрствуют, ископаемые плетут свои сети. Они жестоки и коварны.

Миха. Ну и пусть!

Игорь. Ты навен, Миха, если не сказать больше. Школа! Горono! Наши с вами горячо любимые тиранозавры! Думаешь, они так легко выпустят из своих когтей этот жирный кусок? Не-е!.. «Откуда у детей деньги на билеты? Это наши деньги! Значит, и выигрыш наш!» Помните мое слово — они еще в сберкассы обратятся, они милицию призовут, суд, прокуратуру... И отберут!

Миха. Пусть только попробуют!

Игорь. И пробовать им нечего! Отберут — и все! А, Лева?

Лева. Вообще-то могут.

Игорь. С их точки зрения мы неполноценные люди, низшая раса.

Корнелия. Давайте лучше разделим! Хоть по сколько достанется. А так — фиг!

Вбегает Люда в умопомрачительном платье.

Люда. Я не опоздала, товарищи?

Корнелия (с восхищением, с завистью). Ой, Людка! Бесподо-о!..

Лева (презрительно). Витрина ходячая.

Люда. Понимаете, еле от матери отвызалась.

Игорь. Сказано, не делай культа из родителей!

Люда. Вот не пушу и не пушу! Деньги наши, а не ваши — сама у меня на билет рубль брала!

Игорь. Так-так...

Люда. В милицию пойду, в суд пойду.

Игорь. Вот, пожалуйста!

Люда. Что, ваши тоже?

Миха. Я бы не сказал.

Корнелия. Давайте делить — и конец!

Игорь. Делить, делить... А что делить? Билет, что ли?.. Слушайте, братцы, а если... (Великий притвора, он довольно умело изображает, что мысль, которую сейчас выскажет, только-только пришла ему в голову.) Да ну их всех к чергу! Кто мы, в конце концов, гагары или буревестники! Жирные мещане или люди смелого риска! Давайте так: все или ничего! Это же колоссально! Колоссально!!

Лева. Ну, а теперь переведи с языка эмоций на язык понятий.

Миха. Разыграть, что ли?

Игорь. Михаил! Талант! Гений! Я всю жизнь буду гордиться, что пребывал с тобой в одном классе! Именно разыграть! Один получает все!

Корнелия. А другие?

Игорь. А другие, соответственно, ничего.

Корнелия. Прямо!

Игорь. Зато какой шанс, мать! Это же только раз в жизни! Нет, ты подумай! Одно движение руки — и ты вытягиваешь машину! Шесть тысяч тридцать! Они твои!

Маша. Ну, допустим, разыграем! А на что тратить? Одному?

Игорь. На что хочешь! На путевку в Монте-Карло! На строительство общественной бани! На собственный бюст из бронзы! На что хочешь! Понятно?

Миха (недоверчиво). И у всех равные шансы?

Игорь. Ну, само собой! Тридцать бумажек пустых, а на одной крестик... Смотрите, товарищи, я ведь в порядке предложения, Или будем делить? Каждому по дольке? А?

Миха. Ну ее — дольку!

Лева. Лучше уж разом — все или ничего!

Маша. Разыграем!

Игорь. Ну что? Готовить бумажки?

Люда. Ой, как интересно!..

Дальнейшее происходит в считанные секунды. Лихорадочно заготавливают бумажки, разыгрывают мигом. И в результате...

Ликует Миха! Размахивая рукой с зажатой в кулаке бумажкой, он исполняет победный танец индейского племени ирокезов.

Миха (орет). У меня! У меня!

Игорь. Врешь! Покажи!

Миха. Вот! Вот!

Игорь (не скрывая досады). Везунчик чертов!

Корнелия (чуть не плача). Вот! Остались мы все с носом!

Миха (все еще никак не придет в себя, прыгает, кричит). У меня! У меня-а! Ура! Ура!

Куда бежать с такой радостью? Конечно же, домой. Обрадовать мать, сестренку...

Миха (вбегая в комнату). Мама! Катька!.. Где они? (Швырнул портфель в угол дивана. Звонок.) Заходите, там открыто! (Входит Корнелия.) Корнюша?! Чего тебе? (Корнелия молчит.) А-а... Давай, давай, подписывай на охрану природы. Может, даже трижды. Трижды член общества охраны природы — такого еще не бывало!

Корнелия. Давай деньги!

Миха (шарит по карманам). А вот сейчас соберу. Сколько надо?

Корнелия. Не эти. Сто девяносто четыре рубля. Мои!

Миха. Какие твои?

Корнелия. Моя доля!.. И еще пятьдесят копеек.

Миха. Так. Начинается... Мы же, кажется, разыграли.

Корнелия. Отдай, слышишь!

Миха. Вот заладила! Неужели ты думаешь, я себе заграбастаю?

Корнелия (не слушает, перебивает). Отдай! Хуже будет!

Миха. Что?!

Корнелия. Я отцу скажу! Я к Нине Александровне пойду! К директору!

Миха. Да иди ты... к кому хочешь! Что я, нечестным путем? Тянул жребий как все. Как ты, между прочим!

Корнелия. Я не хотела. Вы меня обдурили! (Заревела.)

Миха. Ну даешь!.. Ладно, получу выигрыш, отдам!

Корнелия. Прямо! Знаем мы вас!

Миха. Сказано отдам, значит, отдам!

Корнелия. Нет, сейчас!

Миха. Ох и зануда! Где я тебе сейчас возьму? Вот он, билет. Я же еще не получил.

Корнелия. Ничего не знаю. Давай деньги — и все. Или билет отдай!

Миха. Совсем взбесилась!

Корнелия. Не отдашь?

Миха. Да где ж я тебе... Погоди... (Идет в соседнюю комнату, приносит две сторублевки, швыряет на стол.) На, подавись!

Корнелия. Сколько здесь!

Миха. Ты что — считать разучилась? Сто да сто — тыща!

Корнелия. У меня сдачи нет.

Миха. Сделай фокус — скройся с глаз! Ну! Быстро!

Корнелия. Прямо! (Гордо удаляется.)

Миха (не может успокоиться). Вот это да! Вот это Корнюша!

Входит Маша.

Маша. Привет! (Миха оцепенел.) Ну что молчишь? Или ты теперь с простыми смертными разговариваешь только в приемные часы?

Миха (все еще в оцепенении). Ты?!

Маша. Нет. Одна моя видимость.

Миха. Как... ты пришла?..

Маша. Через дверь. А как у вас ходят?.. Слушай, может быть, ты все-таки сесть предложишь?

Миха. Ну да! Ну да! (Заметался по комнате.) Вот сюда!.. Это ты здорово!.. Нет, сюда! Здесь лучше... Это ты очень здорово! (Наконец усадил.)

Маша (оглядываясь по сторонам). Вот как ты живешь. Это барометр такой?

Миха. Ага! Старинный. Только он наоборот. Великая сушь — значит, зальет. Буря — значит, сгорит все. (На часы.) А вот часы с боем...

Маша. А-а... (Неловкая пауза.) Слушай, Миха, ну, разыграли, ну ты выиграл. Но ведь нельзя же одному...

Миха (сразу ошетинился). Так вот ты зачем пришла?!

Маша. Зачем?

Миха. Тебе тоже?

Маша. Что — тоже?

Миха (яростно). Отдать! Твою долю! Сто восемьдесят девять рублей? Да? Да?

Маша. Ты чего разорался?

Миха. Нет у меня больше! Нет!.. (Выворачивает карманы.) На, сорок копеек!.. Нет, вот еще две... Остальные записи на мой счет. Получу — отдам! Ясно?.. Ну и штучки у нас в классе! Ну и штучки!.. Что молчишь?

Маша. Жду, когда у тебя припадок кончится.

Миха. Уже кончился... Ну?

Маша. Что думаешь делать с выигрышем?

Миха. Мое личное дело!

Маша. Ты комсомолец!

Миха. А-а, значит, ты пришла как секретарь? Не как Маша, не как... товарищ, а как секретарь?.. Ясненько!

Маша. Так скажешь?

Миха. Скажу! Скажу! А чего не сказать? Мне скрывать нечего... Вот получу в сберкассе все тысячи, закажу роскошный стенд «Передовые люди нашего класса» и выставлю в сквере. На мраморном постаменте!

Маша. Миха, образумься!..

Миха. А не устраивает, так вали отсюда на четвертой скорости!.. (Орет.) Пришла тут меня поучать! Хватит, сам ученый!

Маша, возмущенная, уходит. И тут же, словно ждал за дверью, входит Лева с портфелем.

Лева (оглядываясь). Чего она такая?

Миха (прежним тоном). И этот теперь! Великий марочник!

Лева. Миха...

Миха. Знаю, что ты скажешь, знаю! Образумься, Миха! Коллектив смотрит на тебя! Шестидесят голубых и карих глаз! Коллектив на тебя рассчитывает! (Лева что-то хочет сказать, он не дает.) Дудки!

Лева. Ну, цирк!.. На! (Подает портфель.)

Миха. Чего?

Лева. Твой персональный портфель. От радости с моим перепутал. (Берет портфель с дивана, хочет уйти.)

Миха. погоди! Зачем пришел?

Лева. Ты что, рехнулся? Вот за этим.

Миха. И все?

Лева. А чего еще?

Миха. А билет? А доля твоя? А куда мне деньги тратить?

Лева. Мне-то какое дело? Ты выиграл, ты и ломай себе башку!.. Тик-так! (Уходит.)

Миха стоит с озадаченным видом и вдруг начинает дико хохотать. Входит Игорь.

Игорь. Здорово!

Миха (сквозь смех). А я ему, понимаешь, дудки! И я ему — дудки!

Игорь. Какие еще дудки!

Миха (сразу кончил смеяться). Что у вас сегодня, демонстрация?

Игорь. Какая демонстрация?

Миха. Первомайская! Вот идут и идут. Ну, что тебе? Пальто, что ли, с тобой сменял? Или кепку? А, может, потренировать тебя в шашки?

Игорь (в сторону прихожей). Он здесь, Юра, входи! Входит Вербов. В руке портфель.

Вербов. Здравствуй!

Миха (агрессивно). Хау ду ю ду!

Игорь. Я обещал тебя к нему привести — вот он. А теперь ты сам с этим психом разговаривай.

Вербов. Да, иди, иди! (Игорь уходит.)

Миха (уселся, всем своим видом демонстрируя, что не боится ни бога, ни черта, ни старших братьев своих соклассников). Я вас очень внимательно слушаю.

Вербов. Что такой взъерошенный?

Миха. А я с шести до восьми всегда такой.

Вербов. Ну, что с билетом будешь делать?

Миха. Кушать. Резать на такие вот манюсенские кусочки и кушать три раза в день перед едой.

Вербов (ему в тон). Да, говорят, от двоек здорово

помогает. Только запивать надо теплым чаем, а то застревает... Машину будешь брать? Или деньгами?

Миха. Захочу — машину. Захочу — деньгами. Посторонним не интересно.

Вербов. Машину не советую. Во-первых, ставить негде. С гаражом маята, по себе знаю. Во-вторых, водительских прав до восемнадцати тебе не дадут.

Миха (все еще с иронией). Значит, деньгами советуете?

Вербов. Тоже как сказать. Сунешься в сберкассу, а там тебе от ворот поворот. Несовершеннолетний! Приходи с мамой, с папой, с учителями... А учителя, как узнают про вашу вторую лотерею...

Миха. Словом, как написано на вокзале: выхода нет!

Вербов. Почему это нет? Выход всегда есть. Даже на вокзале. Надо только знать, в какую дверь су- нуться.

Миха. А в какую вы советуете?

Вербов. В какую?.. (Открывает портфель и начина- ет выкладывать перед изумленным Михай одну пачку за другой.) Вот... Ровно шесть тысяч тридцать. Можешь пересчитать, а можешь и не пересчитывать.

Миха (обретая дар речи). Как... как же так?

Вербов. Да очень просто! Я тебе шесть тысяч тридцать, а ты мне выигрышный билет... Машина срочно нужна, понимаешь? Нет, не для себя, у меня есть. Для приятеля одного... Ну как? Согласен?

Миха. Какой разговор? Я вам очень благодарен. Вот! (Отдает ему билет.)

Вербов. Газетка при тебе? (Миха сует ему газету, Вербов сверяет номер. Удовлетворенно.) Все в порядке! Как говорится, высокие договаривающиеся стороны при- шли к полному согласию... Газетку я заберу. Хочешь — считай!

Миха. Да нет, что вы! Я же вижу.

Вербов. Вообще-то тут точно — в сберкассе не ошибутся... Ну, будь здоров! Не советую разбазаривать по мелочи. Кусочками уходит незаметно... (Уходит.)

Миха. Черт знает что! (Вышагивает вокруг стола с пачками денег на нем. Сложит грудкой, снова перело- жит. Опять вышагивает.) С ума сойти! Миллион! (Садит- ся в кресло. Сидит, развалился.)

Входит Губкина. Осматривается.

Губкина. А старшие дома есть?

Миха. Есть... Я, например!

Губкина. Какой же ты старший!

Миха. А как же! Старший из младших!

Губкина. А еще?

Миха. А еще — никого. Ни старших, ни младших.

Губкина. Вообще-то и с тобой можно поговорить. Ведь можно?

Миха (недоумевая). Ну, можно...

Губкина. Только вот как с тобой разговаривать? Молодые, красивые, сильные, счастливые — разве ж вы поймете?.. Вот перед тобой женщина... Да какая там жен- щина — баба! Разнесчастная баба! (Всклипывает.)

Миха (испуганно). Вы что?

Губкина. Вот у тебя мама есть. Напоят, накормит, спать укладет. А у Люды моей не будет... Знаешь, что такое недостача?.. И у Петеньки моего не будет. Трех годков ему еще нет. Пропаду-ут! (Плачет.)

Миха (растерянно). Да вы садитесь. Может, воды дать?

Губкина (кивает, пьет поданную воду). Недостача! Посадят!.. И, главное, хоть бы взяла себе что, хоть бы взяла! Одна надежда была — на Людкину долю. Все-таки шестьсот рублей... Дуреха! Ей-то что! А малой как? Без матери-то? Пропадет.

Миха. Шестьсот рублей?

Губкина. Так Людка же рупь на билеты давала. Шестьсот ровно и выходит. Про копейки я и не говорю. Внести шестьсот в кассу — и прикроют дело.

Миха. Ну... Возьмите... Здесь пятьсот. А здесь сто.

Губкина (собралась считать, но передумала). Ладно

уж!.. А у тебя много! Ох и много! Мать-то твоя как об- радуется!.. А Людка моя дуреха, ну, форменная дуреха!

Уходит. Миха ошарашенно смотрит ей вслед.

Вбегает Катька, вслед за ней Петунина.

Петунина. Почему дверь настежь? (Увидела день- ги.) Батюшки! Что это?

Миха. Миллион! Без шестисот рублей миллион!

Петунина. Я тебя серьезно спрашиваю!

Миха. Мы билет разыграли — все достается одному. Ну, я не будь дурак — взял и выиграл.

Катька. Та лотерейка?!

Петунина (пришла в себя). Убирай! Немедленно! Чтобы духу их здесь не было!

Миха (растерянно). Ты чего, мам?

Петунина. Убирай! Уноси! В школу отдай! В банк! В милицию — куда хочешь! Чтобы ни одной ко- пейки тут не осталось! (Сгрэбла деньги в портфель, по- дала Михе.)

Миха. Вот тебе раз! Да куда ж я...

Петунина. Ну!.. (Миха вытаскивает из портфеля две пачки, кладет на стол.) Убери сейчас же!

Миха. Да это твои двести! Твои!

Петунина. Мои?

Миха. Из сумочки.

Петунина. Не ври! У меня там две бумажки по сто.

Миха. Бумажки я Корнюше отдал... Все законно, ты не сомневайся.

Петунина. А эти... унеси сейчас же! Чтоб в моем доме чужих денег не было!

Миха. Да какие же они чужие?

Петунина. Что я сказала?

Миха. Мама...

Петунина. Ну?! (Миха двинулся к двери.) И не смей с ними возвращаться!

Комната, куда мы попадаем теперь в результате раз- вивающихся событий, обставлена совсем не так, как у Михи.

Мягкий финский кабинетный гарнитур. Ковры — на полу, на стенах, на потолке, правда, их нет, там люстра с хрустальными сосульками.

Игорь в одиночестве гоняет стереомагнитофон.

И вдруг звонок у входной двери. Тоже не как у Ми- хи: серебристое переливчатое журчание. Игорь идет от- крывать, возвращается с Михайой.

Игорь. Вот уж кого не ждал!

Миха. Где брат?

Игорь. А тебе, собственно, какое дело?

Миха. Есть у нас с ним один общий интерес. Ты что, не в курсе?

Игорь. Ну, предположим, ушел к одной знакомой.

Миха. Сбегай, позови!

Игорь. Хо-хо!

Миха. Имей в виду (хлопает по портфелю), здесь изрядная сумма.

Игорь (другим тоном). Что произошло?

Миха. Только с ним. И только с глазу на глаз.

Игорь. Все-таки что-то случилось? (Миха, не отве- чая, усаживается в кресло.) Ладно, черт с тобой! (Быстро уходит.)

Миха один, подходит к телефону, набирает номер.

Миха. Маша?.. Это я... Нет, погоди, не бросай!.. Фу ты, черт! (Опять набирает номер.) Дура ты после этого, форменная дуреха!.. Ох, извините, Нина Александровна! (Положил трубку, смотрит на нее с ужасом.)

Долгий звонок, словно палец не снимают с кнопки.

Миха. Ничего себе!.. Да, да, да!..

Спешит к двери, возвращается с Парнем в клетчатом пиджаке. У того с собой зачехленная гитара.

Миха. Не обязательно так трезвонить. Не глухие. Парень. Извините, кнопку заело. Это ведь восьмая квартира?

Миха. Восьмая.

Парень. Вербовых?
Миха. Да, Вербовых.
Парень. Ну, все правильно. Юрий Леонидович, как я догадываюсь, отсутствует?

Миха. Никого нет.
Парень. Да, разумеется. Мы с ним условились на одиннадцать, но ситуация изменилась, в одиннадцать мне никак. (Снял чехол с гитары, повертел ее в руках.) Нравится?

Миха. Ничего...
Парень. Держите!.. Да держите же! (Миха, недоумевая, берет гитару.) Возьмите аккорд... Да не бойтесь же! (Миха, уступая ему, проводит рукой по струнам.) Клёво, а?.. «Звук гитары семиструнной улаждал гусаров слух» — не знаете?.. Деньги, прямо скажем, не малые, но она их стоит, стоит... (Миха хочет вернуть ему гитару.) Нет, нет! Это вам. За комиссию.

Миха. За комиссию?
Парень (засмеялся). Напрасно! Со мной хитрить не надо, я вполне в курсе. И каким ветром лотерею надуло, и все прочее. Юрий Леонидович специально для вас эту симпатичную бренчалочку заказывал. Теперь ясно?

Миха. А... «Жигули».. вам?
Парень. Мне?.. На сей раз нет. Конкурент слишком серьезный. В перспективе, разумеется, буду и я резиной по асфальту шуршать, но чуть позже, чуть позже... Ну что? Юрию Леонидовичу передайте, пожалуйста,— все свершилось. Словом, как говорят наши друзья марсиане, аллес о-кей!.. А вы, я смотрю, очень смахиваете на Юрия Леонидовича. Рот, нос, все прочее. «Черты семейного портрета, портрет семейный на стене...» Чье это, а? (Посмотрел на часы.) Ох, я уже опаздываю, извините, извините! (Исчезает.)

Миха (один, после паузы.) Гады! Гады! Гады!
Убегает.

И снова Маша, Лева и Миха у своей любимой скамейки.

Ребята долго молчат. Все потрясены случившимся.

Лева. Жулик он, этот преуспевающий брат. Самый настоящий жулик! А Игорь! Комиссионные на нас заработал. Тьфу!.. Ты бы хоть по этой гитаре разок прошелся.

Миха. Как?
Лева. Да обыкновенно! Ногами. Чтобы она помягче стала. У, жулье!

Маша. Все мы хороши! Свалились эти деньги — и сразу глаза на лоб. Мне! Мне! Мне!

Миха. Как же теперь быть, а, ребята?

Лева. Ну как быть? Жить дальше.

Маша. Мне уже думать о них противно.

Лева. И все-таки шесть тысяч тридцать!

Миха (мрачно). Пять двести тридцать!

Лева (присвистнул). Как?! Восемьсот уже фуганул?! Ничего себе!

Маша. На что?

Миха. Корнюше двести...

Лева. Корнюше?!

Миха. Вырвала, можно сказать, с мясом. У меня тогда даже денег не было, пришлось материны отдать.

Маша. Это когда я ее у тебя на лестнице встретила?

Миха. Ну да.

Маша. Так вот ты с чего озверел!

Лева. А еще шестьсот?

Миха. Губкиной.

Лева (неприятно поражен). Людке?!

Миха. Да нет — маме. Растрата у нее или, как там называется, когда перевес больше недовеса.

Лева. Я бы не дал! Ни копыя!

Миха. Пришла, плачет...

Лева. За шестьсот рублей и я бы тебе озеро наревел!

Вбегает Люда. Опять в новом наряде.

Люда. Вот вы где! Все обегала, пока сообразила...

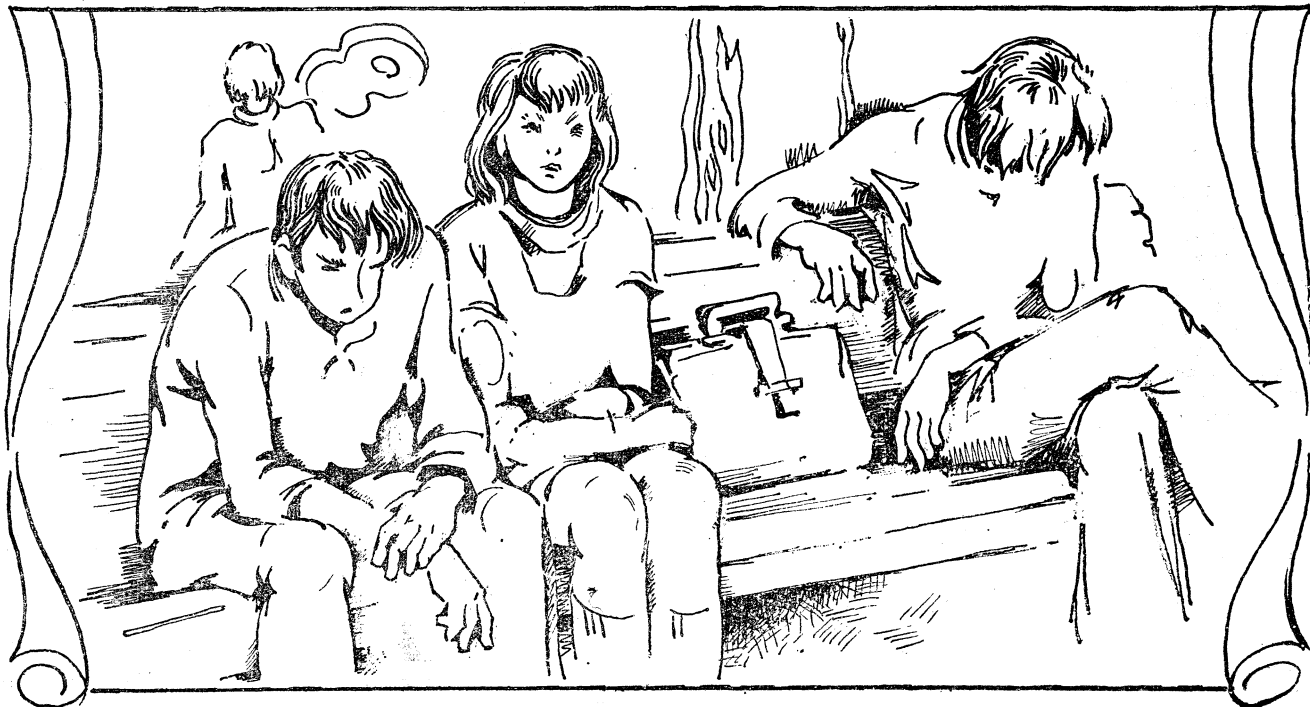
На! (Кладет перед Михайой пачку денег.) Шестьсот. Считай!

Миха. А... а... почему?

Люда. Нипочему. Мать возвращает. Не нужно ей.

Миха. Как это не нужно? У нее ведь...

Люда (перебивая). Ничего у нее нет.

Миха. Но...
Люда. И все!
Миха. Она сказала...
Люда. А я сказала — все!
Лева. И правильно! У самих денег невпроворот...
Люда. А ты откуда знаешь — впроворот, невпроворот?

Лева. Что тут знать? И так видно. Одни танцы-замаранцы! Ходит, как кукла. Сегодня одно шуметь, завтра другое, послезавтра третье. Рюшечки, брющечки, финти-флюшечки!

Маша. Что ты на нее наскочил? Каждый одевается, как может.

Люда. Нет, пусть, пусть!

Лева. Расфуфырится, как новогодняя елка! Чтобы все на нее пялились!

Люда. А знаешь ли ты, умник-разумник, что у меня вообще ничего своего нет. Нет! Ничего! Один внешний вид! Мать со склада принесет — и на меня, обнашивать. Новое на бараколку не поташишь, придаться могут. Вот я все и обнашиваю, обнашиваю, обнашиваю. Туда — сюда! С меня — и на бараколку, с меня — и на бараколку!..

Долгая пауза.

Миха. Так она что... ворует?

Лева. Заткнись!.. Не ворует, а это... спекулирует.

Люда. Мне от этого не легче.

Маша. Ой, Люда...

Люда. Вот тебе и Люда! Она уже и Петеньку приспособила. Для младшего возраста обнашивать... Только не растрезвоньте, слышите?

Лева (после паузы). Понимаешь, Люда... Я ведь не знал.

Люда. Я сказала — все!

Маша. Значит, у нас теперь пять тысяч восемьсот тридцать.

Люда. Почему у нас? У Михи.

Миха. Михя все возвращает обществу.

Долгая пауза.

Лева (со злостью). Так что, делить, что ли, будем?

Люда. Делить?!

Маша. Сам ты бери и дели!

Лева. А ты на меня не ори!

Маша. Кто орет, интересно! Кто орет?!

Люда. Товарищи, товарищи! Ведь были еще какие-то предложения.

Лева (с той же злостью). Какие? Какие?

Люда. Ну... всякие...

Лева. Кататься все по очереди? Брать из фонда на танцы?

Маша. Там еще какой-то идиот две тысячи просил.

Миха. Это я просил.

Маша. Зачем тебе? (Миха молчит.) Зачем тебе две тысячи? (Молчит.) Стенд на мраморном постаменте?

Люда. Какой стенд?.. Товарищи, какой стенд?

Миха (после паузы, мрачно). Квартиру надо двухкомнатную.

Лева. Ка-во?!

Люда. Жениться надумал!

Миха. Не мне, не мне, дурачь! Человеку одному! Такому человеку! Вам и не снилось!.. (Решился.) Пошли! Пошли, ну!

Уходит первым, все остальные за ним.

Миха водит ребят по необычной однокомнатной квартире. Повсюду какие-то таблицы, инструменты. Даже два станка, как в мастерской.

А вот кухня, наоборот, больше похожа на жилую комнату. Из-за шкафа торчит край раскладушки. Посреди кухни — детская лошадка, заводной грузовичок, кубики.

Миха (продолжая давать разъяснения, на манер гида). Он людям зрение спасает, ему академики пишут, благодарностей сколько. А живет... Сами видите...

Маша (осматриваясь). А здесь у него что?

Миха. Кухня... Вроде бы... Здесь и едят, здесь и спят.

Маша. Как спят?

Миха. Очень просто. На раскладушках. Трое взрослых и еще ребятенок.

Люда. А та комната?

Лева. Да ты что — слепая?

Миха. Там он работает, там одни станки.

Маша. Кто он? (Миха молчит.)

Люда. Мы его знаем?

Маша. Михя, кто здесь живет? (Молчание.)

Входит Человек в защитных очках.

Человек. Здравствуйте...

Ребята (растерянно). Здравствуйте... Здравствуйте...

Человек. А Максим Максимович... Не есть здесь?

Маша. Максим Максимович?

Лева. Какой Максим Максимович?

Человек. Максим Максимович Исаев.

Все ребята воззрились на Миху.

Люда. Как?! Так это...

Человек. Дом шесть? Квартира номер десять?

Миха. С квартирой все правильно. Только Максима Максимовича нет дома. Он на садовый участок поехал.

Человек. О! Это есть далеко?

Миха. Километров тридцать.

Человек. О!.. Как же мне теперь делать?! Я же утром шесть часов должен улетать.

Миха. Вы специально к нему?

Человек. Специально, специально!.. Почему же так? Я телеграмм давал. Неужели не получал?

Миха. Бывает... А у вас к Максиму Максимовичу важное дело? Может, что передать?

Человек. Нет передать! Я сам должен видеть Максима Максимовича.

Миха. Что-нибудь случилось?

Человек. Случилось?! Вот! (Снимает очки.) Я вижу! Вас. Вас... Но я не видел. Был... как это?.. Бум! Бац!

Лева. Взрыв?

Человек. Да! Прошлый год назад был случайный взрыв фейерверк — и я ничего больше не видел. Докторы у нас очень много делали — я все равно ничего не видел. Потом Москва, академик Ларионов. Все равно ничего! Все черный, как будто всегда ночь... И потом... эти стёклаки.

Миха. Хрусталики.

Человек. О да, хрусталики. Максим Максимович делал и присылал. И я опять стал смотреть. Небо, земля, люди. Красный, синий, голубой. Это чудо! Чудо!

Люда. Ужас какой! Кусочек стекла — и в глаз!

Миха. Тут все дело в просветляющей пленке.

Человек. О да! Пленка! Академик Ларионов говорит — весь мир больше нет такой пленки.

Миха. Тридцать лет Максим Максимович над ней бился. Как с фронта пришел — так и начал.

Человек. Вот я и летел Максим Максимович спасибо сказать. А он нет тут!

Лева. Знаете что! Хотите, я вас к нему провожу? На электричку — и через полчаса там.

Человек. О! Конечно, конечно! Спасибо! Большое спасибо!.. До свидания!

Уходит с Левого. Михя их провожает к дверям.

Люда. Ну, кино. Максим Максимович! Наш Макс!

Маша (как бы сама с собой). Странно!.. Кто-то над ним смеется, кто-то его жалеет, кого-то он злит... А он... Хрусталики для людей вытачивает...

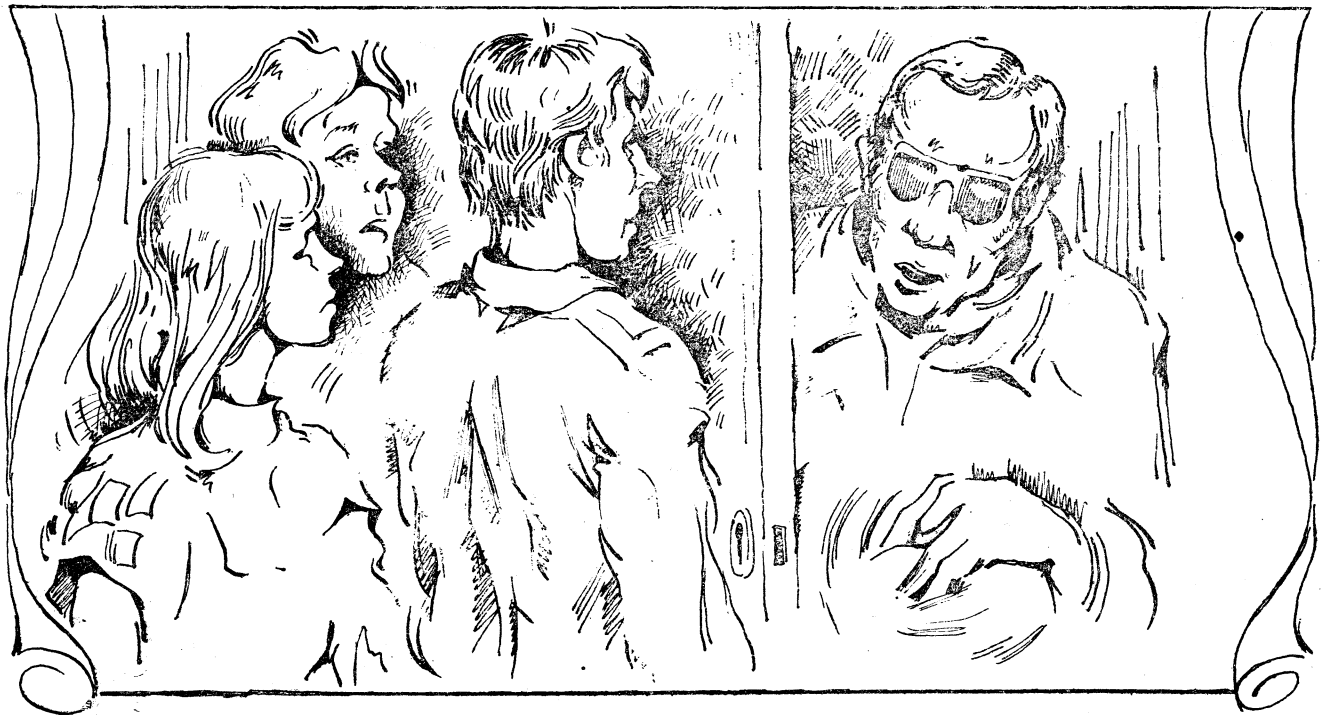
Звонок. Михя возвращается с Петром Николаевичем.

Петр Николаевич. Ба, знакомые все лица! Где Максим Максимович?

Миха. У себя в саду.

Петр Николаевич. Понятно... Хотя нет, ничего не понятно! Если он в саду, то как же вы здесь? Опять со взломом?

Маша. Неплохого вы о нас мнения, Петр Николаевич.

Миха. Да тут и брать-то нечего. Шарили, шарили...
Петр Николаевич. А если без твоих шуток, Петунин?

Миха. Извините, Петр Николаевич, издержки ускоренного роста. У нас ключ. Вот. Максим Максимович мне оставляет. Можете во вторник проверить.

Петр Николаевич. Почему во вторник?

Миха. А до вторника Максим Максимович не вернется. У него же в понедельник свободный день.

Петр Николаевич. Ай-яй-яй! Как же без него бумагу на квартиру оформлять?

Миха. Квартиру?

Маша. Какую квартиру?

Петр Николаевич. Квартиру ему дают... Что глаза тарасите?

Люда. Товарищи, какой ужас!

Миха. Все пропало!

Петр Николаевич. Нет, милейшие, у вас определенно патологическая реакция. Человеку квартиру дают, трехкомнатную! Радоваться надо, а они — все пропало! Или это тоже издержки ускоренного роста? (Уходит.)

Маша. Вот это да!

Миха. Как же теперь?.. (Толкнул ногой портфель.)

Мать и правда домой не пустит.

Люда. Ну вот... Шумят, кричат — деньги, деньги!.. А ведь мало радости...

Наше почти невероятное, но в то же время абсолютно реальное происшествие завершается у традиционной школьной скамейки. Впрочем, завершается ли?

Но об этом позже.

А пока Миха, Маша, Люда и Лева в учительской. В руке у Михи знакомый портфель.

Маша. Прямо несчастье какое-то!

Лева. Да что мы, в конце концов, нанялись, что ли? Сложить эти деньги в коробку из-под ботинок и подбросить в девятый «б». Пусть они маются.

Миха. Хорошие парни — за что им такую свинью?

Лева. А нам? Нам за что?

К скамейке подходит Игорь с гитарой. Беспечный, улыбающийся.

Игорь. Хау ар ю, ледиз энд джентльмены? На мели сидите? Маша, как по-английски «мель»?

Все ребята, в том числе и Маша, демонстративно отворачиваются.

Миха. Вот ты, Лева, говоришь: подбросить в девятый «б». А там... Такой же кустарь-одиночка гитару себе выколотит! Нет, раз уж нам повезло, давайте сами расхлебывать.

Игорь. Гитара, между прочим, ни малейшего отношения к билету не имеет. Великий путаник Миха, как всегда, понял удивительно по-своему. Я сейчас все объясню...

Маша. Пошли, ребята!

Первой проходит мимо оторопевшего Игоря, словно его здесь и вовсе нет. За ней идут и другие. Но их задерживает запыхавшийся Вербов. Выскакивает, как чертик из сортирной коробки. Злой, взъерошенный, полнялый какой-то.

Вербов (Михе). Вот ты где, желторотик! Наконец-то нарисовался!.. (Озирается). Бронтозавров ваших здесь нет?.. Деньги при тебе?

Миха. Допустим.

Игорь (смеясь). Да они уже расфуговали! Двести туда, шестьсот сюда!..

Вербов (Игорю, очень зло). Заткнись! (Михе.) Так при тебе или «допустим»?

Миха. Допустим — при мне. Минус двести. Они действительно пошли в распыл.

Вербов (после секундного раздумья). Да гори они синим пламенем — не столько люди теряли!.. Словом, так: гоним фильму в другую сторону.

Миха (с крайним удивлением). Как?!

Игорь (поражен не меньше Михи). Ты что, Юра! Вербов. Сказано тебе: не вякай! (Михе.) А вот так: я тебе билет, ты мне пачки с бумажками. Идет?

Миха. Минус двести.

Вербов. Да чихал я на эту пыль!.. Вот билет. Смотри — твой?

Миха внимательно, с недоверием рассматривает билет. Ощупывает, разглядывает на свет. К нему присоединяются и остальные ребята.

Миха. Наш.

Маша. Да, наш.

Лева. Номер, вроде, тот самый.

Вербов. Тогда пиши расписку. Ну!.. «Я, такой-то и такой-то, получил от такого-то и такого-то то-то и то-то и никаких претензий к такому-то и такому-то больше не имею и впредь иметь не буду...» Пиши, ну!

Миха (рвется в портфеле, достает ученическую тетрадь, садится на скамейку, пишет требуемое, выдирает лист, подает Вербову).

Вербов (читая). Так-так-так... А это что за кочерга?

Миха. Где? (Заглядывает в листок.) А-а... Роспись у меня такая.

Вербов. Ну и черт с тобой!

Совершается обмен. Миха передает Вербову сверток с деньгами, получает от него билет.

Вербов (быстро-быстро, как фокусник, пересчитывает деньги). И помни: кто бы ни спросил — бронтозавры, тираннозавры, обэхэээс...

Миха. А это что за зверь?

Вербов. Неважно. Тигры в шляпах!.. Главное, кто бы ни спросил: ко мне никаких претензий. Так?

Миха. Ну, ясное дело! Мы вам деньги, вы нам билет — вроде бы все в порядке.

Лева. Не считая, разумеется, морального ущерба.

Вербов. Это пустяки. Этого суд в расчет не берет.

Подходит к Игорю, забирает у него гитару.

Игорь (растерянно). Ты... ты что?

Вербов. Давай, давай! Отзвенела гитара.

Игорь. А... почему?..

Вербов. Почему, почему! Надо хоть как-то убытки покрыть.

Уходит, унося с собой гитару. Игорь бежит вслед за ним, жалко клянча на ходу: «Юра!.. Ну, Юра!.. Юр!»

Люда (с облегчением). Значит, денег у нас теперь ноль-ноль рублей ноль-ноль копеек!

Маша. И слава богу!

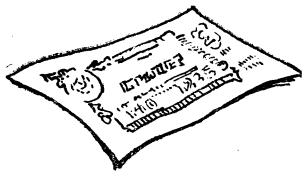
Лева (не разделяя их радости, озабоченно). Зато билет снова у нас.

Люда. Ох! Верно!

Маша. Выходит, все сызнаво? Как же быть?

Лева. Ума не приложу.

Миха. А ты приложи! (Снова завелся.) Думайте, ребята! Я вас очень прошу — думайте! Везет же людям! Понимаете?

ДОРОГА ЖЕЛЕЗНАЯ...

Нынче исполняется 100 лет с тех пор, как пошли первые поезда по первой на Урале магистрали — Горнозаводской железной дороге.

К 1887 году протяженность всех железных дорог России составляла 25 545 километров, на долю же Урала приходилось лишь 1047 километров.

В 1886 году началось строительство железной дороги от Самары в сторону Челябинска. 8 сентября 1888 года уже открылось регулярное движение поездов от Самары до Уфы. В эти же годы были произведены изыскания железной дороги инженером Н. Г. Гарным-Михайловским — известным русским писателем — от Уфы до Златоуста и далее до Челябинска.

8 сентября 1890 года пришел первый поезд в Златоуст, а 22 октября 1892 года — в Челябинск. Дорога получила название Самаро-Златоустовской.

В следующем году правительство выделило деньги на постройку дороги далее — от Челябинска до Омска.

7 июля 1892 года в присутствии местного начальства и большого стечения жителей Челябинска Михайловский заложил Западно-Сибирскую железную дорогу — начались земляные работы.

Линия Челябинск — Екатеринбург была открыта 15 октября 1896 года. Быстро шли работы также и на Сибирской железной дороге. В июле 1895 года на ней работало 62 135 человек. Из доклада начальника работ Михайловского видно, что укладка пути в 1894 году шла одновременно с двух концов: от Кургана и Омска к Петропавловску, достигая четырех верст в сутки. Смычка произошла на 560-й версте 16 августа 1894 года, и 24 августа 1894 года пришел первый поезд в Омск.

Английская печать отмечала: «Сибирская железная дорога приобретает мировое значение и проведением ее наносится тяжелый удар английским интересам...»

Эта дорога не только делается одним из величайших путей, какие-либо знал мир, но в корне подрывает английскую морскую торговлю и станет в руках России политическим орудием, силу и значение которого даже трудно предугадать.

Она сделает Россию самовладеющим государством, для которого ни Дарданеллы, ни Суэц уже более не будут играть никакой роли, и даст ей экономическую самостоятельность, благодаря чему она достигнет могущества, подобного которому не снилось еще ни одному государству».

Американская печать признавала за Сибирской железной дорогой важное стратегическое и экономическое значение и советовала фабрикантам... «освоить новые рынки сбыта для американских товаров в Сибири».

Александр КОЗЫРЕВ

■ **«Несостоятельный»**
Ихтиандр

■ **Чужой**
среди чужих...

■ **Старые песни**
на новый лад

■ **Проверьте**
вашу память

**«ЧЕЛОВЕКУ-АМФИ-
БИИ» — 50 ЛЕТ**

«...Первая рыба среди людей и первый человек среди рыб, Ихтиандр не мог не чувствовать одиночества. Но если бы следом за ним и другие люди проникли в океан, жизнь стала бы совершенно иной. Тогда люди легко победили бы могучую стихию — воду.

Эта пустыня с ее неистощимыми запасами пищи и промышленного сырья могла бы вместить миллионы, миллиарды человек...»

Удивительно современно звучат эти строки, не правда ли? А ведь знаменитому белаяевскому роману исполнилось полвека: впервые «Человек-амфибия» был опубликован в журнале «Вокруг света» еще в 1928 году!

Долгое время он казался фантазией из разряда несбыточных.

«В научном отношении идея романа несостоятельна... В романе больше влияния скульптуры, изображающей тритона с дельфином, чем науки... Автор оторвался от реальных законов природы, и его фантазия не имеет никаких оснований на осуществление даже в отдаленном будущем...» — мы привели здесь последовательно выдержки из критических статей А. Палея (1936), В. Шкловского (1938), А. Ивича (1940). Да еще и в 1960 году, с симпатией относясь к творчеству фантаста, очередной критик тем не менее стыдливо оговаривался, рассуждая об Ихтиандре: «Реальное решение задачи даст, несомненно, не медицина, а техника; не люди-амфибии, а люди, вооруженные аппаратами для подводных спусков и плаваний, освоят неизведанные глубины...»

Но уже всего лишь три года спустя можно было прочесть в журнале:

«Рано или поздно человечество поселится на дне моря. В океане появятся города, больницы, театры... Я вижу новую расу «Гомо Акватикус» — грядущее поколение, рожденное в подводных деревнях и окончательно приспособившееся к новой окружающей среде...»

И писал это отнюдь не фантаст, коего по традиции следовало бы тотчас упрекнуть в научной некомпетентности. Автором этого последнего высказывания был Жак-Ив Кусто, знаменитый французский исследователь морских глубин.

Что ж, еще одна «несбыточная» идея Александра Белаяева отключевала к категории вполне возможных, осуществимых практически.

Ну, а сам роман? Не потускнел ли он, не утратил ли за эти полвека свое обаяние?

Конечно же, нет. Даже немыс-

лимый для былых времен тираж в 300 000 экземпляров, каким в прошлом году выпустило белаяевский роман издательство «Детская литература», оказался каплей в море неутоленного читательского интереса к хорошей фантастике.

В. ИВАНОВ

ПРОБЛЕМА КОНТАКТА

Кошка на подоконнике встревоженно мяукнула, зашипела и, прыгнув, ушла под диван. Сквозь стекло в вечерней сгущающейся мгле просвечивало бледное лицо с глубоко посаженными глазами. Я приветственно махнул рукой и откинул запорные крючки.

Он влез в комнату, осторожно уселся на краешек стула. Кошка под диваном давила от злости, но не вылезала, — свое отвращение к пришельцу она выказывала с первого его появления.

Я достал давно приготовленную бутылочку для детского кормления, до двухсотграммовой отметки заполненную сложной смесью питательных веществ. Бледно-синее лицо поголубело. Он прижал бутылочку к груди, благодарно посмотрел на меня, затем судорожно отпил полтора-два наперстка жидкости. Извлек откуда-то пустую бутылку, поставил ее на стол и мягко выпрыгнул в оконный проем.

Вот уже почти год продолжают ся эти странные визиты.

Я знаю, что он — космонавт с далекой планеты. Он сумел объяснить мне, что они не считают земную цивилизацию готовой к Контакту. Поэтому он должен скрываться и просит меня не выдавать его, — только голод заставляет его обратиться за помощью. Бедный! Он не знает, что мы тоже считаем его цивилизацию не готовой к Контакту с нами, хотя давно уже наблюдаем за ними. Наши разведчики есть на их планете, поэтому мы и узнали о нем. Питательную смесь ему готовит лучший биохимический институт. Вот только почему соотечественники не ищут его? Может быть, и их разведчики есть среди нас? И они знают, что мы его кормим?

Ох, уж эта проблема Kontakта...

А. РОГОВ

Славянка Приморского края

Неясное толкование ясных вещей, предложенное Константином Кауфманом, семиклассником из города Горького.

«Фантастикой я увлекаюсь давно, с третьего класса», — написал нам, отвечая на прошлогоднюю викторину, семиклассник Костя Кауфман. Находясь под впечатлением от прочитанных книг, он и в самых обычных пословицах и загадках усматривает теперь нечто фантастическое...

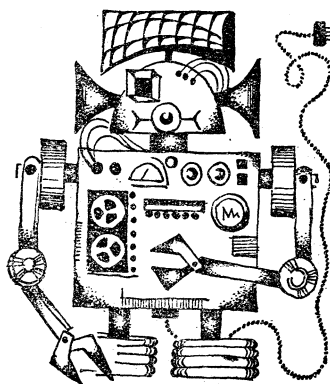
По полям, по долам скачут шуба да кафтан.
(Человек-невидимка).

Стоит Антошка на одной ножке.
(Баллада о одноногом пришельце).

Слышен звон, да не знаешь, где он.
(Таинственные сигналы).

У семи нянек дитя без глазу.
(Ох, уж эти роботы...)

Строки из писем

Если вам интересно, могу пополнить коллекцию «Калейдоскопа» одной любопытной, на мой взгляд, ошибкой. Любопытна она тем, что проникла в такое авторитетное издание, как... «Детская Энциклопедия». Да-да, и энциклопедии ошибаются! Откройте одиннадцатый том второго издания «ДЭ» (М., «Просвещение», 1968) на стр. 499-й и прочтите статью Л. И. Тимофеева «Научно-фантастическая литература». Ну, то, что Еремея Парнова там окрестили Я. Парновым, или то, что Днепрову приписали рассказ «Корабли идут по острову» («идти» должны были «крабы»), — все это мелочи, опечатки, придирайтесь не будем. Но вот на стр. 503-й поме-

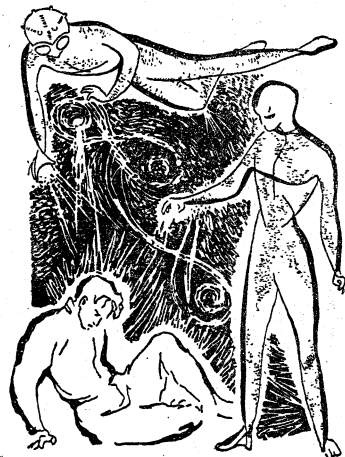
щена иллюстрация, — я попытался, как мог, ее воспроизвести. Подпись под рисунком утверждает, что это иллюстрация Г. Макарова к роману А. и Б. Стругацких «Возвращение». Люблю Стругацких и уж «Возвращение» читал практически во всех вариантах, но такой иллюстрации не помню. Более того, даже затрудняюсь определить — к какому же конкретно эпизоду мог бы относиться этот рисунок?

Интересно бы проверить — сколько любителей НФ смогут установить истину? Чего только не искали они по заданиям ваших викторин, но искать иллюстрации, кажется, еще не приходилось. Считайте, что я предложил этот вопрос, отвечая на «викторину-78», участия в которой мне, видимо, уже не избежать: втянулся...

[От редакции. Что ж, вопрос — отменно хорош! Да вот принадлежит-то он к категории сверхтрудных — тех самых, за которые нам то и дело достается от читателей...]

Поэтому мы предлагаем тем из любителей НФ, кто уверен в своей эрудиции и к тому же достаточно терпелив, попытаться ответить на этот вопрос, — рисунок к нему мы воспроизводим, — не заглядывая в окончание письма нашего читателя.

Удержитесь! Хватит терпения!]

В конце концов, мне удалось все-таки выяснить, что это — иллюстрация И. Огурцова к повести М. Емцева и Е. Парнова «Душа Мира» (!). Остается добавить, что найти рисунок можно в сборнике «Уравнение с Бледного Нептуна» (М., «Молодая гвардия», 1964), причем помещен он довольно далеко от собственно «Души Мира» — перед титульным листом сборника.

А. БЕЗЛАТНИЙ

г. Челябинск

ЛОВЦЫ ПЕСЕН

**Павел
МАРИКОВСКИЙ**

Кто любит природу, старается принести домой какую-нибудь ее частицу: растение, сучок, поразивший воображение необычной формой. Нельзя ли принести в город и звуки природы? Песня соловья или тревожный крик чибиса, нежное бормотание токующего тетерева или таинственные переговоры кобылок стоят того, чтобы за ними поохотиться. Зимой голоса земли напомнят о лесе, о просторах степей, об аромате хвои, о запахе полевых цветов.

Прежде чем отправиться на лесную звукозапись, испытайте магнитофон на домашних животных. Куры, гуси, индюки — неплохой объект. Дайте потом им послушать записанное и посмотрите, как они будут реагировать. Иногда птицы не узнают своего голоса. Ведь многие частоты магнитофон не улавливает. Звуки песен некоторых птиц достигают частот 50000 гц. И мы слышим птичье пение неполно. Частично — мы, как и магнитофон, глухи!

Охота за голосами — это прежде всего охота за тишиной. В поле жужжат машины, грохочут поезда, в небе рокочет самолет, над рекой трещат лодочные моторы. И все же в дремучем лесу, в глухой степи или пустыне есть оазисы тишины. А без нее невозможно записать голоса птиц, зверей, насекомых. Поэтому, записывая, не теряйте над собой слуховой контроль. И кроме звука, за которым вы охотитесь, замечайте и другие, посторонние. Даже опытный охотник, работая с магнитофоном, в самый ответственный момент не замечает, как над головой пролетел самолет и гул отложился на магнитной ленте. Но если в запись вклинились слабые звуки поля и леса, даже хорошо. Песню соловья, кузнечиков, цикады не испортит издали доносящееся куку-

вание кукушки. Слабые звуки хочется записывать как можно громче. Регулятор записи поставлен на крайний предел, стрелка индикатора записи зашкалилась, и запись получилась искаженная. Поэтому, если позволяет обстановка, полезно записать звуки на разном режиме. А еще лучше приблизить магнитофон к источнику звука, хотя бы это и стоило труда.

Враг охоты за голосами — ветер. Даже небольшое его дуновение при воспроизведении звучит, как ураган. Матерчатый чехол на проволочном каркасе, который вы наденете на микрофон, усмирит несильный ветер. Хорош также конус из листового поролона.

Микрофон нельзя держать в руках, его лучше укрепить на конце палочки и отвести от магнитофона, чтобы не записать шум электромотора, шелест ленты, свое дыхание и шорох одежды. Можно использовать трубочку палочку от штатива к фотоаппарату. Но если она хотя бы немного шатается в сочленениях — значит, не годится. Деревянная палочка никогда не подведет. Такая «удочка» очень помогает при записи песен насекомых. К поющему насекомому на удочке микрофон можно поднести вплотную.

Обязательно ведите журнал регистрации записей. Но не полагайтесь даже и на него и после каждой записи обязательно делайте устную этикетку: назовите в микрофон порядковый номер по журналу, а также когда, где, какое животное записано.

Трудно охотиться за голосами чутких птиц. Нужен замаскированный шалаш. В засаде, засидке надо быть все время начеку, чтобы не упустить момент записи. Если же повезло поймать интересную

песенку, звериный разговор, не жалейте пленку. Такой случай может никогда не повториться.

Очень хорошие записи получаются, когда птица поет вблизи микрофона. Надо заранее перед гнездом, скворечником или той «сценой», с которой любит петь самец, поставить вначале модель микрофона. И когда птица к нему привыкнет, подменить его настоящим микрофоном. Таким способом мне удавалось, например, записать скворцов. Оказывается, многие мелодии эта птица выпевает очень тихо, и обычно мы, увы, их не слышим.

На поющую птицу нельзя смотреть. Она чувствует взгляд — и пугается. Поэтому наблюдайте за птицей, наведя на нее зеркальце. Очень помогает соломенная шляпа с большими полями. Надвинешь ее на лоб и рассматриваешь птицу сквозь плетение шляпы.

С собою полезно иметь по меньшей мере два микрофона: записывающий звуки только одного направления и широконаправленный, который улавливает всю симфонию природы. Узконаправленный применяют с усилителем, когда записывают один источник звука. Широконаправленный дает более художественную запись.

Дополнительный микрофон всегда пригодится, особенно, если один из них выйдет из строя. Микрофон — нежный прибор, и от резкого удара или падения легко ломается.

Запись с микрофоном, выносимом на длинном шнуре, полезно вести со специально сконструированным усилителем.

И — главное. Чтобы записывать голоса животных, надо их знать. Если птица, зверь вам не знакомы, в журнале регистрации тщательно опишите их форму, размер, окраску. Птиц можно определить, пользуясь руководствами по орнитологии. Поможет книга А. Промптова «Птицы в природе». Сложнее с насекомыми. Их — тьма, они отличаются мелкими признаками. Поэтому поющее насекомое иногда стоит и поймать, для опознания... Бывает гораздо легче записать голос какого-либо осторожного сверчка, чем изловить его. Кстати, многие насекомые неплохо поют и в садочке, хотя в нем и не

бывают столь голосисты, как на воле.

Насекомые, особенно громко поющие — сверчки, кузнечики, цикады, — воспринимают незначительные сотрясения почвы, издавая угадывая приближение крупного животного. Попробуйте подобраться к такому солисту. Он тотчас замолкает, как только вы приблизитесь к нему, и, сколько бы вы ни стояли, стараясь не шелохнуться и затанцевать дыхание, он будет молчать. Ничтожнейшее сотрясение почвы, возникающее от биения сердца, улавливается музыкантом. Вероятно, от человека исходят и ультразвуки в результате движения по сосудам крови, мышечного напряжения. В пустыне, когда воздух звенит от многоголосого хора сверчков или кузнечиков, даже крадущийся человек ощущает вокруг себя зону молчания.

Интересно и то, что сверчки и кузнечики смолкают на всю ночь вокруг бивака, хотя все члены экспедиции не двигаются, спят. Чуткие певцы отлично ощущают и спящего человека, предпочитая возле него молчать или удалиться. Во всем этом автор убедился во время многочисленных путешествий по степям и пустыням Средней Азии.

Правда, в разгар пения, особенно в густых скоплениях поющих сверчков, после жаркого дня, насекомые становятся менее осторожными и, оглушенные всеобщим неистовством музыкального помешательства, позволяют запечатлеть себя даже на фотопленку, не пугаясь вспышки импульсной лампы.

«Упрямец», не желающий петь, можно заставить прекратив забавствовку, если постучать камешком о камешек, или провести чем-нибудь по расческе, или даже положив на расческу тонкую бумагу, приложить ее к губам и пропеть какую-либо песенку. Звуки возбуждают певцов, и они начинают вновь предаваться музыкальным соревнованиям.

Я заметил еще одну интересную особенность пения насекомых. Если концерты исполняются возле кустарника и высокой травы, то как только налетает порыв ветра и раздаются шелест растительности, пение смолкает. Шум гасит пение. К. Паустовский в очерке «В кузове грузовой машины» пишет о том, как во

время войны цикады смолкали или пели вполголоса, когда до них доносились взрывы авиабомб. Интересно, что наиболее ретивый исполнитель ночных песен солончаковых пустынь Средней Азии сверчок зугриллодес одикус замолкал, как только в соседнем болотце заводили громкий хор лягушки или в тугаях запевали соловьи. Кстати, лягушки сильно мешали и соловьям, и те вынуждены были прерывать свое соло, как только громкое кваканье достигало кульминации.

Вообще тишина — непереносимое условие исполнения музыкальных произведений. Не зря говорят туркмены: «Когда ревет осел, соловей молчит». Впрочем, эту поговорку, конечно, надо понимать не столько в прямом, сколько в переносном смысле.

Записывайте не одни только песни. Интересны все звуки, все голоса, издаваемые животными. Записывать их — значит, изучать живую природу, проникать в проблему познания языка животных.

Попробуйте из ваших материалов составить тематическую запись, например, «Звуковая сигнализация ворон», «Весенние голоса леса», «Песни насекомых», «С магнитофоном по зоопарку». Запись может быть составлена и по географическому принципу, например, «В горах Урала» (голоса животных), «В пустыне Кара-Кум» и т. п. Если такая запись выразительна, ее можно предложить для передачи по радио. Музыка природы может также сопровождать уроки по биологии в школе.

В нашей стране записывают голоса зверей и птиц уже немало энтузиастов. Увлекаются охотой с магнитофоном и школьники, юные натуралисты. Право же, она гораздо интереснее, полезнее и благороднее перезаписи эстрадной или так называемой поп-музыки...

У охоты с магнитофоном — большое будущее!

КТО ЗАЩИТИТ ЗАЩИТНИКА

Из писательской почты

**Борис
РЯБИНИН**

член Центрального Совета
Всероссийского общества
охраны природы

**«ГРАЖДАНЕ СССР ОБЯЗАНЫ БЕРЕЧЬ
ПРИРОДУ, ОХРАНЯТЬ ЕЕ БОГАТСТВА».**

(КОНСТИТУЦИЯ СССР, СТ. 67).

Когда-то егеря считались отборным регулярным войском. В царствование Петра Первого в России была учреждена егерская служба — чтобы охранять зверей, птиц, а также леса и лесные богатства. Верно, не случайно звание «егерь» — равно как и «лесообъездчик», «лесник» — сделалось с тех пор символом доброй и нужной, но суровой, подвижнической работы, которую человек добровольно принял на себя, поскольку сердце его испытывает чувства к матери-природе истинно сыновьи, верные и крепкие...

Надо сказать, наказания для нарушителей законов охоты и лесопользования в ту пору были весьма строги: колодки, рваные ноздри, битье батогами, а то и перекладина с петлей. Институт егерей и объездчиков пользовался почетом, хотя нарушители всякого рода, порубщики, охотники-браконьеры, всегда люто ненавидели его. И понятно!

Тургенев в рассказе «Бирюк» изобразил одного такого служителя — сильного телом и духом, не

дающего никому спуску и не идущего ни на какие приманки, дорожащего честью и совестью, но до боли одинокого малого.

Сколь просто, однако, выглядит охрана природных богатств во времена Тургенева: поймал, повалил, придавил к земле — и все, готов, айда в кутузку — ответ держать. Ныне — не то. И люди не те, и обязанности невероятно усложнились. Минуло много лет, как узаконена эта служба, однако, наверное, лишь в наше время она должна была обрести настоящие свои почет и право на общую поддержку, уважение.

Пожалуй, подверглись ныне бирюки, не попадет на лесной дороге классический нелюдим-одиночка с дедовским берданом. Изменился облик хранителя и защитника богатств земли родной. Но вот идет время, и, странная вещь, происходят удивительные метаморфозы: уже порой не нарушитель, хищник-хапуга, опасается егеря и бежит от него «быстрее лани», а егерь оказывается в положении гонимого и преследуемого...

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

С этой маленькой, деловитой и быстрой в действиях женщиной, всегда с подчеркнуто-строгим выражением миловидного лица, на котором выделялись большие задумчивые глаза и яркие губы, журналистская судьба свела меня в Лысьве, старом уральском горнозаводском гнезде. Я писал о ней в книге «Операция Ч». Она была инспектором-организатором в Лысьвенском городском отделении Общества охраны природы и буквально с первых же минут поразила меня своей отчаянной решимостью, безраздельной отдачей делу, и — бескомпромиссностью, бескомпромиссностью, которой, увы, еще так часто не хватает людям куда сильнее ее.

Валентина Васильевна Киселева уже в ту пору была притчей во языцех. Ну, подумайте сами: воюет против всего белого света. То есть она была не одна, действовала по поручению и от имени многомиллионного Общества, да ведь оно там где-то, «Общество», а здесь видят человека, исполнителя, ему и все синяки да шишки. Воевала она, конечно, не против всех, а лишь с теми, кто не желал считаться с законом, проще сказать — с браконьерами.

И вот Валентину Васильевну сняли. «Освободили от обязанностей» при обидных обстоятельствах, воспользовавшись ее оплошностью. Она вынуждена была быть — вопреки правилам — еще и казначеем, принимала членские взносы и другие платежи, а деньги, знаете, что это такое. При очередной ревизии у нее в кассе обнаружилась недостача; правда, она тут же внесла деньги (для этого пришлось продать кое-что из домашнего имущества, накопленный-то не было), представила расписки некоторых неаккуратных подотчетных лиц, и в конечном счете вопрос свелся к ничтожной сумме в несколько десятков рублей, да и те по очевидности не были «растрачены»... Но этого оказалось достаточно для того, чтобы освободиться от нежелательно — слишком уж ретивого и несговорчивого — работника.

Случилось это глубокой осенью, а вскоре после Нового года пришло письмо от Киселевой — целая ученическая тетрадь в линейку, исписанная от первой строчки до последней, письмо-исповедь человека, уязвленного в лучших своих чувствах и устремлениях, незаслуженно обиженного, которому хочется перед кем-то излить душу.

«...У меня сегодня настроение такое, — писала Валентина Васильевна, — что хочется рассказать кому-то все свои беды. Будьте терпеливы и выслушайте меня внимательно... 20-го мая ко мне поступила жалоба от Зареченского животноводческого то-

варищества о порубке леса в зеленой зоне в личных целях т. Опариним — директором аэродрома. Я немедленно выехала, составила акт, оформила дело и передала начальнику милиции. Материал подписывать тов. Комлева Зоя Федоровна (зам. председателя ГООП, ответственный секретарь горисполкома. — Б. Р.) отказалась, и я со своей подписью передала все в следственные органы.

...В июле я пошла в милицию узнать результаты дела Опарина. Дело лежало без движения. Обратилась к прокурору тов. Новокрещенову... Отношение Комлевой З. Ф. ко мне очень изменилось и она заявила, что не даст наказать Опарина, а я сказала, что он будет наказан. В ужасных условиях нынче мне пришлось готовить выставку цветов, сколько слез пролила, но выставку открыли в срок, люди были довольны. Но все это отступление от главного. Отчитавшись еле-еле за выставку, я опять обратилась в милицию, где выяснилось, что дело прекращено по указанию горисполкома. Пишу письмо тов. Миронову, корреспонденту газеты «Правда», в Пермь. Получила копию ответа тов. Новокрещенова (прокурора) тов. Миронову, который пишет, что милиция заволокитила дело, что люди, которые халатно отнеслись к этому, наказаны и возбуждено вторичное дело по тов. Опарину. А тов. Опарин так нагло вел себя; когда я его пригласила поехать для составления дела, то он расхохотался мне в ответ и заявил: «Рубил и буду рубить и не суйте свой нос, куда не следует». В октябре взяли с меня объяснение, и опять тишина, а тов. Опарин продолжает свою деятельность, вывез все нарубленные дрова, накосил с рабочими сена 6 машин на территории аэродрома, продал его, а деньги не были оприходованы нигде, да и сено он продает ежегодно за наличный расчет... Я пишу в Москву в редакцию газеты «Правда», так как люди ждут от меня ответа. Оттуда получаю сообщение — факт подтвердился, виновные будут наказаны; пишет Пермский облисполком за подписью тов. Макарова, председателя областного отделения Общества, — а здесь у нас, тем не менее, дают указание прекратить дело. Дальше — больше. Выясняется, что даже решение об отводе земли под аэродром не было вынесено... В мае составляю акт на самовольную порубку леса на 4 га, а оказывается лес вырублен на протяжении пяти лет на 104 га (!), и всем этим руководил тов. Опарин. На 4 га с разрешения горисполкома рубил лично для себя, без билета. Жалобы поступали все лето, и люди стали меня обвинять в укрывательстве. А тут начались и мои беды, я не стала устраивать как работник тов. Журавлева (председатель Об-ва), который до этого никогда не

интересовался моей работой. Я стала «недисциплинированной», стали придираться, что меня никогда нет на месте, не давая себе труда хотя бы выслушать меня, и с первого декабря я осталась без работы...»

Словом, как у нас часто бывает, — это уже мои размышления, — навалили все дела на одного человека (она же «освобожденный» работник, зарплату получает!), она за все отвечай, а другим и горя мало. В Лысьве мне говорили, что Журавлев, председатель, — по основной работе один из руководителей лесного хозяйства, — не слишком деятелен, показывается редко, президиум не собирает и вообще дела Общества ему «до лампочки», все «везет» Киселева. Зато теперь и он обрушился на нее.

Но вернемся к письму.

«Домой пришла ко мне Дедова Анна Георгиевна, я ей раньше очень верила, она еще в комсомоле была секретарем, а я директором Дома культуры, цапались, но Лысьва тогда гремела по самостоятельности и агитационно-массовой работе. Поэтому мне особенно больно было услышать такие слова: «Какая нужда тебе лезть в государственные дела, на это есть горком и горисполком. Каждый сверчок знай свой шесток. Подумаешь, захотела одна построить коммунизм, есть выше головы, пусть они решают важные вопросы, вот теперь и сиди, перепортила всеми взаимоотношения, теперь тебя никто не захочет на работу принять...» Не следовало бы писать всего этого, да душа до сих пор болит. Ведь я всегда для своего города хотела только хорошего. И кто такой тов. Опарин, что его загордили все, народный контроль, ОБХСС и милиция? А люди приходят ко мне домой — помнят! И заставляют писать, дескать, справедливость восторжествует. Куда делся лес? Это же народное достояние...»

Новый год я не только была без работы, я была без собственности — «я»...»

Большое искреннее человеческое горе глянуло на меня со страниц этого письма. За что обидели человека?

А как нужны нам по-настоящему деятельные, беззаветно преданные делу люди! Не стерпев, обратился в Пермский областной совет ВООП. Ответ не замедлил:

«Мы согласны с вами в оценке работы т. Киселевой. Если Киселева В. Т. пожелает вновь работать в городском совете Общества охраны природы, при наличии свободной должности ответственного секретаря, областной совет не возражает принять ее вновь. Однако прием на штатную должность в райгорсоветы Общества производится только при согласии президиума райгорсовета Общества.»

Значит, «не возражает». При «наличии» и «согласии».

Боюсь, что этого «наличия» придется долго ждать...

Пробовал я отписать, как, мол, дела, что изменилось? Но в ответ — ни строчки. Молчит.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Письма, документы... Я их не пересказываю, привожу точно, они говорят сами за себя.

Попал мне в руки дневник одного интересного человека — В. Н. Абусова. Вот страницы из этого дневника, привожу их с разрешения автора.

«В Нижний Тагил я приехал в 1954 году...

Еще будучи в этом городе я подружился с людьми, любящими и знающими природу, главным санврачом города Н. П. Сапугольцевым, главным архитектором Д. С. Поповым, мы вместе проводили свободное время на охоте или просто путешествовали по родному краю. И это сыграло не последнюю роль в моей судьбе: после увольнения из рядов Советской Армии (1965 г.) я поступил в рыбоохрану — решил посвятить свою жизнь охране природы.

За это время мною привлечено к ответственности около 2600 браконьеров. Их повседневные злобные происки я воспринимаю как неизбежное, должное, как положительную оценку своей работы. Я коммунист, а потому знал, что в трудную минуту партийные органы окажут мне помощь. Эта уверенность придавала мне силы в трудной, но почетной работе.

Однако уже вскоре я убедился, что в Пригородном районе скрытые силы покровительствуют расхитителям природных богатств.

«Общественные инспектора рыбоохраны прислали мне из Верхней Салды акт о нарушении правил рыболовства. К нему прилагалось «удостоверение», изъятое у браконьеров: «Предъявителям сего удостоверения разрешается отлов рыбы неводом для коллективной ухи на массовой рабочей такого-то цеха». Подпись: зам. председателя В.-Салдинского горисполкома Воронов.

Пришлось ехать в Салду и разъяснять т. Воронову, что в его функции входит контроль за соблюдением советских законов, а не их попирательство. Попутно вызвал браконьеров «в закон» в завком профсоюза завода, где разъяснил им правила рыболовства.

Спустя несколько дней — вновь акт из Салды с приложением «удостоверения», выданного Вороновым.

Оштрафовал браконьеров по 25 рублей, а товарища Воронова — на 50.

Воронов и К^о подали на рыбинспекцию жалобу в суд за «незаконное» наложение штрафов.

Перед началом суда меня пригласил к себе прокурор:

— Держитесь тверже, с судьей я беседовал.

Суд жалобу отклонил, а штраф утвердил. А вскоре товарищ Воронов покинул пост зам. председателя.

К сожалению, не везде так бывает».

«Снова и снова убеждаюсь: почти у каждого браконьера есть свой покровитель, который сам попал в зависимость от своего подопечного. Поэтому после каждого рейда раздаются телефонные звонки «сильных мира сего» с просьбой простить браконьера, вернуть ему сети. А после отказа — угрозы, судебная волокита».

В 1969 году я и госинспектор рыбоохраны Лебедев были зверски избиты шестью браконьерами. И снова прокурор района Дежин (замечу, что теперь бывший прокурор) в возбуждении уголовного дела отказал, как уже поступал не раз «за отсутствием доказательств». Браконьеры были осуждены пригородным судом только после вмешательства прокурора области».

«Прибегает дочка с газетой и со слезами говорит: «Папа, посмотри, что о тебе пишут!»

Оказалось, в наступление двинулась газета «За победу!», районный орган печати. Газета опубликовала фельетон «Под звон речей» (смысл: провозглашается-де одно, а делается совсем другое, противоположное), в котором обвинила меня и еще троих товарищей в «указанном браконьерстве». Газета расписывала не жалей красок. Как ни жаль, но спустя несколько месяцев, в мае 1973-го, тему повторила областная газета в фельетоне «Инспектор с берданкой», где основной гнев и негодование были также излиты на коварного «инспектора рыбнадзора».

«Двадцать пять лет в армии отслужил, в отставку ушел подполковником, такого позора у меня еще не было. Дома сокрушались и плакали (у меня — жена, две дочери). Другие — друзья — говорили: «Владимир Николаевич, так и знали, что этим дело кончится, обольют тебя грязью». Друзья подбодряли: «Не вешай головы».

«Особенно меня угнетало положение, в котором находился директор Висимского заповедника М. С. Попович (один из «героев» обоих фельетонов). Тов. Попович проработал в Висимском лесхозе 28 лет. Исключительно принципиален в деле охраны природы, в результате чего

имеет много противников среди высокопоставленных лиц района. Он заболел; совершенно беспомощен, пал духом. «Нет, всего этого я не вынесу», — сказал он, когда я пришел к нему в больницу».

(К счастью, мрачный прогноз В. Н. Абусова — настроение его самого в тот момент можно понять — не оправдался, Михаил Сергеевич Попович поправился и снова возглавил природоохранную работу в заповеднике. — Б. Р.)

«Управление охотничье-промыслового хозяйства, рассмотрев фельетон «Под звон речей» и другие материалы о якобы браконьерской охоте, проводимой на территории охранной зоны Висимского заповедника районным охотоведом Шатуновым, директором заповедника Поповичем и другими членами бригад по отстрелу лосей, нарушений в действиях с их стороны не усматривает...

В настоящее время вопрос об организации охранной зоны Висимского заповедника решается сектором леса облисполкома для внесения на Исполком Облсовета.

Начальник Управления — Киселев.»

Все ясно?

Но, думаете, это конец?..

«...Примерно начиная с 1972 года я почувствовал себя в блокаде огульной клеветы и оскорблений. Очень тяжелым в этом смысле оказался 1973-й год. (Хотя лично мне ни партийными, ни административными органами никаких обвинений не предъявлялось).

Очень неблагоприятную роль сыграл т. Фанасеев, один из руководителей Общества охотников. Именно он развил кипучую деятельность по организации клеветнической кампании против меня. Началась эта кампания с откровенных угроз: «И у тебя есть грешки», «Нас много, нам поверят, а тебе нет» и т. д. Действительно, союзников у Фанасеева оказалось много.

Нет, я не хочу сказать, что все плохо, кругом одни подлецы и негодяи. У меня много друзей из числа моих товарищей по работе. Много было за эти годы добровольных помощников, посильную помощь в нужных случаях оказывали гор- и райотделы УВД. Но они не могли помочь лично мне.

В связи с развитием гипертонической и язвенной болезни (почему я давно воздерживаюсь от вина — а меня «уличали» в пьянстве и алкоголизме!) я был неспособен дать достойный ответ клеветникам. В то время моей задачей было — вынести, пережить, не допустить инфаркта или кровоизлияния в мозг».

«Первому секретарю Свердловского областного комитета КПСС...»

Абусов долго колебался, обращаться ли в такую высокую инстанцию, как обком партии. В конце концов решил: а почему бы и не обратиться. Каждый коммунист вправе дойти хоть до Центрального Комитета, если к тому вынуждают обстоятельства. Он написал и никогда не сожалел об этом.

...Еще одно заявление В. Н. Абу-сов по совету своего друга, журналиста М. П. Ананьева, написал в Союз журналистов СССР, но не отправил. В нем он писал, что за годы пребывания в партии (из них десять лет — на выборных партийных должностях) не имел никаких взысканий и замечаний, а за годы работы в органах рыбоохраны в его трудовой книжке вписано 19 поощрений. «С 1969 года ношу звание «Ударник коммунистического труда». В юбилейном социалистическом соревновании Н.-Тагильская инспекция рыбоохраны заняла первое место среди 30 инспекций «Камуралрыбвода», за что я награжден юбилейной медалью», а сейчас «в публичных местах — на улице, в магазине, в кино неизвестные люди наносят нам оскорбления, по телефону высказываются угрозы, по городу распространяются ложные слухи...» «Дело не в том, что я лично оскорблен и обижен. Подрыв авторитета государственной инспекции рыбоохраны способствовал возобновлению на водоемах оголтелого браконьерства. Горько сознавать, что пропало семь лет моего напряженного труда.

...Особенно угнетает мысль, что подорвана вера в торжество справедливости у моих дочерей. Я не в силах их успокоить. Как же теперь им жить и работать?

Член партии с 1944 г., подполковник запаса, имею 12 правительственных наград...»

«...Бесконечные мои скитания, конфликты с браконьерами и судебные тяжбы стали невыносимыми для жены. С целью вынудить меня уволиться из рыбоинспекции, в 1972 году жена перевелась в Свердловск на должность зам. главного инженера института «Свердловскгражданпроект». Однако признать себя побежденным и уехать я решительно отказался. Тогда начались гонения на мою жену. Пришлось пойти на компромисс: я выполнил условие жены и уволился из инспекции рыбоохраны, после чего она вернулась в Тагил. Я перешел на работу в Северо-Уральскую бассейновую инспекцию.

Долго рассказывать — напомню лишь, что беспощадная вырубка уральских горных лесов рано или

поздно должна была привести к обмелению рек и мелководью. Уже будучи руководителем Н.-Тагильского филиала бассейнового управления, я представил в вышестоящие органы доклад об ожидаемом дефиците воды. Доклад был воспринят с недоверием. Однако мой прогноз подтвердил паводок 1975 года — он оказался катастрофически малым. Знакомство с гидрологическими характеристиками водоисточников (результат многолетних наблюдений) позволило мне разработать и представить «Схему развития системы промышленного и питьевого водоснабжения Н.-Тагильского промузла на 1975—1980 гг.»

Схема была одобрена в горкоме и исполкоме горсовета, но отклонена специалистами Свердловского института «Союзводоканалстрой» и начальником бассейнового управления как «неприемлемая». После вмешательства т. Рябова (работавшего в это время первым секретарем Свердловского обкома партии. — Б. Р.) все оказалось приемлемым. За два месяца выполнили изыскательские и проектные работы (на 1-й этап). Совет Министров СССР отпустил 3 миллиона рублей. Решением бюро ГК КПСС я был назначен заместителем начальника штаба партийного руководства стройками.

За разработку «схем» и участие в стройках решением ГК КПСС и исполкома горсовета я награжден Почетной грамотой, памятной медалью «За строительство источников водоснабжения г. Н.-Тагил» и настольными часами в хрустальной оправе. Кроме того, решено установить обелиск на канале «Европа — Азия» с именами инициаторов и ударников стройки.

Таким образом, из опального инспектора рыбнадзора я превратился в уважаемого гражданина города...

Да, еще не сказал: в результате разбора жалобы комиссией обкома КПСС все обвинения с меня сняты.

Можно добавить, что ныне не у дел многие бывшие противники и недоброжелатели инспектора Абу-сова.

Все хорошо, что хорошо кончается, если считать это кондом и если, конечно, спустя какое-то время все не начнется сначала. Ведь говорят же про Абусова, что он «неуживчивый», этим словом подменяется иногда «принципиальный» и «честный».

Справедливость восторжествовала, к чему же мы все это рассказываем? Да хотя бы к тому, что выводы высокой Комиссии не оглашались широко, с ними мало кто

был ознакомлен, и, таким образом, пусть хоть наша публикация снимет всякий намек на подозрение и недоверие. Ибо и по сию пору кой-кто хотел бы «набросить тень на плетень», поворошить старое, толкая его по-своему. Пусть все знают, чем все кончилось — на страх браконьерам всех мастей, на радость друзьям и справедливому делу.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

«Не хотелось бы беспокоить и без того занятого человека, однако обстоятельства вынуждают. Как говорилось на фронте, головы поднять невозможно...»

Возможно, Вы не забыли Виктора Александровича Куркина. Вы встречались с ним. Так вот он, уволившись по болезни из органов, устроился работать в охотоинспекцию. Работал отлично... А сейчас уже в третий раз «уволнили» с должности, засылают, куда Макарыч не гонял, где и охотхозяйства никакого нет и охранять нечего... Ходит по ступенькам судов и прокуратуры. Преследуются даже все сочувствующие Куркину. В охотоинспекции восемь человек сидят у порога и ждут своего восстановления на работе. Все в положении Куркина... При этом, конечно, гремят выстрелы браконьеров. Ваш приезд в Уральск не только желателен, но необходим...»

Все несомненно в том же духе, в конце — подпись старого моего знакомого, известного в тех дальних местах охотоведа.

Куркин? Отлично помню его по тем временам, когда занимался выяснением обстоятельств браконьерства на реке Урал и приехал в Уральск, в результате чего появилась статья «Осетры и щуки». Интеллигентный, молодой, человек квалифицированный, знающий следователь, он произвел на меня чрезвычайно хорошее впечатление, а интуиция ни разу не обманывала меня. Именно от Куркина я получил объективное освещение всех событий: позднее ни один факт не был опровергнут.

Значит, вот оно что: следователь Куркин стал охотоведом-инспектором. Для него, похоже, ничего не изменилось, он по-прежнему на страже интересов народа, государства, но изменилось отношение к нему: он стал гонимым. За что же?

Я вылетел в город Уральск.

Из жалобы В. А. Куркина на имя первого секретаря областного комитета партии.

«До июля 1974 года главным госохотинспектором Уральской области работал Широких В. С., который решением бюро обкома снят с занимаемой должности и ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку за разбазаривание государственных средств и многие другие неблагоприятные поступки. Короче говоря, в 1973 году Главное управление охотничьего хозяйства республики выделило Уральской госохотинспекции 100 000 рублей для постройки четырех егерских кордонов по 22.800 руб. каждый, а в конце года оказалось — деньги израсходованы, а кордонов нет...».

Егеря простуживаются, болеют, их семьи тоже — жить-то негде. Зато появились комфортабельные «отели» для заезжих «гостей» — охотников. Много еще желающих пожить-ся за счет бесплатных даров природы, погреть руки у ее костерка... Куркин начал разматывать клубок, и потянулась ниточка.

Куркин, в прошлом сотрудник ОБХСС, борется с браконьерством с 1967 года. Теперь ему пришлось столкнуться с браконьерством куда более изощренным: с браконьерами и потатчиками в своей среде. Однако после письма охотоведа о разбазаривании государственных средств началось: сперва придирился, потом — прямое обвинение: отбирал, мол, у браконьеров дичь и присваивал. Человек с высшим юридическим образованием оказался беззащитным перед такой формой «борьбы», как клевета.

Да, труднее всего разоблачить тайные козни-оговоры, преследование, прикрываемое внешней формой благопристойности, соблюдением формальных служебных норм. Чтобы избавиться от нежелательного сотрудника, издали приказ о переводе его в глухой отдаленный район, мотивируя производственной необходимостью (в нарушение Устава службы госохотинспекции, утвержденного Советом Министров Казахской ССР, согласно коего старший егерь должен находиться в областном центре). А у него семья, жена работает, дети учатся; переезжать — бросить квартиру. Был расчет — не поедет, откажется, и тут же уволить. Но он заявил, что поедет, только сперва обжалует приказ. Тогда, не откладывая в дальний ящик, уволили. По справке, по которой можно уволить. (После заместителя городского прокурора признает, что подписал справку не читая.) А Куркин — еще и секретарь партийной организации. Парторг без должности. Парадокс, но факт! К моменту моего приезда в Уральск над Куркиным нависла угроза исключения, начались хождения по партийным инстанциям. Против него на собрании голосовали те, кого он уличал в браконьерских действиях.

«Я в Коммунистической партии 22 года, — писал В. А. Куркин. — Работая в госохотинспекции, последние два срока, несмотря на мои просьбы и объяснения, что я болен и мне очень трудно, избрался секретарем первичной парторганизации рыбинспекции, Общества охотников и рыболовов, охотинспекции. Я пенсионер органов внутренних дел, до 1970 года работал старшим инспектором ОБХСС УВД Уральской области, при выходе на пенсию награжден ценным подарком. Имею правительственные награды. Работая в охотинспекции, Главным управлением награждался денежной премией...»

«Вы взяли за дело вам неподсильное», — шепнул ему наедине один ответственный товарищ. А может, все-таки, подсильное? Дело-то ведь правое. В ответе на сигнал одного из егерей Н. Г. Чибисова о растрате Уральский облфинотдел соглашался, что факты «в основном подтвердились. Материал проверки направлен облисполкому для рассмотрения вопроса об ответственности виновных». А ведь Чибисов писал уже не о 100 000, а о 400 000 руб., затраченных невесть куда...

Казалось бы, дело должно закончиться к вящему торжеству справедливости: Широких В. С., главный госохотинспектор, снят с должности, ему объявлен выговор за разбазаривание государственных средств и другие проступки.

После Широких охотинспекцию возглавил Rogozin. На смену ему пришел Пешков. Потом... опять Rogozin, затем — Дьяков. Он, Дьяков, и продолжил военные действия против своих подчиненных охотоведов, егерей.

Для Федора Петровича Дьякова не существует никаких норм приличия. В первые же дни заявил во всеуслышание, на собрании:

— У меня самые большие браконьеры Куркин, Мадянов, Гутарев. Я не знаю, как от них избавиться!

(Это о людях, с которыми ему предстояло работать, кто годами и трудом доказал свою преданность делу.)

Пытался ставить по команде «смирно!». «Ты с кем говоришь, я подполковник...» (он — в отставке). К Куркину у него какая-то патологическая ненависть. Чуть что, слышно, громыхает: «Кто дал вам право привлекать к этому делу Куркина!» «Если вы обратитесь к Куркину, я вас уволю». Куркин, Куркин...

Зло порождает зло. За Куркиным пришел черед других. С приходом Дьякова из 18 штатных работников сразу ушло 8 человек. (Заметим в скобках: егеря такая должность — сложная — что

при желании всегда можно отыскать, к чему придаться.)

«Не знаю, что творится, не пойму», — говорит егерь Гутарев. Он схватился с Дьяковым из-за Куркина, ну и, конечно, сразу впал в немилость.

Подобрали кучку егерей-подхалимов, подчас ничего не понимающих, случайных (взамен уволенных и ушедших «по собственному желанию»). Им — мотоциклы, ружья, форму — все.

Показателен пример с бывшим председателем правления областного общества охотников и рыболовов Г. М. Боровко. Боровко фигурировал как браконьер в журнале «Крокодил». Его сняли после статьи в «Казахстанской правде» («Лицензия браконьеру»). В судебном определении в его адрес было записано: «Предложить в гражданском порядке взыскать иск — 19.500 рублей. Горсуд. Судья Карташова.» Теперь этот Боровко голосует против Куркина, за исключение и увольнение.

«С июня 1957 года — тринадцатый начальник», — сетуют егеря. Можно ли при таком положении, да таком руководстве ждать порядка?

Отсюда и последствия. Охраны промысловых животных как таковой нет. Кто сколько хочет убить, столько и убьет. Площади большие, егерей мало. В степи сколько рогов, голов — мясо берут, остальное бросают. Бьют лосей безнаказанно...

А что творится на сайгачных полях! Животных давят колесами машин, истребляют безжалостно. Здесь сайги много, в связи с засухой животные в поисках воды подходят прямо к поселкам, их — бьют!.. Потянулись они, было, на окраину Пятимарского совхоза (Старая Кармановка, Джангалинский район) за помощью к человеку — их встретили выстрелами...

Бьют дичь в заказниках! Не потому ли и уральская охотинспекция по всем показателям на последнем месте?

«Охранять не успеваю, — жалуется один из егерей, — только встречаю да провожаю» (начальников, «гостей», «подшефных» Дьякова).

«Охраны природы и зверей практически нет. Да и о какой охране может идти речь, ежели егеря изымают у нарушителей оружие, а назавтра оно снова у них. Елфимовым, отцу и сыну, Дьяков вернул малокалиберное ружье с оптическим прицелом.

За последние годы дичи прибавилось, сказались природоохранные меры прошлых лет, постановления правительства. Но сейчас «охотники» едут из Толятти, Саратова, Волгограда, Астрахани. Кого не встретишь в степи! Вокруг — любящие марки машин. Охотятся без путевок. Если так продлится 3—5 лет, не останутся, в кого стрелять.

Положение стало вовсе нетерпимым после хлесткой статьи Николая Корсунова «Лицензия браконьеру» («Каз. правда», 16.IV.76). «Нас опозорили в печати на весь Советский Союз!» — бушевал, сверкая белками, Дьяков. А не позор ли то, о чем сообщалось в статье? Н. Ф. Корсунов, местный уроженец, член Союза писателей СССР, знал, о чем писал. Статья затронула коренные пороки работы областного общества охотников и служб госохотинспекции. В ответе редакции (29.V.76) председатель правления Казохотрыболовсоюза П. Трухин признал справедливость критики, сообщил об оргвыводах.

Это был не первый острый сигнал. Еще раньше, 7 января 1976 года, газета «Приуралье» опубликовала корреспонденцию работников Кушумского лесничества «Браконьеры... с лицензией». В ней товарищи сообщали, что «в результате бесконтрольного отстрела в лесничестве... лосей и косуль почти не стало» (значит, добрались и до косуль). Товарищи требовали регистрации лицензий, «а то по одной лицензии отстреливают кому сколько заблагодарассудитесь».

Где же это происходит, товарищи?

В Уральске, все в том же Уральске, бывшей столице Войска Уральского, по-старинному — в Яике. В чем прелесть этих мест? Здесь Европа сошлась с Азией, горы — и степи, перелюток, природа — европейская и азиатская. Разнообразие, какого не встретишь в других местах. В песках — бор, лес! Красота, богатства — глаз не отвести! Охотоведы, егеря, их друзья готовы хоть в ночь-полночь вскочить и кинуться ловить нарушителей законного порядка, — все влюблены в природу родных мест! Оттого, быть может, у них и энергия такая, потому и не унывают, не пасуют перед трудностями.

Нет, поверьте, мне совсем не доставляет удовольствия рассказывать про плохое.

...Я направился к Дьякову. Интересно, какие аргументы приведет он в оправдание того нетерпимого положения, которое сложилось за последнее время в охотинспекции и вообще в охране фауны?

Собственно, Дьяков вряд ли мог добавить что-то новое, вся картина была ясна, я достаточно ознакомился с делом, скрупулезно изучил документы — приказы, отчетность, протоколы, акты разных ревизий и проверок, разговаривал с людьми. Просто интересно, что скажет Дьяков? Должен же он что-то сказать. Я был готов ко всему и ожидал чего угодно, но только не того, что произошло.

Дьяков — высокий, прямой, в добротном сером костюме, эlegant-

ный, даже красивый, преисполненный чувства собственного достоинства, этакое олицетворенное благородство и предупредительность, — с первых же слов заявил: «У нас секретов нет», но так ничего и не сказал конкретного, не ответил ни на один предложенный ему вопрос, отделяясь ничего не значащими общими фразами. Держался с апломбом, даже чуть с вызовом, но и не мог скрыть — это ясно чувствовалось — беспокойства: зачем нелегкая принесла нежданного посетителя, что ему надо?

Я с интересом наблюдал за ним. С подчиненными подчеркнуто любезен, выспренные фразы: «Я вас больше не задерживаю», «Не хочу отнимать ваше время. У вас ко мне больше ничего нет?» Обернулся ко мне — одарил улыбкой. Но улыбка миг сбежала, лицо исказила гримаса, стоило лишь упомянуть про Куркина. Зажав голову руками, в картинной позе трагического отчаяния (из плохой пьесы), Дьяков сказал, нет, закрывал:

— Опять Куркин! Я уже не могу слышать эту фамилию! Я с ума сойду! Я болен, мне надо в больницу ложиться! Завтра подам заявление, чтобы меня освободили от этого!..

Я сказал как можно спокойнее: — Если вы больны, не надо здесь сидеть. Я шел в государственное учреждение, разговаривать о деле, не о болезнях. Извините, коли ошибся. Скорейшего излечения.

На том наша встреча и закончилась.

Я уезжал из Уральска растревоженный всем увиденным и услышанным, полон самых беспокойных мыслей и чувств. Нужен более строгий и нелицеприятный отбор людей на роль руководителей охраны богатств природы.

Также, как Дьяков, дело ведут непрофессионально, на поводу у разных ответственных и безответственных лиц, да еще позволяют себе любые излишества в обращении с людьми.

И Дьяков сам не успокоится. Совершенно ясно, нужно серьезное лечение, оперативное вмешательство. Много лоз прошло, а вон уже сообщают: состоялось «решение» об увольнении прирожденного егеря (больше бы таких!) Павла Гутарева, как сказал один из членов месткома, «за непослушание родителям» (кто тут родитель, интересно б знать?).

Следом (дождался-таки!) состоялась расправа и над Аполлоном Агафоновичем Мадяновым, верным и стойким бойцом за благополучие природы. Отписывал мне Мадянов: «Прошу извинить меня за беспокойство, да вот решил написать. Время без десяти минут 4 часа ночи, тишина, спать бы, но не

спится. Выгнал с работы Дьяков, за невыполнение устава егерской службы. Срочное решение месткома и увольнение за бездеятельность. А этими же днями за мою бездеятельность Главное управление почтовым переводом прислало премиальное вознаграждение 291 рубль...»

Еще весть: «Куркин добился приезда проверяющего из Алма-Аты по заданию ЦК республики. Проверяющий — работник Главохоты. Он взял с собой Куркина и Мадянова. Брал он с собой и дела на «строительство» и бесконечные «ремонтки» со списанием десятков и сотен тысяч рублей. (Речь идет о названном выше деле с использованием средств не по назначению. — Б. Р.) Проверяющий уехал убежденным в правоте нашей, но сдвигов пока нет...»

Вести идут, и тревожные вести. Доколе?

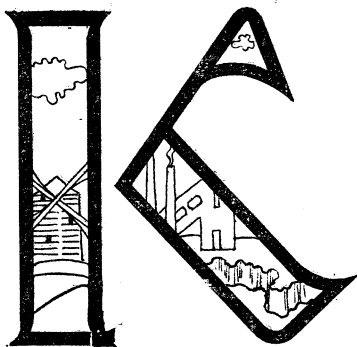
Ставлю точку и возвращаюсь мыслью к Владимиру Николаевичу Абусову. Помните, из второй истории?.. Он теперь в промышленном отделе горкома партии, инструктор по водоснабжению, и ныне его планы борьбы за природу приобрели больший размах. Уже не одна рыба или вода, или зверь волнуют его: охранить все в комплексе — лесные и водные богатства со всем растительным и животным миром; а для этой святой цели сократить, быть может, число рубок, упорядочить лесопользование — тем прибудет и воды. Замыслы Абусова встретили поддержку в партийных и советских органах. Вынашивал идею представительной конференции с привлечением видных ученых, специалистов в Нижнем Тагиле; поднимай выше — конференция замысливается в областном масштабе — в Свердловске. А там, глядишь, в масштабе всего региона — Урала... Нет, все-таки добро побеждает на свете! Но много, ох, много на этой дороге ухабов, косогоров, глубоких скользких рытвин и скрытых опасностей...

ЯЗЫК ЗЕМЛИ

Краткий словарь географических названий Урала

**Александр
МАТВЕЕВ**
Оформление
З. Баженовой

КАЛЬЯ, река в бассейне Сосьвы и рабочий поселок в Свердловской области близ Североуральска. Мансийское *халь*, *каль* — «береза», *я* — «река», то есть «Березовая река».

КАМА, наиболее значительная река Приуралья, левый приток Волги. В русских летописях упомянута в 1220 году. Есть множество объяснений, и среди них совершенно нелепые, например, будто бы Кама от древнерусского *камы* — «камень» или по-зырянско-пермяцки означает «сильно пал», то есть «вода, имеющая сильное падение». Не лучше и предположение, что Кама из удмуртского *кам* — «долгий», «длинный», хотя бы потому, что по-удмуртски «долгий», «длинный» не *кам*, а *кема*.

В середине XIX столетия В. Н. Латкин высказал мысль, что Кама одного происхождения с Комму — «Страна коми». Эту версию потом повторяли многие, но профессор В. И. Лыткин доказал, что слово *коми* родственно мансийскому *хум*, *кум* — «человек» и ничего общего не имеет с гидронимом Кама.

Каму, как и Волгу, тюркские народы зовут Идел — «Река» (варианты Итил, Ител, Этел, Атал), и поскольку названия больших рек часто означают просто «Река», может быть, что в топониме Кама скрыт именно такой смысл. Тогда название Кама очень древнее и связано с каким-то неизвестным языком.

Близки по звучанию и даже полностью совпадают с этим словом

названия рек севера Европейской части СССР и Урала: Кемь в Карелии, Кема и Кьяма — на Вологодчине, Кама в бассейне Тавды (Свердловская область). Кроме того, есть Кама, приток Конды, в Тюменской области и Кама, приток Оми, в Новосибирской области.

Наконец, самое интересное, что в тувинском языке *хем* — «река» (*Хем* — «Енисей»), в финском *кюми* — «поток», «течение», а в Бухаре словом *кам* обозначаются большие полноводные каналы. Есть еще удмуртское *кам* — «река», но оно вторично — от названия реки Кама.

Значит, перед нами древний географический термин — обозначение реки, некогда общее для различных языков Евразии.

Другая версия: в основе названия Кама лежит обско-угорское (хантыйское) *кам* — «прозрачный», «чистый», то есть Кама — «Чистая». Эта этимология поддерживается следующими соображениями.

В древности словом Идел обозначалась Кама и нижнее течение Волги, даже Белая, ниже течения Камы и Волга от устья Камы. Между тем известно, что русское Белая — перевод с тюркского (башкирское *Агидел* — «Белая река») и что Каму некоторые тюркские народы тоже называют «Белой рекой» (чувашское *Шур Атал* — «Белая река»). Более того, и название Волга чаще всего объясняют из финского *валкэа*, эстонского *валге* — «белый» с заменой финского *а* на русское *о* (сравните финское *лаппи* — русское Лопь, лопари). Но ведь по своему значению чистый и белый слова достаточно близкие. Значит, слово Кама по происхождению вполне может быть связано с хантыйским *кам* — «чистый».

КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ, город, крупный промышленный центр в Свердловской области, расположенный на берегах реки Исети и ее левого притока Каменки, по которой и назван.

Поселение возникло на рубеже XVII—XVIII веков, когда началось строительство Каменского казенного металлургического завода, пушенного в 1701 году.

В 1935 году поселок Каменский

Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2, 3, 5, 6.

был преобразован в город Каменск, а с 1940 года город стал называться Каменск-Уральским (в Ростовской области есть город Каменск-Шахтинский).

КАМЫШЛОВ, город в Свердловской области на реке Пышме и ее левом притоке Камышловке. В 1668 году на мысу между Пышмой и ее притоком Камышенкой была построена новая слобода — Камышевская. А несколько позже возникла еще одна Камышевская слобода на Исети, теперь — село Камышево или Камышевское Белоярского района.

Наверное, различия ради уже в документах конца XVII века слободу на Пышме стали звать Камышловской, а речку с течением времени Камышловкой.

Примерно так рассказывается о возникновении названия Камышлов в «Словаре» Н. К. Чупина. Остается только добавить, что по-татарски «камышевый» — *камышлы* и скорее всего татарское название речки Камышлы было хорошо известно русскому населению: сперва переведено в форме Камышенка на русский язык, а затем восстановлено в названии. Иначе непонятно, как Камышенка и Камышевская слобода стали Камышловкой и Камышловской слободой.

Косвенно эта версия подтверждается тем, что подобные названия распространены очень широко: есть речка Камышлы в бассейне Урала (приток Ори), несколько деревень Камышлы в Башкирской АССР и даже город Камышлы на севере Сирии близ границы с Турцией.

В 1781 году Камышловская слобода была переименована в уездный город Камышлов.

КАРА, река, впадающая в **КАРСКОЕ МОРЕ** (в Байдарскую губу), **КАРСКИЕ ВОРОТА**, пролив между островами Вайгач и Новая Земля, соединяющий Баренцево и Карское моря. Общепринято, что Карское море получило свое имя по реке, а пролив по морю. Однако ненецкое название моря *Харэ ял* переводится «Море с торосами», и это доказывает, что река получила название по морю.

Расхождение в звуках (ненецкое *х* — русское *к*) не должно озадачивать: русский язык сохранил древнее звучание (до перехода в ненецком *к* в *х*). Есть и другие примеры такого рода, скажем, русское *кекур*, ненецкое *хекур* — «возвышение из камней или дерна, служащее для ориентировки».

Другое объяснение приводит Э. К. Гофман: «самоеды называют эту реку Хара, что в переводе значит «извилистая». Ненецкое слово *хара* действительно имеет значение

«извилина», «поворот» (например, реки, дороги).

КАРАБАШ, город на севере Челябинской области (с 1928 года — рабочий поселок, с 1933 года — город). По горе Карабаш, название которой в переводе с татарского и башкирского языков значит «Черная вершина», или «Черная голова» (*кара* — «черный», *баш* — «голова», «вершина»).

В Свердловской области в реку Тавду слева впадает река Карабашка. Это татарское по происхождению название надо толковать «Черная вершина (верхове)»: вода в реке, текущей по болотистой местности, черная. Такое объяснение поддерживается еще тем, что в Карабашку впадает река Белая.

Рабочий поселок Карабаш есть и в Бугульминском районе Татарской АССР.

КАРАГАЙКУЛЬ, озеро в Челябинской области к востоку от города Кыштым. Башкирское и татарское *карагай* — «сосна», *кул* — «озеро», то есть «Сосновое озеро».

КАРАТАУ, горный хребет в Башкирской АССР между реками Сим и Юрюзань (к северу от города Аша). По-башкирски и по-татарски *тау* — «гора», «хребет», то есть «Черный хребет». Так называют сравнительно невысокие горы, доверху покрытые лесом. Название Каратау часто встречается в тюркской топонимии: есть такие горы на полуострове Мангышлак и на северо-западе Тянь-Шаня.

КАРАТАШ, наиболее значительная вершина (1114 метров) на хребте Крыктытау западнее Магнитогорска (Башкирская АССР). По-башкирски и по-татарски *кара* — «черный», *таш* — «камень», то есть «Черный камень».

КАРАУЛЬСКОЕ, село в Новолялинском районе Свердловской области на левом берегу реки Ляли. Здесь в свое время «был учрежден «караул» с таможней для наблюдения за перевозом разных предметов торговли в Сибирь и обратно» (Н. К. Чупин) по знаменитой «прямой» дороге из Соликамска в Верхотурье, «сысканной» Артемием Бабиновым в конце XVI столетия.

Названий такого рода на Урале очень много, но не все из них свя-

заны с караульными заставами. Наблюдение за местностью, лесными пожарами и многое другое были причиной широкого распространения «караульной» топонимии. Особенно много Караульных гор: близ Красноуфимска, в Первоуральске, около крепости Илецкая Защита и в других местах.

Есть и населенные пункты: деревня Караульное в Октябрьском районе Челябинской области, село Караульное в Ярково-м районе Тюменской области, деревня Караул в Бардымском районе Пермской области.

Русское слово *караул* произошло от монгольского *харуул*, тюркского *карагул* (тюркское), *каравул* (татарское) — «стража», «караул».

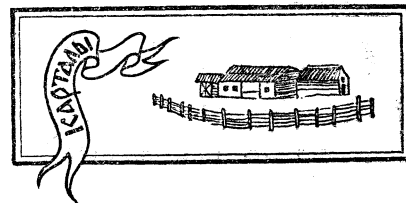
КАРПИНСК, город на севере Свердловской области, центр угольной промышленности. В семидесятих годах XVIII столетия здесь был построен металлургический завод, названный Туринским (по реке Турье). Впоследствии по выстроенной здесь церкви Иоанна Богослова завод стал именоваться Богословским.

В 1941 году из поселков Богословск (Богословский) и Угольный (Угольные Копи) был образован город Карпинск, названный в честь крупнейшего русского геолога, первого президента Академии наук СССР Александра Петровича Карпинского (1846—1936), уроженца Турьинских Рудников (ныне — город Краснотурьинск).

На Приполярном Урале есть пик Карпинского (1878 метров).

КАРТАЛЫ, город в Челябинской области на реке Карталы-Аят (левая составляющая реки Аят). В «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонова название выводится из тюркского (башкирского) *карта* — «изгородь», «хлев» плюс *лы* — суффикс прилагательного. В Белорецком районе Башкирской АССР есть деревня Карталы, и это поддерживает версию В. А. Никонова.

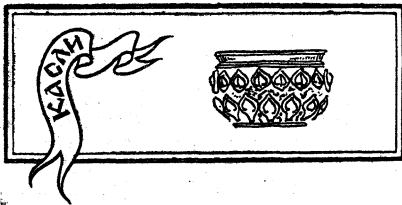
Смушает другое: река на картах названа Караталы-Аят. Между тем в казахском языке есть слово *каратал* — «южная (дословно — «черная») ива», «черный тальник». На юго-востоке Челябинской области есть и другие казахские названия, поэтому такое объяснение вполне возможно. Только дополнительный сбор материала на месте позволит установить истину.

КАСЛИ, город на севере Челябинской области на озерах Большие и Малые Касли и речке Каслинский исток. Каслинский металлургический завод возник в середине XVIII века. В 1942 году Касли стал городом.

В. А. Никонов, правда, не без сомнения сравнивает с мансийским *касли* — «мох». Это неправдоподобно, так как нет никаких данных о том, что манси некогда проживали на территории современной Челябинской области. Неизвестны и мансийские топонимы в этих местах.

По форме идеально соответствует татарское *касле* — «дернистый», что, однако, мало подходит с точки зрения смысла. Можно еще привести татарское *каса* — «чаша», но это еще более спорно.

КАТАЙСК, город в Курганской области на левом берегу реки Исети при впадении речки Катайки. Первое русское поселение — Катайский острог — возникло здесь в середине XVII века. Острог сменила Катайская слобода, а затем село Катайское. В 1944 году Катайск стал городом.

По названию башкирской родоплеменной группы *катай*. В Башкирии по реке Инзеру и верховьям Белой раньше располагалась Катайская волость, ее населяли западно-катайские родовые группы. Еще и сейчас в Башкирии есть два населенных пункта с названием Катайка. Восточные катайцы («катайские татары») жили в Зауралье по рекам Синаре, Тече, Караболке, а Катайск находится на Исети между устьем Синары и устьем Течи.

КАЧКАНАР, город в Свердловской области и гора (883 метра), таящая в себе богатейшие месторождения титаномагнетитов. В 1957 году здесь началось строительство горно-обогатительного комбината. В 1959 году Качканар стал рабочим поселком, а в 1968 году — городом.

Первично название горы. Компонент *нар* происходит от мансийского слова (сравните северомансийское *нёр* — «каменная гора», «Урал»). Значение первой части (*качка*) пока не установлено. У Палласа эта гора фигурирует в форме Кесканар.

КВАРКУШ, хребет на северо-востоке Пермской области в верховьях рек Язьвы и Улса. Наиболее значительная вершина — гора Вогульский Камень (1056 метров). По мнению И. Я. Кривошекова, усвоено из коми-пермяцкого языка, где *куш* — «голо», «пусто», а *кварк* связано с *керавны* — «разрубать». Такое объяснение якобы соответствует орографической картине местности: «оголенный и пустынный хребет, расщепленный глубоким руслом реки Пели». Все это — явная натяжка.

Мансийское происхождение сомнительно, так как манси называют Кваркуш — Пурап (Пурапнёр).

Коми-язвинцы этот хребет зовут Кварк вож. Поскольку *вож* — «развалина», «ответвление», «ветвь», «хребет», то вторую часть топонима можно считать разгаданной. Но что значит кварк?

Известный специалист по пермским языкам В. И. Лыткин сравнивает *кварк* с марийским *курык* — «гора», другие ученые — с финским *коркэа* — «высокий», но, все-таки, и такое объяснение сомнительно.

КИЗЕЛ, город в Пермской области, центр Кизеловского угольного бассейна. Получил название по реке Кизел, притоку Вильвы (бассейн Яйвы). В середине XVIII века в районе реки Кизел была обнаружена железная руда. На базе этого месторождения в 1789—1790 годах начал работать Кизеловский металлургический завод. При заводе возникло поселение.

Еще в 1786 году недалеко от строящегося металлургического завода было открыто месторождение каменного угля, которое и определило будущую судьбу Кизела. Первая шахта была заложена в 1797 году, но интенсивная разработка месторождения началась только во второй половине XIX века. В 1926 году Кизел стал городом.

Название реки Кизел пытались вывести из татарского *кызыл* — «красный», указывая на прибрежные заросли шиповника и бузины с их красными ягодами. Поскольку в источниках XIX века река часто называется Кызел, а завод Кызеловским, такая переработка, на первый взгляд, кажется возможной, тем более что на Южном Урале есть река Кизил, приток Урала, название которой по-башкирски звучит Кызыл — «Красная». К тому же, в Северном Прикамье встречаются и другие названия, которые можно считать тюркскими (например, названия рек Ик и Кондас). Против этого взгляда ударение в слове Кизел (в тюркизмах оно обычно на последнем слоге), которое, впрочем, можно объяснить влиянием коми-пермяцкого языка.

Другое предположение: Кизел — из коми-пермяцких слов *кыдз* — «береза» и *йыл* — «верховье», то есть «Березовое верховье».

КИРОВГРАД, город в Свердловской области. Первоначальное поселение — деревня Калата — возникло в XVII веке. В 1910—1912 годах на базе Калатинского медно-рудного месторождения строится Калатинский медеплавильный завод. В 1932 году рабочий поселок Калата был преобразован в город Калату, а в 1936 году Калата переименована в Кировград в честь Сергея Мироновича Кирова (1886—1934).

КИСЕГАЧ (БОЛЬШОЙ КИСЕГАЧ), озеро в Челябинской области к северо-западу от города Чебаркуль.

Обычно объясняют из татарских слов *кис* — «руби» и *агач* — «дерево», «лес» («Руби лес»), то есть «Озеро, у которого рубили лес». Топоним татарского происхождения (по-башкирски «дерево», «лес» — *агач*). Интересно, что в «Словаре» Н. К. Чупина наряду с Кисегач фигурирует Кисягач.

КОЙВА, правый приток Чусовой, протекающий по Пермской области. Это типичная горная река. Из коми-пермяцких слов *кой* — «брызга» (*койны* — «плеснуть», «брызнуть») и *ва* — «вода», то есть «Вода с брызгами», «Брызжащая вода».

КОЛВА, правый приток Вишеры (Пермская область) и правый приток Усы (Коми АССР и Ненецкий национальный округ Архангельской области). Есть еще Ковью (коми Коюй), в документе 1608 года Колва — правый приток вычегодской Вишеры (Коми АССР).

До сих пор не имеет надежного объяснения, хотя *ва* («вода») указывает на происхождение из коми языка.

Сравнивали с *кол*, что будто бы на языке коми означает «лес», «ель» (по-коми «ель» — *коз*, «лес» — *вор*), а также с коми *кола* — «охотничий шалаш», мансийским *кол* — «дом».

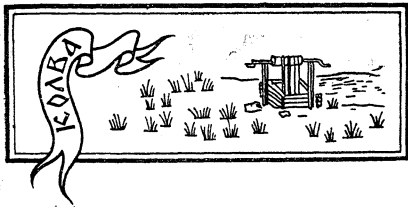
Н. К. Чупин конструирует мансийское Колъя — «Рыбная река», из которого при замене мансийского *я* — «река» на коми *ва* — «вода» получилась Колва. Но как могла

произойти совершенно одинаковая переработка названий в столь удаленных друг от друга местах, как бассейны камской Вишеры и Усы?

Не сохранилось ли в топонимии старое пермское слово *кол* — «рыба»? Дело в том, что в финно-угорских и самодийских языках понятие «рыба» выражается одним общим корнем (финское *кала*, мордовское *кал*, марийское *кол*, венгерское *хал*, мансийское *хул*, ненецкое *халя*) и только в пермских языках обстоит иначе (по-коми «рыба» — *чери*, по-удмуртски — *чорыг*).

Пермское слово — явно более позднее, его сравнивают с мансийским *сорах* — «сырок». Очевидно, название какого-то конкретного вида рыбы стало в пермских языках обозначать рыбу вообще, вытеснив более древнее слово, первоначально общее для всех финно-угров и самодийцев.

Если же эта версия со временем не подтвердится, остается один путь: считать, что топоним Колва восходит к языку каких-то предшественников коми и «втяннут» в ряд названий, на *ва*. В том случае, если язык-источник был финно-угорским или самодийским, основа *кол* может иметь значение «рыба». А вот почему в сочетании с *кол* в качестве географического термина непременно выступает *ва* — тайна.

КОМИ АССР, автономная республика народа коми в северном Приуралье, образована 5 декабря 1936 года (с 1921 по 1936 год — автономная область Коми), КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ национальный округ, образован 26 февраля 1925 года, в настоящее время входит в состав Пермской области. До революции коми именовались зырянскими пермяками (теперь коми и коми-пермяки).

По самоназванию народа коми, родственному мансийскому *хум*, *кум* — «человек». Народы часто называют себя таким образом: тот же смысл «человек» скрыт в этонимах ненец, удмурт, мари, мордва и других.

Была еще попытка вывести слово коми из названия реки Камы (сравните удмуртское *кам* — «река», «Кама», финское *кюми* — «поток», «течение»), то есть коми первоначально «житель Камы», однако эта точка зрения не нашла поддержки среди финно-угроведов.

КОНЖАКОВСКИЙ КАМЕНЬ, самая высокая гора в Свердловской области — 1569 метров. Находится юго-западнее Карпинска между верховьями Лобвы и Каквы.

Известный путешественник XIX века начальник Североуральской экспедиции Русского географического общества Э. К. Гофман указывает, что эта гора получила название по имени вогула Конжакова, «который у подножья ее имел некогда свою юрту и занимался на ней охотой».

КОНСТАНТИНОВ КАМЕНЬ, гора на Полярном Урале (492 метра), северная оконечность Уральского хребта (Ямало-Ненецкий национальный округ Тюменской области).

Летом 1848 года отряд Североуральской экспедиции Русского географического общества во главе с начальником экспедиции Э. К. Гофманом достиг северной оконечности Уральского хребта. Гофман совершил восхождение на самую северную вершину хребта. «Перед нами, — писал он, — открылся вид поразительный. Это была действительно самая северная гора Уральского хребта, круто падающая в тундру. С высоты ее взор беспрерывно достигает через непрерывную равнину до моря, отстоящего на 40 или 50 верст...»

По предложению Гофмана гора была названа Константиновым Камнем по имени председателя Русского географического общества великого князя Константина Николаевича, сына Николая I. Это было вполне в духе времени. Разумеется, великий князь Константин только считался председателем, фактически же обществом руководили вице-председатели, в то время знаменитый путешественник адмирал Ф. П. Литке.

КОРКИНО, город в Челябинской области, центр угледобывающей промышленности. После революции геологи обнаружили близ старинной деревни Коркино мощные месторождения каменного угля. В тридцатых годах началась добыча угля, в 1932 году Коркино стало рабочим поселком, в 1942 году — городом.

По преданиям, деревня Коркино была основана в середине XVIII века бежавшим из ссылки Афанасием Коркиным. Фамилия эта старинная: в русских памятниках XVII века упоминается некий Сергей Коркин, а еще раньше — в 1545 году — зафиксировано прозвище Корка.

КОСЬВА, левый приток Камы (Пермская область). В старинных документах — Косва. Быстрая и порожистая река, которая начинается у невысокой горы Косьвинский Ка-

мень (1519 метров) на границе Пермской и Свердловской областей. По-коми-пермяцки *кось* — «порог», «перекат», «мель», *ва* — «вода», то есть Косьва — «Порожистая вода».

КРАСНОВИШЕРСК, город на севере Пермской области, расположенный на берегу реки Вишеры. Возник в 1930 году с началом строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината, городом стал в 1942 году. Красный — символ революции.

КРАСНОТУРЬИНСК, город в Свердловской области. До революции — поселок Турьинские Рудники. Первый медный рудник на берегу реки Турьи возник в 1758 году. В 1944 году рабочий поселок Турьинский стал городом и переименован в Краснотурьинск.

Река Турья — правый приток Сосьвы. Название мансийского происхождения: *тур* — «озеро», *я* — «река», то есть «Озерная река». В верховьях Турьи есть озера Большое и Малое Княспинское и Антипинское.

КРАСНОУФИМСК, город в Свердловской области на правом берегу Уфы.

В 1736 году в урочище Красный Яр была построена крепость для защиты от набегов башкир. Сначала она называлась Красноярской или Уфимской, а впоследствии Красноуфимской.

В 1781 году Красноуфимск стал уездным городом.

Населенных пунктов и урочищ с названием Красный Яр очень много как на Урале, так и в других районах страны. Чаще всего *красный* в этом случае имеет значение «красивый», *яр* — «крутой обрывистый берег» (из тюркского *яр* с тем же значением), то есть Красный Яр — «Красивый (крутой) берег». Но иногда красный употребляется в собственном цветовом значении и указывает на красноватую глину в обрыве. Как утверждает в «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонов, красный в названии города Красноуфимска — «красивый».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Красный фотограф

В 1915 году в Екатеринбурге обосновался и завел собственную фотографию Михаил Серебренников. Дальний родственник Я. М. Юровского, уральского революционера, а тогда — тоже екатеринбургского фотографа, Серебренников стал «сочувствующим», увлекся политикой.

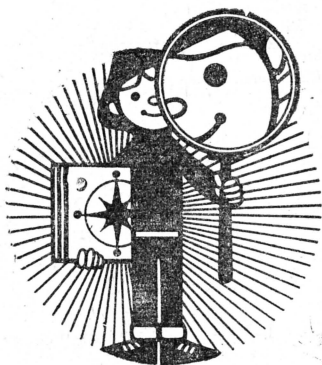
В июле 1918 года колчаковцы арестовали М. Серебренникова. Полгода он просидел в тюрьме.

После освобождения Екатеринбурга, с июля 1919 года, М. Серебренников стал фотографом Первого Уральского Коммунистического железнодорожного батальона. Снимал демонстрации и митинги, бойцов и командиров, часто выезжал на передовую...

На станцию Голышманово, что за Тюменью, куда М. Серебренников выехал на съемку железнодорожного моста, налетел отряд белых. Красного фотографа в кожанке они зверски зарубили...

На снимке М. Серебренникова: комсостав Первого Уральского Коммунистического железнодорожного батальона, ноябрь 1918 года.

Евгений БИРЮКОВ

МИР

НА ЛАДОНИ

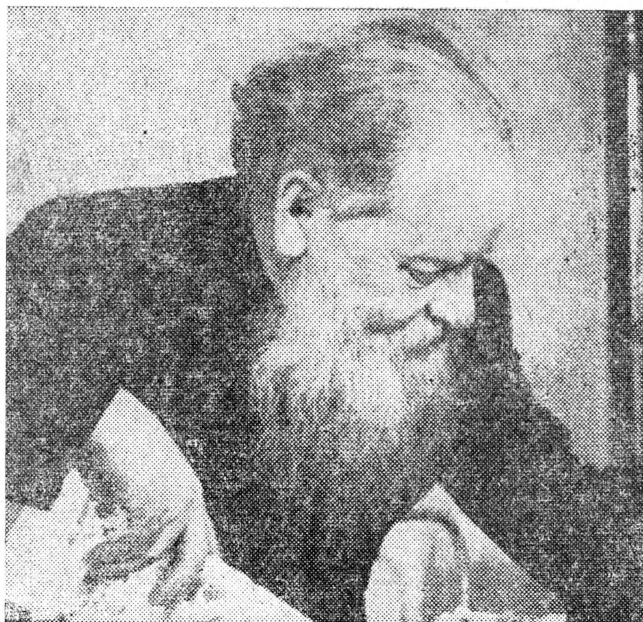
Два домика Петра I

На небольшой улице Кримп в Зандаме, что близ Амстердама, стоит домик с таким же, как на берегу Невы, названием: «Домик Петра Великого». В нем летом 1697 года под именем Петра Михайлова жил русский царь. С топором в руках он ходил отсюда на местную верфь строить деревянные суда.

Некогда этот домик принадлежал Герристу Кисту. Хозяин, гостеприимно встретивший Петра I, завещал потомкам превратить старинный домик в музей. Его желание было исполнено. Кстати, Кист был гостем Петра I — учился в России кузнечному делу.

Недавно домик-музей Петра Великого в Зандаме был реставрирован. Как и домик Петра в Ленинграде, он закрыт своеобразным футляром из кирпича и стекла.

Всеволод КРИВОШЕИН

Серебряные трубы

В Москве, в Государственном Историческом музее, в зале № 21, почетное место занимают серебряные трубы «За взятие Берлина». Этими наградами были отмечены полки, бравшие в 1760 году штурмом германскую столицу.

Приехав с визитом в Россию, германский император Вильгельм II был назначен шефом 85-го пехотного Выборгского полка, участвовавшего во взятии Берлина. Этот полк принимал участие в больших армейских маневрах. По окончании их был назначен парад войскам.

Вильгельм в форме 85-го пехотного полка подъ-

ехал к колонне и по-русски поздоровался с солдатами. Заметив длинные блестящие серебряные трубы, обвитые орденовыми георгиевскими лентами с кистями, и не зная прошлого полка, Вильгельм спросил:

— За какие отличия пожалованы эти трубы?

Он получил точный ответ командира:

— За взятие Берлина. Вильгельм заметно смешался, но ответил гордо:

— Больше этого, конечно, не будет!

Мы знаем, как ошибся Вильгельм...

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

Он всегда был занят...

Павел Петрович Бажов был очень скромным и не любил фотографироваться. Да и всегда он был занят. Но если он давал согласие корреспонденту, то к этому относился серьезно, с вниманием, спокойно.

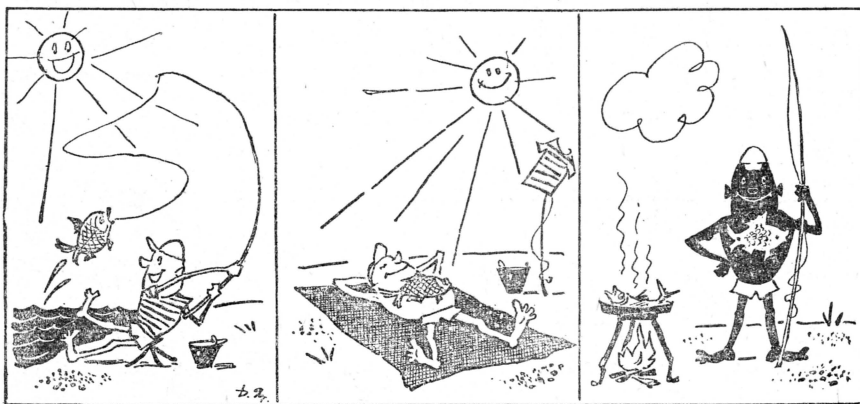
Перед фотографированием Бажов, помнится, говорил:

— Снимайте, какой есть в жизни, без прикрас! Казалось, трудно будет его фотографировать. Но бажовские манеры, черты — что-то характерное только ему улавливалось объективом...

А затем в узком коридорчике он рукой придерживает меня за плечо, осторожно тянет за пуговицу — приглашает в столовую, на чашечку чая...

На снимке: П. П. Бажов дома, снимок сделан в 1947 году.

Иван ШУБИН
Фото автора

Однажды на рыбалке...

Рисунки Д. Ячейкина
(г. Пермь)
и В. Милейко (г. Ленинград)

Знаменитые геологи

Этот снимок сделан на первом Всесоюзном совещании по развитию производительных сил Бурятии, которое проходило в Ленинграде в 1934 году... Среди бурятских делегатов — старейшины геологической науки. Это — автор классических работ по геологии, первый выборный президент Академии наук СССР Александр Петрович Карпинский (слева) и выдающийся геолог, географ двадцатого века Владимир Афанасьевич Обручев. Крупный исследователь Центральной Азии и Сибири, В. А. Обручев был также признанным авторитетом и в области геологии Забайкалья, поэтому его идеи для совещания «по развитию Бурятии» были основополагающими.

Труды двух знаменитых ученых, проживших долгую жизнь, стали фундаментом для отечественной геологии. Их работы и поныне имеют значение в освоении подземных богатств Восточной Сибири и всей нашей страны.

Инкубатор... на спине

Лягушка, именуемая пипой, откладывает икринки в болотной воде, а детеныши появляются на свет из маленьких колыбелек-углублений на спине мамы. Как это происходит? Оказывается, с помощью отца. Он заботливо раскладывает по ячейкам на спине пипы ее икринки. В надежных гнездышках-колыбелях они лежат несколько десятков дней, а потом превращаются в живые существа. Своеобразный инкубатор на спине лягушки обогревается горячими лучами бразильского солнца, под которым живет пипа. На снимке: бразильская пипа.

«Скорая помощь»... через космос

Недавно в канадской провинции Западный Онтарио проводился необычный эксперимент. С помощью передатчика и спутника устанавливалась телевизионная связь между медпунктом в Кашечеване и клиникой в Лондоне. Там высококвалифицированные врачи через огромное расстояние осматривали и опрашивали больных, ставили им диагноз и консультировали местных медиков. Космическая «скорая» — особенно удобна для малонаселенных районов.

У рыбы четыре сердца

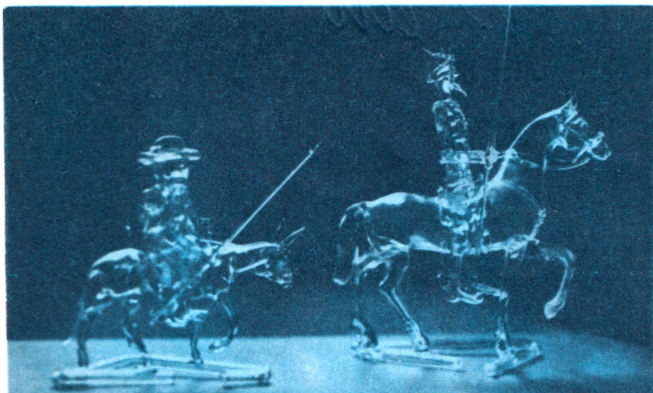
Эта рыба, миксина, иногда попадает в тралы камчатских рыбаков. В ней много загадок.

Миксина — единственная из рыб, дышащая через нос. Глаза ее затянута кожей, однако сверхчувствительные клетки всего ее тела помогают миксине превосходно ориентироваться. Сердце у небольшой рыбки — четыре: для хвоста, для печени, для головы, для мышц.

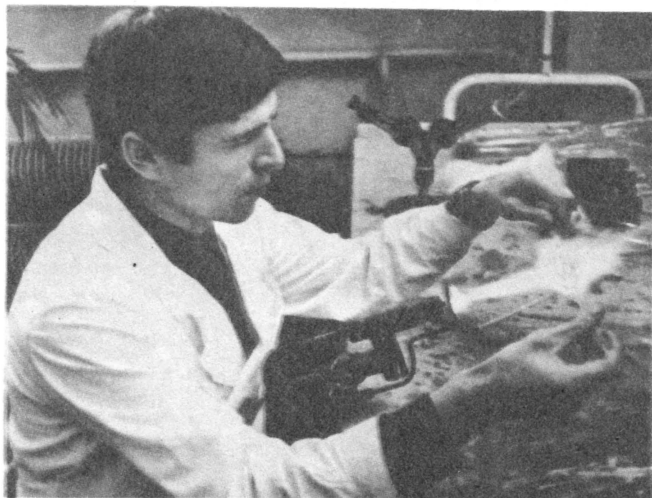
Миксины чрезвычайно живучи, могут обходиться без пищи более полугода. Врагов у них мало. В случае опасности они выделяют слизь, и вода вокруг становится, как студень. Миксины хорошо прячутся и способны завязываться узлом, так гибок их позвоночник.

Сто лет в тюрьме

Шестнадцатилетнего француза Жана Баптиста Мулона за серию поджогов в 1776 г. приговорили к каторге на срок «100 лет и 1 день» (пожизненная каторга тогда не практиковалась). В ноябре 1876 г. тюрьму в Тулоне покинул седой художник-старик. Полностью отбыв столь необычный срок заключения, 116-летний Мулон пешком отправился в родную деревню, находящуюся в Нормандии.

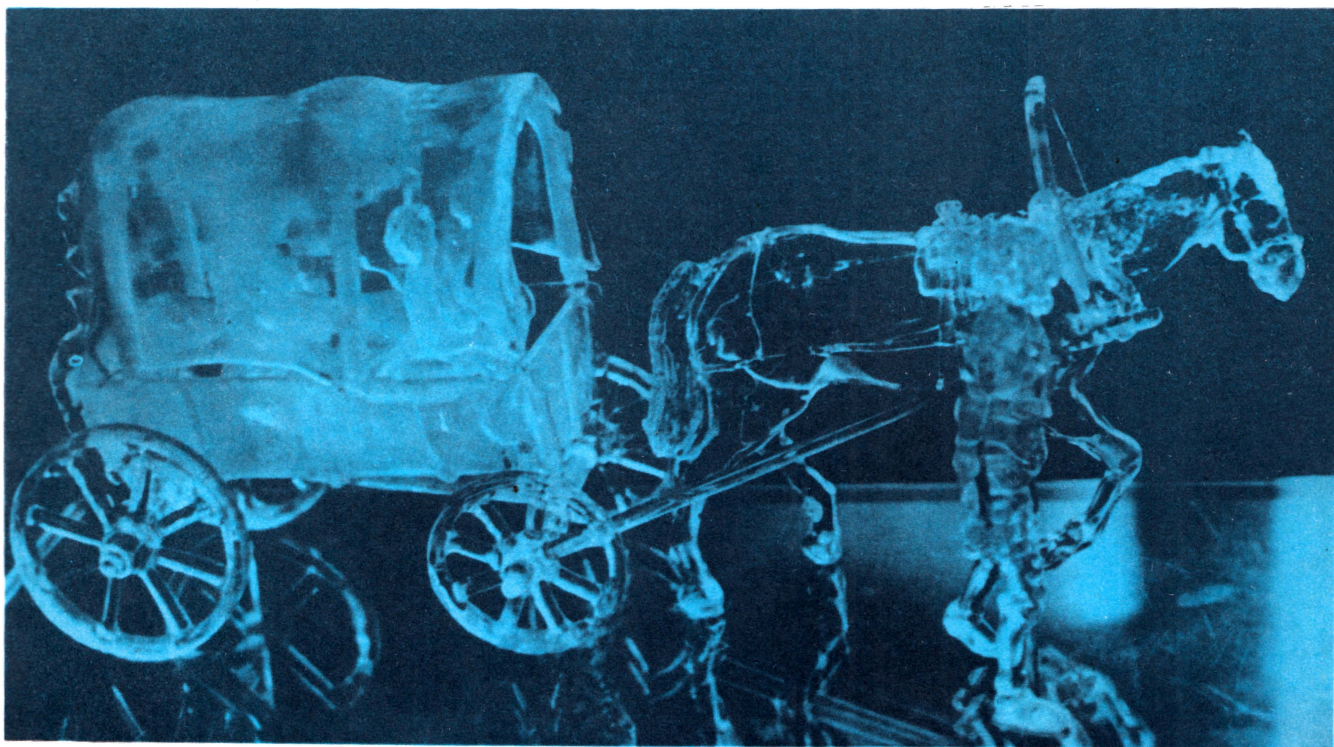

Дон Кихот и Санчо Панса.

М. Батаев в стеклодувной мастерской.

Цыганская кибитка.

Скульптура из стекла

Самые долговечные вещи, наверное, не те, что прочны, а те, что прекрасны, совершенны. И хотя не из крепчайшего гранита сотворены скульптуры Михаила Батаева, и даже не из почтенной бронзы, а всего лишь из хрупкого стекла, но их, несомненно, будут беречь люди долгое время. Вот стеклянная кибитка, которая рассыплется, кажется, от одного щелчка, доехала тем не менее до самой Америки — на выставку «Сибирь научная». Туда же доскакала и его «Русская тройка» — другая работа любителя-скульптора, кварцедува института физики полупро-

водников Сибирского отделения Академии наук СССР Михаила Батаева.

Сейчас у стеклянных дел мастера уже более пятидесяти изящных мини-скульптур из стекла и кварца, и он готовится, к радости почитателей своего таланта, открыть персональную выставку...

Фото Г. Кустова

«Касается ли нас мода, когда мы учимся или работаем?» — спрашивают подростки.

А почему бы и нет! Мода существует не только для праздничных вечеров. Свердловский Дом моделей разработал коллекцию одежды для молодежи 14—18 лет, предназначенную специально для производственных занятий. Эта коллекция была признана лучшей на методическом семинаре Домов моделей РСФСР.

Новая производственная одежда оригинальна и несомненно привлечет молодежь своей современностью гораздо больше, чем стандартный рабочий халат. Одежда для практических занятий старших школьников и учащихся ГПТУ сшита из самых популярных тканей. Тут и комбинезоны, сарафаны-передники, платья-халаты, брюки и туники из вельвета или джинсовки, и платья или блузы из

хлопчатобумажной легко стирающейся ткани. Придется по душе и комбинезоны из легких плащевых тканей — в них не страшна любая «сырая» работа.

Яркие декоративные канты, цветные молнии-карманы, привлекательные карманы, декоративный петельный шов — все призвано создать хорошее, бодрое, рабочее настроение.

На фото и рисунках представлены модели, разработанные П. Козловой, Л. Кокоревой, Н. Гвоздь.

Т. СИМАКОВА,
искусствовед
Свердловского Дома моделей

Фото В. Кривошицкого